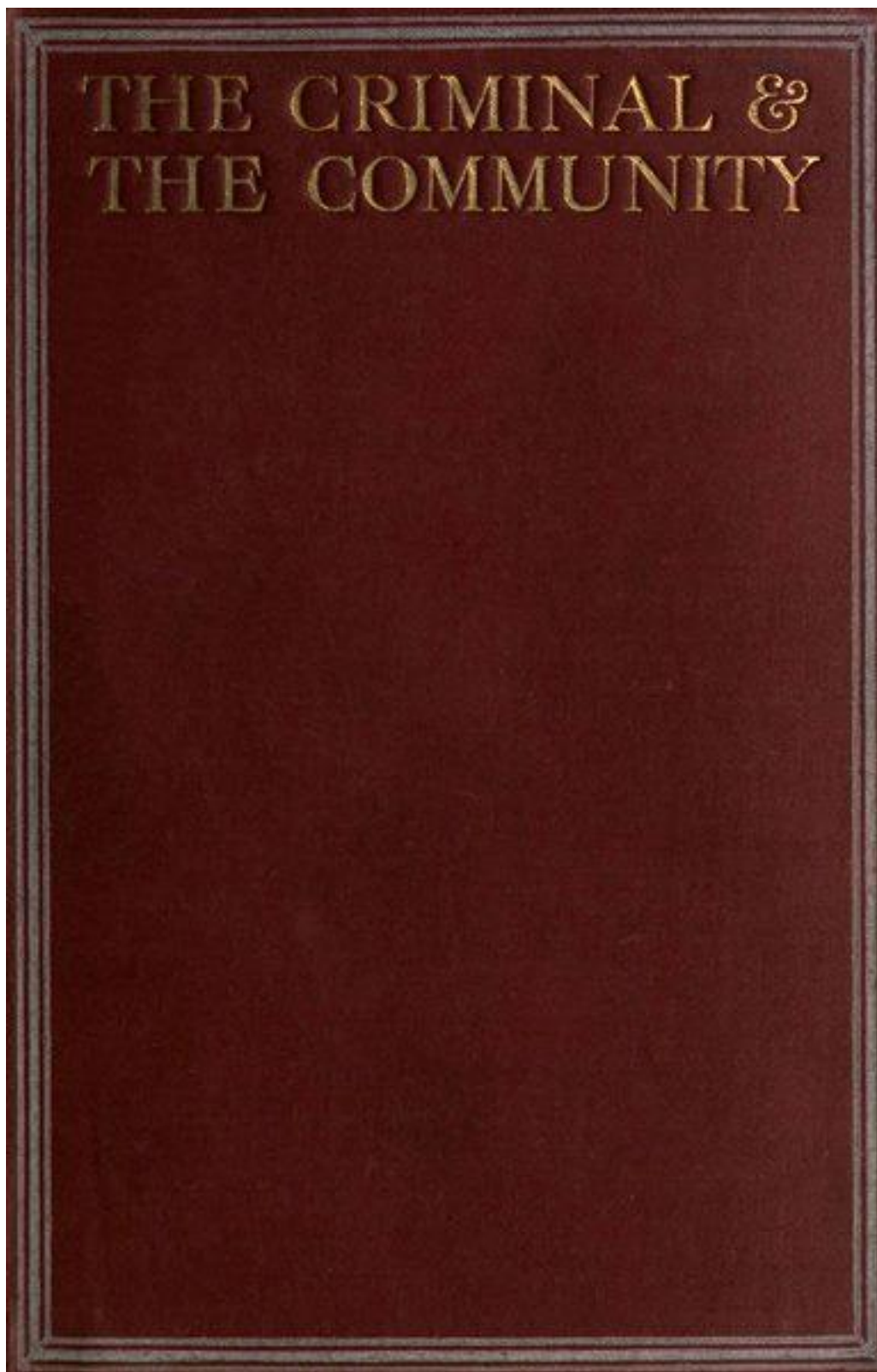

Преступник и общество

Джеймс Девон

The Project Gutenberg eBook of The Criminal & the Community.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить ее или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или в режиме онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь.

Название: Преступник и общество

Автор: Джеймс Девон

Дата выхода: 20 октября 2013 [eBook #43986]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Online Distributed Proofreading Team (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<http://archive.org>)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ ПРЕСТУПНИК И ОБЩЕСТВО ***

Электронная книга проекта "Гутенберг", "Преступник и общество", Джеймс Девон

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через Internet Archive. См. <http://archive.org/details/criminalcommunit00devouoft>

ПРЕСТУПНИК И ОБЩЕСТВО

ПРЕСТУПНИК И ОБЩЕСТВО

ДЖЕЙМС ДЕВОН

МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК ТЮРЬМЫ В ГЛАЗГО С ПРЕДИСЛОВИЕМ ПРОФЕССОРА А. Ф. МЮРИСОНА, Л.Д.

"ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ НЕ ВСЕГДА МУДРЫ, И ПРЕСТАРЕЛЫЕ НЕ ПОНИМАЮТ СУДА.

ПОЭТОМУ Я СКАЗАЛ: ПОСЛУШАЙТЕ МЕНЯ; Я ИЗЛОЖУ СВОЕ МНЕНИЕ".

Иов XXXII. 10, 11.

ТОРОНТО: БЕЛЛ И КОКБЕРН

ЛОНДОН: ДЖОН ЛЭЙН МСМХII

УИЛЬЯМ БРЭНДОН И СЫН, ЛТД., ПЕЧАТНИКИ

ПЛИМУТ, АНГЛИЯ

МЭТЬЮ Г. КЕЛСО И СЭМЮЭЛЮ ГИБСОНУ

НАСТОЯЩИЕ ДРУЗЬЯ

ВВЕДЕНИЕ

Важность тем, рассматриваемых в этом томе, не нуждается в демонстрации. Уже давно и естественно их рассмотрение вызывает сочувствие филантропов, а в последнее время они привлекают пристальное внимание научных исследователей. Однако до сих пор результаты были далеко не удовлетворительными, и есть много возможностей для дальнейшего обсуждения, особенно с точки зрения глубоко практического человека с большим опытом работы как с преступниками, так и с социальными условиями, которые их порождают.

В настоящее время растет чувство социальной взаимозависимости; существует более общая и более определенно осознанная цель улучшить положение менее удачливых из наших сограждан; предпринимаются активные усилия научных исследователей, чтобы обнаружить прочную основу для практических реформ; и практические реформы являются неотложными. Можно ожидать, что такие тенденции в мыслях и чувствах будут способствовать теплоте приему этого тома.

Книга д-ра Девона выполнена с таким размахом, какого еще никогда не было. Она состоит из трех отдельных частей: Преступник; Общие факторы в причинах преступлений; Лечение преступника. Его изложение совершенно ясно; он видит точно, и он прямо, просто и определенно заявляет о том, что он видит и что он думает об этом, очень часто доказывая свою точку зрения с эпиграмматической силой. Если он бесцеремонно выбрасывает за борт то, что считает просто пиломатериалами, накопленными индустрией спекуляций, оторванных от опыта; если он выдает некоторое нетерпение по отношению к существующим

теориям и системам; если он уверенно отстаивает свои собственные взгляды - его обращение, во всяком случае, пикантно и быстро доводит дело до конца.

Предполагается, что мы далеко ушли от средневековой жестокости тюремной жизни, но разве изменения не были скорее поверхностными, чем глубокими? Если отбросить каталог мелких предписаний и посмотреть на общий дух тюремной жизни, то нельзя не признать, что условия, в которых мы до сих пор находимся, имеют много общего с прошлым. Если мы поищем действительно существенные изменения за сто лет, то обнаружим лишь следующие: (1) поверхностная чистота, кажущаяся совершенной; (2) разговоры, тюремные свидания и договоренности, направленные на достойное общение между заключенными и заключенными, а также между заключенными и общественностью, сокращенные и затрудненные многочисленными подзаконными актами. С одной стороны, чистота, достижимая только путем раздражающего труда, несоизмеримого с ее должной ценностью; с другой стороны, сокращение таких удобств, которые, скорее всего, не позволяют заключенному деградировать до социального чужака, автомата или сумасшедшего.

Последствия долгого пребывания в тюрьме нелегко осознать: нужно обладать очень живым воображением, чтобы представить себе эту жизнь и присущие ей возможности. Тот факт, что некоторым заключенным удастся пережить свое существование, не впадая в отчаяние, можно воспринимать скорее как дань шансам исключения, превзошедшего правило, чем как доказательство обращения к добродетели через наказание. Слишком много можно ожидать от обычного человека, пробывшего в заключении семь, или пять, или даже три года, чтобы после освобождения он снова стал "респектабельным" членом общества. Его дух подавлен, его самоуважение уничтожено, он лишен права на возвращение в общество, он готов снова тяготеть к преступлению и тюрьме.

Еще один прискорбный аспект - положение тюремного надзирателя. Помимо заботы о подчиненных, он подвержен такой личной дисциплине - он настолько раб "Правил", - что его жизнь часто становится мало чем лучше жизни его подопечных. По социальному происхождению или интеллектуальным способностям он не уступает обычному полицейскому; но если полицейского учит общество, то надзиратель проводит большую часть времени в атмосфере деградации, губительной как для характера, так и для интеллекта.

Мы вполне согласны с тем, что внимание и сочувствие должны распространяться на первого нарушителя, за исключением случаев откровенной жестокости - и, как отмечает доктор Девон, даже человек, совершивший акт жестокости, не обязательно является жестоким, поскольку первый нарушитель обычно становится жертвой "случайного проступка". В случае с закоренелым преступником, который раз за разом возвращается в тюрьму за различные проступки, представляется разумным навсегда лишить его свободы, но относиться к нему скорее как к больному и положительно опасному человеку, чем как к вредному животному. Во всяком случае, впервые совершивших преступление, не следует объединять с преступниками, прошедшими испытание на прочность.

Доктор Девон решительно выступает за освобождение заключенных, когда ответственные граждане готовы взять на себя опеку и заботу о них на необходимые сроки. В этом вопросе важно отметить его точную позицию: ни на секунду не следует думать, что он выступает за безрассудное освобождение негодяев для общества. Давайте посмотрим на его реальные слова: "Безусловное освобождение закончилось катастрофой для всех заинтересованных сторон. Условное освобождение может принести хорошие результаты только в том случае, если условия будут разумными..... Тюрьма должна быть лишь местом заключения, куда

помещают правонарушителей до тех пор, пока не будет обеспечен надлежащий надзор за ними и средства к существованию в обществе..... Тюрьма, в которую они будут помещены, не будет исправительным учреждением, где будут проводиться всевозможные бесполезные эксперименты, а просто местом заключения, в котором они должны будут каждый сам за себя следить, пока он не решит принять большую степень свободы, подразумеваемую в жизни на свободе. Дверь его камеры будет открыта, чтобы его выпустить, когда он придет к такому выводу; но она не будет открыта, чтобы выпустить его, как сейчас, играть с полицией в игру "заяц и гончие". Аргумент зависит от условий.

Наряду с этим государство могло бы отметить преимущество схемы, при которой первые правонарушители выпускаются на испытательный срок; они получают руководство и помощь в исправлении, а также внушают им неизбежность сдерживания в случае нарушения закона. Таким образом, нарушитель - если только он не из того материала, из которого делают явных злодеев, - скорее всего, почувствует раскаяние, а не угрызения совести. Ему наглядно демонстрируют силу и непреложность закона; и в то же время он избегает того пятна, которое неизбежно оставляет тюремное заключение, даже если оно было сравнительно непродолжительным.

Доктор Девон с неотразимой логикой излагает аргументы в пользу надлежащего обучения наиболее нуждающегося в нем класса. Не следует забывать, что от невежества нельзя ожидать разумности, а бедность сильно мешает. Многие преступники совершают зло только потому, что никогда не знали добра. Наказывать их со слепой и жестокой жестокостью - лишь немногим менее бессердечно, чем жестокое обращение с умственно отсталыми и маленькими детьми. Основными целями тюремной системы, предположительно, являются наказание преступников и побуждение их к тому, чтобы они больше не совершали преступлений. Ни в том, ни в другом случае нынешняя система не может считаться успешной: она не обеспечивает ни должного наказания, ни эффективного сдерживающего фактора. Нельзя игнорировать и то, что ее влияние носит жестокий характер: дикари становятся зверями, а утонченные люди - трагически опозоренными изгоями.

Не стоит ожидать, что доктор Девон во всем и сразу примирительно согласится. Вероятно, он - последний человек, который должен на это рассчитывать. Возможно, даже нежелательно, чтобы его взгляды были приняты без острой дискуссии. Но доктор Девон - опытный воин, привыкший вести собственные сражения; и нет человека, который бы с готовностью признал обоснованную критику.

Доктор Девон начинает и заканчивает на одной и той же ноте: абсолютная необходимость "признания социальных условий такими, какие они есть". Да, "как они существуют"; и никак иначе. Его официальная должность медицинского работника крупной тюрьмы на протяжении более чем полувека и долгий опыт работы в качестве одного из экспертов Короны по уголовным делам на западе Шотландии дают ему право на рассмотрение медицинских и официальных аспектов этой темы. Были и другие авторы, которые могли бы претендовать на официальное знание предмета, но квалификация доктора Девона в социальной сфере является исключительной. Он помогал зарабатывать себе на жизнь еще до одиннадцати лет, и его знания об условиях жизни рабочего класса не были получены извне. Он на практике познакомился с работой подсобного рабочего и ремесленника еще до того, как начал изучать медицину; а его профессиональная жизнь, проведенная в основном в богадельне и тюрьме, дала ему возможность наблюдать со стороны условия, с которыми он был знаком раньше и более тесно. В течение многих лет он был человеком из народа, ходил туда-сюда среди своих сограждан всех классов, беседовал, делился доверием, давал советы и консультации каждый день, одним словом, ознакомился со всеми аспектами

разнообразной общественной жизни вокруг него; неисчислимое преимущество, когда им пользуются острый интеллект и отзывчивое сердце.

Таким образом, можно обнаружить, что он объединил два фактора проблемы - преступника и общество - с растворяющей силой, превосходящей все предыдущие усилия. Я считаю, что его книга - самая освещающая и самая мудрая из всех, что когда-либо были написаны на эту тему.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

ИЗУЧЕНИЕ ПРЕСТУПНИКА

ГЛАВА I

ПРЕСТУПНИК И КРИМИНОЛОГИ

Классификация преступников - лечение преступника не медицинский, а социальный вопрос - технические различия между преступлениями и правонарушениями - изменения в законе - преступление и преступность - новичок в преступлении - общие черты "преступного класса" - жестокие преступления - исключительные - так называемые научные исследования преступника - как цифры вводят в заблуждение - комбинированные фотографии и средние показатели - оценка характера по физическому осмотру - причинная связь этих черт с преступностью

страницы
3-17

ГЛАВА II

НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ И ПРЕСТУПНОСТЬ

Присуще ли наследственности одно качество в большей степени, чем другое? - Невозможность предсказать поведение других людей - Порождают ли преступники преступников? - Подходящие и неподходящие - Неравные способности - Способность и положение - Наследственные способности и социальное давление - Преступление как результат неправильно направленной силы - Изначальный грех и наследственность - Наследственность стоит за всем

18-23

ГЛАВА III

БЕЗУМИЕ И ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Невменяемость и ответственность - Изгнание невменяемых из тюрьмы - Преступление в результате невменяемости - Случай кражи - Растрата - Поджог - Невменяемость и обвинение в убийстве - Результат действия не является руководством для характера действия - Наблюдение за заключенными, обвиненными в определенных преступлениях - Невменяемость как результат

24-40

проступка - Случаи - Умственно дефективные - Случаи

ГЛАВА IV

ФИЗИЧЕСКИЕ НЕДОСТАТКИ И ПРЕСТУПНОСТЬ

Физические недостатки вызывают симпатию - редко провоцируют преступления - могут стать причиной умственной дегенерации - случай ревности и убийства

41-43

ГЛАВА V

ИЗУЧЕНИЕ ПРЕСТУПНИКА

Достоверность показаний заключенных - Обман или непонимание? - Откровенность и знания, необходимые следователю - Показания заключенного должны лежать в основе расследования - Информация и помощь, полученные от бывших друзей - Распространение полученных знаний - Предотвращение преступлений и накопление знаний

44-48

ЧАСТЬ II

ОБЩИЕ ФАКТОРЫ В ПРИЧИНАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ГЛАВА I

ВЫПИВКА И ПРЕСТУПНОСТЬ

Пьянство обычно приписывается производству преступлений - Мелкие правонарушения, обычно совершаемые под его влиянием - Пьянство является фактором в причинной связи большинства преступлений против личности - Раздвоение личности, вызванное пьянством - Пьяная жестокость - Пьяная ярость - Нападения в пьяном виде - Сексуальные преступления - Детская небрежность - Психический дефект, стоящий за пьянством некоторых преступников - Злостное озорство и воровство - Пьяная kleптомания - Пренебрежение психическими отклонениями, лежащими в основе пьянства некоторых преступников - Злоумышленное озорство и воровство - Пьяная kleптомания - Профессиональный преступник и выпивка - Кражи у пьяных - Количество преступлений не соответствует количеству выпивки в районе - Порок, существующий отдельно от преступности, в стране - И в богатых районах города - Пьянство и статистика - Резюме

51-66

ГЛАВА II

БЕДНОСТЬ, НИЩЕТА, ПЕРЕНАСЕЛЕННОСТЬ И ПРЕСТУПНОСТЬ

Большинство людей попадают в тюрьму из-за своей бедности - Бедность и пьянство - Бедность и мелкие правонарушения - Бедность и воровство - Бедность и нищета - Случай кражи из нищеты - Бедность и бродяжничество - Безработица и нищенство - Формирование профессиональных преступников - Дело стариков - Деграция безработных до безработицы - Нет соотношения между количеством только бедности и количеством преступлений - Определенное соотношение между плотностью населения и преступностью - Трущобы Бедность и скученность в связи с преступлениями против личности - Бедные и чиновники - Отсутствие возможности для рационального отдыха -

67-94

Миграционный характер населения - Множество законов и наказаний - Проступки из-за невежества и неспособности соответствовать - Контраст между городской и сельской администрацией - Случай мелкого правонарушителя - Обращение провоцирует новые преступления - Город - убежище. место профессионального преступника - преступность в значительной степени является побочным продуктом городской жизни

ГЛАВА III

ИММИГРАЦИЯ И ПРЕСТУПНОСТЬ

Чужак, который чаще всего совершает преступления - Реакция на новое окружение - Трудность восстановления - Привлекательность города - Церкви и иммигранты - Благотворительные ассоциации - Иностранные иммигранты - Их тенденция держаться обособленно - Депортация - Необходим языковой тест - Иностранный преступник - Его опасный характер - Необходимость полномочий для борьбы с ним

95-102

ГЛАВА IV

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ И ПРЕСТУПНОСТЬ

Миллионер и нищий - Все чувства и непонимание - Социальные амбиции - Случай растраты - Проповедь и практика - Азартные игры - Желание "выслужиться" - Необходимость борьбы с теми, кто наживается на беспомощности других - Политические действия - Их трудности - Законодательство и администрация - Чиновник и общество - Личная помощь - Братство

103-116

ГЛАВА V

ВОЗРАСТ И ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Неопытность молодежи - обучение мальчиков - случай с прогульщиком - другой случай - неподатливость - глупость родителей и учителей - отсутствие взаимопонимания - отдых - злонамеренные шалости и мелкие кражи - их причины - необходимость наставления родителей - вредная литература - другие виды - современный Дик Терпин - мальчик, покидающий школу - развлечения - депрессия - слепые... Подросток - физическое напряжение многих профессий - неравномерное физическое и умственное развитие - уличный торговец - хулиганство - знания и опыт - опасности юности - старость

117-139

ГЛАВА VI

СЕКС И ПРЕСТУПНОСТЬ

Позиция женщины - Позирование мужчин - Любовь и преступление - Два случая кражи из сексуального влечения - Женщина-воровка - Случай шантажа - Ревность и преступление - Два случая убийства - Случай нападения - Меньше женщин, чем мужчин, являются преступниками - Их большая трудность в Молодые девушки и сексуальные преступления - Опасности девичества - Заработная плата и поведение - Экзотические стандарты одежды - Невежество и проступки - Домашняя прислуга - Ее трудности - Соккрытие беременности -

140-160

Виновник и отец - Морали - Падшая женщина - Бигамия

ГЛАВА VII

НАКАЗАНИЕ

Универсальное лекарство - Все - Общественность и рекламный целитель - Суть всего шарлатанства - Шарлатанство наказания - Рациональное лечение - Справедливость, а не дурной нрав - Воздаяние - Наши отцы и мы - Их методы не обязательно подходят для нашего времени - Смертная казнь - Неизлечимые и Возражения против смертной казни в той или иной степени относятся ко всем наказаниям - "кошка" - палач и хирург - порка и ее эффект - выпоротый преступник - действие и намерение - боль и жизненная сила - неравные последствия наказания - штрафы и их бремя - кого наказывают больше всего? - Наказание и искупление - Наказание и сдерживание - Общественное мнение - реальный сдерживающий фактор - Вредоносные социальные круги - Уважение к закону - Профилактика преступлений

161-185

ЧАСТЬ III

ОБРАЩЕНИЕ С ПРЕСТУПНИКОМ

ГЛАВА I

МЕХАНИЗМ ЗАКОНА

Полиция и ее обязанности - Разделенный контроль - Необходимость знания местных особенностей - Боязнь "коррупции" - Полицейская камера - Чистота и дискомфорт - Недостаточное питание и т.д. - Пострадавший хирург - Полицейский суд - Неподготовленный магистрат - Оценщик - Заявления "виновных" - Дело - Сочувствие общественности - Агенты для бедных - Тюремный фургон - Суд шерифа - Прокурор - Фискал - Процедура в высших судах - Шотландские присяжные

189-209

ГЛАВА II

ТЮРЕМНАЯ СИСТЕМА

Централизация - Учреждение Тюремной комиссии - Парламентский контроль - Комиссары - Правила - Комитет по посещению - Начальник тюрьмы и матрона - Капеллан - Медицинский работник - Персонал

210-219

ГЛАВА III

ТЮРЬМА И ЕЕ РАСПОРЯДОК

Прием заключенных - Чистота и порядок - План тюрьмы - Камеры - Их мебель - Питание - Одежда - Работа - Мастерские - Раздельное содержание и объединение - Гратуалы - Тюремные правонарушения - Жалобы - Наказание - Камеры - Посещения капеллана - Посещения представителей церквей - Пропать между посетителем и посетителем - Капелла - Армия спасения - Отдых - Тюремная библиотека - Лекции - Проветриваемый двор - Физические упражнения

220-242

ГЛАВА IV

ИЗМЕНЕНИЯ В РАСПОРЯДКЕ ДНЯ

Больные - Тюремные больницы - Вывоз больных в другие больницы - Мудрость этого курса - Существенное различие между тюрьмой и другими государственными учреждениями - Лечение непримиримых заключенных - Глупость предположения, что правила более священны, чем люди - Положение медицинского работника по отношению к заключенному - Опасность разделения ответственности - Неиспытанный заключенный - Его привилегии - Гражданские заключенные - Заключение за неуважение к суду - Осуждение - Короткие и длительные сроки заключения

243-257

ГЛАВА V

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Его состояние - Его нужда - Утверждения о преследовании бывших заключенных - Освобожденные общества помощи заключенным - Работа - Искушения - Освобожденная женщина-преступница - Отношение женщин к ней - "Дома" - Возражения женщин против них - Оплата - Религиозная атмосфера и вредные ассоциации - Последствия тюремного заключения

258-270

ГЛАВА VI

ДОМ ДЛЯ НАРКОМАНОВ

Необходимость выяснить, почему люди поступают неправильно, прежде чем пытаться их вылечить - Расспросы о пьянстве - Пьяницы - Официальные заявления - Стоимость и результаты - Недовольство неисправимых - Срок излечения - Причины неудач - Укрепление старых ассоциаций - Перспективы будущего - Привычка к заведению

271-283

ГЛАВА VII

ЗАКОН О ПРЕДОТВРАЩЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (1908)

Эксперимент в Борстале - Положения о "перевоспитании молодых правонарушителей" - Ожидается ли сокращение численности полиции? - Предупредительное содержание под стражей - Подразумеваемое признание того, что каторжное заключение не исправляет, и настаивание на нем как на предварительном этапе исправления - Заключенный, содержащийся под стражей по усмотрению тюремного начальства - Полномочия Государственного секретаря - Изменения в законе - Необходимое незнание Государственного секретаря в силу его других обязанностей - "комитеты" - привычки, которым следует обучать - обучение ремеслам - незнание ремесел теми, кто собирается их преподавать - трудность обучения профессиям в учреждениях меньших, чем обучение ремеслам - порок послушания, которому учат - разумное взаимодействие и бессмысленное подчинение - обучение послушанию - обучение послушанию и бессмысленному подчинению - обучение послушанию. разумное сотрудничество и бессмысленное подчинение - военный человек в промышленном сообществе

284-303

ГЛАВА VIII

СЕМЬЯ КАК МОДЕЛЬ

Основа семьи - не обязательно кровная связь - усыновление - глава и центр семьи - чувство совместной ответственности - черная овца - товарищество и симпатия, необходимые в жизни - реформа возможна только тогда, когда они найдены - "преобразование" лишь временное, если нет силы новых интересов - единственный способ, с помощью которого реформа становится постоянной

304-310

ГЛАВА IX

АЛЬТЕРНАТИВЫ ТЮРЕМНОМУ ЗАКЛЮЧЕНИЮ

Что требуется - случай несовершеннолетних правонарушителей - применение штрафов - предотвращение пьянства - клубы - пробация правонарушителей - частичное применение - недостатки в управлении - ложное положение пробатора - требуются опекуны - случай молодой девушки - довод о нехватке власти - пожилые и неимущие правонарушители - тюрьма и богадельня

311-328

ГЛАВА X

ЛУЧШИЙ ПУТЬ

Преступник, который стал безрассудным - если его не убить, он должен содержаться - неудача учреждения - помещение в интернат - в настоящее время они помещаются в интернат после освобождения, но без надзора - опекуны могут быть найдены, когда их ищут - результат помещения детей в интернат - помещенные в интернат безумцы - безусловное освобождение не удалось - условное освобождение с соответствующим обеспечением не было опробовано - нет системы обращения с людьми, а только метод - нет необходимости в формировании привычного преступника - один принцип в пенологии

329-339

Указатель

343-348

ЧАСТЬ I

ИЗУЧЕНИЕ ПРЕСТУПНИКА

ПРЕСТУПНИК И ОБЩЕСТВО

ГЛАВА I

ПРЕСТУПНИК И КРИМИНОЛОГИ

Классификация преступников - лечение преступника не медицинский, а социальный вопрос - технические различия между преступлениями и правонарушениями - изменения в законе - преступление и преступность - новичок в преступлении - общие черты "преступного класса" - жестокие преступления - исключительные - так называемые научные исследования преступника - как цифры вводят в заблуждение - комбинированные фотографии и средние показатели - оценка характера по физическому осмотру - причинная связь с преступностью этих черт.

Люди никогда не были так озабочены исправлением своих соседей, как в наши дни. Все признают повсеместное существование несчастья, деградации и нищеты; и многие, кажется, думают, что наличие этих зол - современное явление. Любой человек, достигший среднего возраста, который жил и работал среди народных масс, знает об этом лучше. Зло не ново, но его повсеместное признание - это факт.

На протяжении веков немногие управляли многими, а у управляемых не было ни средств, ни возможности общаться со своими правителями и друг с другом. В наши дни концы земли соединились благодаря изобретению инженера, а школьный учитель распространился среди людей. Писатель охватывает большую современную аудиторию, а послание оратора распространяется на большую территорию, чем это было возможно раньше. Можно сомневаться, было ли это преимуществом; но несомненно, что то, что было скрыто, стало явным, и одним из результатов этого стало то, что законы и институты, которые принимали наши отцы, были подвергнуты испытанию.

Наша система обращения с преступниками не избежала критики и не выдержала ее. Как и все системы, она в значительной степени основана на предположении, что люди являются или должны быть одного образца. Ее обвиняют в том, что она не способна перевоспитать тех, кто попадает под ее действие; но ничто не указывает на то, что она была создана для их перевоспитания.

Люди попадают под нее в качестве наказания, и причиной их заключения являются их поступки, а не их личность.

Опыт показывает, что военный, который беспристрастно применяет ряд правил к тем, кто ему подчиняется, не добивается успеха, когда его ставят во главе учреждения для работы с правонарушителями. Дело не в том, что он менее человечен, чем другие, а в том, что он более жесткий. Различия между подопечными всегда признавались; например, с ними нельзя было обращаться, как с людьми одного роста, и нельзя было предположить, что можно обеспечить единообразие в этом отношении; учитывались только самые очевидные различия. Даже элементарные классификации не могли быть оставлены на усмотрение человека, чьей обязанностью являлось соблюдение правил, поэтому прибегали к помощи врача, чтобы отсеять тех, кто физически не мог выполнять никакой, кроме легкой работы; тех, кому не подходила диета; и тех, кто нуждался в особых привилегиях, чтобы система не убила их. Иногда гораздо легче вызвать врача, чем избавиться от него; и во многом благодаря его

работе было показано, что все классификации, сделанные до сих пор, были неадекватны. Во имя науки он требует еще больше классификаций.

Людей можно объединить в классы только на основании некоторых общих качеств. Любая классификация должна игнорировать индивидуальные различия; а поскольку именно они отличают людей друг от друга, любая система или метод работы с людьми будет неудачной в той мере, в какой они остаются без внимания. Лечение преступника - это не медицинский вопрос. Это социальный вопрос.

Медицинское образование принесет больше пользы человеку, который будет изучать этот предмет, чем военное. Важно уметь составить рациональное мнение о физических и умственных способностях человека; знать, страдает ли он от какой-либо болезни, которая ослабляет его способности, и уметь направить лечение на излечение этой болезни; но значительная степень знания этих вещей может сосуществовать с удивительным невежеством в отношении социальных условий, в которых воспитывался и формировался обследуемый человек. Дайте медику голову, и, пока он всего лишь медик, он будет более дорогой помехой, чем военный администратор.

Многое написано об изучении преступника, но любое такое исследование несовершенно и может ввести в заблуждение только в той мере, в какой оно не является изучением преступников в зависимости от обстоятельств их жизни. "Преступник" - это такой же свободный термин, как и "торговец". Он может означать все, что угодно, но для настоящего исследования он обычно не означает ничего важного, кроме типографии и смежных профессий. Когда характер заключенного оценивается людьми, чьи труды не свидетельствуют о его внешней жизни, и сводится в основном к перечислению избранных физических и воображаемых психических качеств людей, находящихся в тюрьме, ни одно исследование предмета не заслуживает внимания, разве что в целях формулирования теории без необходимости выяснения важных фактов.

Изучение преступника в основном основывалось на наблюдении и изучении людей, находящихся в тюрьме; но в тюрьме преступник не является самим собой. Тот, чье послушания не мог добиться закон, кто противился сдерживанию, теперь вынужден подчинять все свои действия власти. Его жизнь уже устроена, и он может с таким же успехом биться головой о стену, как и отказываться подчиняться. Все делается регулярно и спокойно, и монотонность всего этого угнетает его. С его наклонностями не советуются, на его гнев не обращают внимания, если он не нарушает правил. На воле он может иметь репутацию остроумного и общительного человека, но в тюрьме у него нет никаких стимулов проявлять эти качества. Вполне вероятно, что он свободно поговорит с любым официальным лицом, обладающим пытливым умом; он может быть рад такой возможности; но он начеку и не сообщит никакой информации, которая может доставить неприятности его друзьям, а ему самому - дурную славу среди них, если только он не собирается извлечь из этого большую выгоду; да и то не всегда. Он учится пользоваться любым открытием, которое дает шанс повысить уровень комфорта для себя, и с готовностью делает общее признание в грехе и обещает исправиться, если таким образом он может добиться сочувствия и получить привилегии. Неудивительно, что он ведет себя подобным образом - принцип дружбы с маммоной несправедливости небызвестен и за пределами тюрьмы, - но странно, что люди, которые, как можно предположить, знают условия, в которых он находится, говорят так, будто преступник обычно глупый человек.

Любой человек, нарушивший уголовные законы общества, в котором он живет, может быть отправлен в тюрьму; будет ли он называться преступником или преступницей, зависит от

рассмотрения технических моментов. В целом, лица, осужденные за преступления против личности или собственности, классифицируются как преступники, а те, кто нарушил общественный порядок, например, нарушил мир и т.д., классифицируются как правонарушители. В "Законе о более эффективном предотвращении преступлений" (34 и 35 Виктория, глава 112, раздел 20) слово "преступление" определяется как "в Шотландии любое из преступлений, совершаемых по делам Короны, любая кража, которая в связи с любымотягчающим обстоятельством или суммой стоимости украденных денег, товаров или вещей может быть наказана каторгой, любая подделка и любая подделка поддельной монеты или владение такой монетой с намерением ее подделать". К делам короны относятся убийства, грабежи, изнасилования и умышленное разжигание костров. Тех, кто был осужден за преступления, определенные в процитированном разделе, правильно было бы называть преступниками, но очевидно, что это название применяется и применяется ко многим, кто не подпадает под это определение. На практике обращение с заключенными, осужденными за правонарушения, такое же, как и с осужденными за преступления, когда приговор выносится в виде тюремного заключения. Различие между ними носит технический характер. Если судить о человеке по его поступку, в котором он признан виновным, то один и тот же человек может в одно время называться преступником, а в другое - правонарушителем.

На самом деле, очень трудно провести границу между преступлениями и правонарушениями; и нередко бывает так, что человек, совершивший ужасное преступление, не является таким злым персонажем, как другой, который никогда не был виновен более чем в мелком правонарушении.

Наибольшее количество людей, находящихся в тюрьме, были осуждены за незначительные проступки и рассматривались в полицейских судах. Многие из этих преступлений по своему характеру не отличаются от тех, которые привлекают внимание высших судебных инстанций. Их тяжесть оценивается либо результатом деяния, либо плохим послужным списком человека, совершившего его, либо обоими факторами вместе. Так, если в ходе ссоры один человек ударит другого и у того пойдет кровь по лицу, полицейский магистрат оценит ущерб, нанесенный обществу; если же удар сломает пострадавшему нос, дело перейдет к шерифу. Если человек в пьяном виде снимает пару сапог с двери магазина, с ним, скорее всего, разберется бейли, но если, пьяный или трезвый, он имеет привычку забирать чужое имущество, его могут отправить в суд более высокой инстанции.

В одной и той же стране в разное время действуют разные законы. Это минимальный стандарт поведения, которому должны соответствовать все члены общества, и, по мере изменения общественного мнения, он претерпевает изменения. Люди, которых в одном поколении казнили как преступников, в другом почитали как мучеников, а поступки, которые в одно время считались достойными, в другое время сурово наказывались. Ни в коем случае благородный человек не будет делать все, что разрешает ему закон, потому что его стандарт поведения выше и опережает закон. Но человек может вести совершенно порочную жизнь; он может лгать, поступать нечестно, быть жестоким и мстительным - словом, нарушать любую из десяти заповедей или все их - и при этом оставаться в рамках закона.

В то же время в разных частях одной и той же страны закон различается, и человек может оказаться под его действием в одном районе за то, что он совершил нечто, разрешенное в другом. Это происходит в результате особых полномочий, предоставленных корпорациям, или в результате принятия одним местным органом власти разрешительного законодательства, которое соседний орган власти не принял. Это может вызвать недоумение у постороннего человека, но в основе этого лежит принцип, позволяющий более просвещенным районам свободно совершенствовать свою администрацию; смогут ли они

найти лучший способ осуществления своих целей, чем отправка в тюрьму тех, кто их нарушает, - это совсем другой вопрос.

Даже при одинаковых законах управление может быть разным. Чем больше законов и чем жестче их исполнение, тем больше будет нарушителей.

Закон нарушают самые разные люди. В одних социальных позициях для этого меньше возможностей, чем в других, но условия, в которых находятся многие, позволяют им легче нарушать определенные правила, чем подчиняться им.

Все, кто попадает в тюрьму в первый раз, не являются первыми преступниками. В некоторых случаях до задержания у них была долгая и успешная карьера, но даже в этих случаях физические и психические характеристики, которые выделяли бы их среди других людей, среди которых они жили, не являются очевидными. Характер человека и его особенности - это результат взаимодействия внешних влияний и присущих ему способностей. Он приобретает привычки тела и ума, и они накладывают на него свой отпечаток.

Порок и преступление - это не одно и то же, и между ними нет никакой необходимой связи. Хотя в большинстве случаев преступление является результатом порочного импульса или намерения, вряд ли в календаре найдется преступление, которое не было бы совершено человеком, действующим на основе более высоких моральных стандартов, чем те, что установлены законом. С другой стороны, порочный человек может предаваться почти любому пороку и при этом оставаться вне закона; все зависит от того, как он это делает. Нечестного человека, запустившего руку в чужой карман и присвоившего его содержимое, могут посадить в тюрьму; но если, вызывая к коварству соседей, он заставит их засунуть руки в собственные карманы и передать ему выручку, чтобы они могли разделить с ним придуманное им Эльдорадо, он ограбит их так же эффективно и не попадет в тюрьму. Он может стать столпом общества и законодателем.

Когда людей отправляют в тюрьму в первый раз, все, что было установлено, - это факт их виновности в нарушении закона. Нет никаких оснований считать, что их характеры в целом хуже, чем у других. Возможно, некоторые из них совершили очень жестокие преступления, но, за исключением некоторых случаев, тщательное изучение всех сопутствующих обстоятельств может изменить любые впечатления, полученные в результате судебного разбирательства. Даже совершение чудовищного поступка не противоречит обычному и в основном доброму нраву. На практике мы не считаем человека плохим, потому что он совершил плохой поступок, так же как и не считаем его хорошим, потому что он совершил хороший поступок. Когда совершенное им зло принимает преступную форму, мы не вправе судить о человеке по осуждаемому поступку.

Тот факт, что человек находится в тюрьме, препятствует любой попытке изучить его. Следователь начинает с предубеждения против него из-за совершенного им преступления. И все же чаще всего можно услышать, как люди, близко знавшие заключенного в течение многих лет, говорят, что они не могли поверить, что он совершит то, что совершил. Эти люди могут судить о характере не хуже тех, кого называют научными следователями, и у них больше возможностей для этого. Они не видели слабости своих друзей в той форме, которую она приняла. Следователь обычно не видит ничего другого.

Если бы те, кто впервые попадает в тюрьму, стали предметом изучения, выяснилось бы, что они в основном отличаются отсутствием того, что в книгах называют криминальными чертами.

Заклученные так же сильно отличаются друг от друга, как и законопослушные люди. Даже среди тех, кто совершил схожие преступления, нет двух одинаковых; а тех, кто впервые попадает в тюрьму, по внешнему виду не отличить от представителей того же социального класса, которые не преступали закон. То, что они могут развивать определенные общие черты в результате своего образа жизни, - правда; и существует преступный класс в том же смысле, что и профессиональный класс или класс ремесленников. Преступником рождаются и становятся так же, как и полицейским. Увидев его в начале карьеры, невозможно сказать, что он из себя представляет, но когда он прошел обучение, можно ожидать, что оно оставит на нем свой след, который знающие люди смогут прочесть с большим или меньшим успехом.

Эти общие черты преступника кропотливо искали и записывали; проводили измерения и составляли таблицы; вычисляли соотношения до десятичных цифр, и изучению преступника придавали вид научной точности, что привело многих к предположению, что авторы должны знать о преступнике больше, чем они сами. Однако мало найдется мужчин или женщин зрелого возраста, которые не знали бы с той или иной степенью близости хотя бы одного человека, погрязшего в трясине порока и, возможно, преступления; и один такой случай, досконально известный, является лучшей основой для изучения предмета, чем любое количество таблиц.

Может быть, и важно сравнить особенности привычных преступников, но гораздо полезнее узнать, как они их приобрели. Что касается самого преступника, то он не представляет собой особой проблемы. Его жизнь редко бывает долгой, и даже если бы с ним или для него не делалось ничего, кроме того, что делается сейчас, он вымер бы через поколение. Я не говорю, что вопрос о том, что делать с привычными людьми, не важен, но гораздо важнее придумать средства, которые не позволят правонарушителю приобрести привычку и вступить в их ряды. Изучение закоренелых преступников может быть интересной патологией, но именно изучение начинающих преступников предотвратит формирование преступного класса, поскольку оно позволяет нам разумно обращаться с ними.

Когда совершается жестокое преступление, общественность проявляет повышенный интерес к преступнику. Он рассматривается в искаженном зеркале, и его детали увеличиваются. Чем он необычнее, чем чудовищнее он выглядит, тем больше сенсаций. Однако обычные люди и обычные преступления одновременно являются и более распространенными, и более важными. Время от времени человек может родиться с таким кривым характером, что трудно понять, как он может идти прямо; так же как иногда в мир приходит человек с большой мудростью или ребенок с большим, чем обычно, количеством голов или конечностей; но это явление совершенно исключительное, и никогда не стоит делать из него обобщений.

В нашей стране нас упрекают в том, что мы не смогли провести научное исследование преступника; для примера и подражания нам были переведены работы иностранных писателей. Они содержат определенный объем информации, но ее ценность не очевидна. Важность книги не должна измеряться сложностью ее понимания. Большие и странные слова могут так же легко скрыть отсутствие полезных знаний, как и передать плодотворную идею, и человеку, который хочет сказать что-то важное о своем соседе - даже если этот сосед преступник, - не нужен псевдонаучный жаргон, на котором он это скажет. Преступник - такой же мужчина или женщина, как и все мы, и информацию о его голове или пятках, хотя она и может иметь особую ценность для его дела, не следует смешивать со знанием о нем самом. Он - нечто большее, чем мозг или желудок.

Либо так называемые преступные черты характера являются причиной проступков человека, либо их следствием, либо не имеют к делу никакого отношения. Если они являются причиной преступного деяния, то как получается, что они присутствуют в других людях, которые не являются преступниками? Конечно, это упростило бы работу полиции, если бы она знала, что может с уверенностью искать преступника, совершившего определенное преступление, среди людей с головой определенной формы; но любой, кто взглянет на иллюстрированные газеты, увидит столько же злодейски выглядящих лиц среди известных людей, даже среди способных людей, сколько в тюрьме. У наших предков было правило: когда два человека обвинялись в одном и том же преступлении и возникало сомнение, кто из них виновен, осуждался более уродливый. Неизвестно, выбирали ли в то время чиновников и представителей правящих классов по внешнему виду. К счастью, эта практика давно ушла в прошлое.

Если не доказано, что какая-то особенность имеет причинно-следственную связь с преступлением, то само ее существование ничего не доказывает, кроме самого факта ее наличия. То, что в некоторых случаях физические дефекты заставляют тех, кто ими страдает, вести войну с обществом, несомненно, имеет место; но это очень далеко не правило.

Есть много людей, которые готовы считать книгу научно-популярной, если она достаточно обрывочна и содержит цифры, расположенные в табличной форме. Однако цифры, когда они касаются не только очень простых вещей, почти всегда вводят в заблуждение; тем более что они имеют такую видимость точности. Два человека могут легко сосчитать количество мужчин в комнате и прийти к единому мнению; но попросите их сказать, сколько высоких мужчин, сколько черноволосых, сколько голубоглазых, сколько прямоносых, и каждый раз вы получите другой результат. Цифры будут точными - иначе и быть не может, - но ваши знания будут обратными. Если это очевидно в таком простом деле, как регистрация физических характеристик, то насколько более очевидно, когда делается попытка классифицировать и обобщить людей. В большинстве книг признается, что данных, на которых можно основывать выводы, недостаточно, а затем предлагаются выводы. Вся наука криминология иллюстрируется составными фотографиями, которые публикуются под серьезным предлогом; ведь составная фотография - это вообще ничья фотография. Она получается путем наложения фотографий разных людей и сама отличается от любой из них. Она может представлять их всех такими, какими они должны быть, но она не представляет ни одного из них таким, какой он есть. Это преступник в абстрактном виде, которого не существует. Она сама по себе является предостережением против средних величин, поскольку представляет собой усредненное изображение.

Среднее - это среднее арифметическое различных чисел. Когда речь идет о массе людей - например, о том, чтобы накормить их, - то, обеспечив каждому определенное среднее количество еды, все могут быть довольны; но когда среднее применяется к отдельным людям, оно используется неправильно, и один обнаруживает, что у него слишком много, другой - что у него слишком мало. Возьмем двух мужчин: один из них имеет рост 5 футов 8 дюймов, другой - 5 футов 4 дюйма; средний рост обоих равен 5 футам 6 дюймам, что не соответствует росту ни одного из них. Таким образом, когда в случае с преступниками приводятся средние значения роста, веса и т. д., мы знаем, что нам ничего не сказали ни о ком из них. Другие физические характеристики преступников в тюрьме были отмечены без какой-либо попытки выяснить, были ли они приобретены, и если да, то когда и как, и нам предлагается созерцать ряд перекошенных и раздутых лиц, многие из которых можно было бы легко подобрать среди не преступников. Посмотрите на этих мужчин и женщин, пока

разврат не наложил на них свой отпечаток, и они будут не уродливее некоторых из нас, кто над ними возвышается.

Что касается оценки психических особенностей заключенных, то ее ценность будет во многом зависеть от способности экзаменатора установить с ними контакт. В наши дни мало кто верит, что, пощупав ручки на внешней стороне головы человека, можно определить его способности, а тем более то, будут ли эти способности использованы во благо или во вред; и мы вряд ли продвинемся в изучении преступника, основывая выводы на измерениях его головы, угла лица и т. д. Новая френология отличается от старой тем, что меняет свои термины и настаивает на большей точности измерений. Как и старая, она может быть достаточно успешной в оценке людей после того, как они проявили свои качества.

Никто еще не открыл надежного средства оценки природы, качества и объема умственных способностей человека по его внешности. Мы можем узнать, что он говорит или делает, но никогда не можем быть уверены в том, что он думает. На практике мы все постоянно формируем оценки тех, кого встречаем. Кто-то судит по одежде, кто-то по выражению лица, большинство из нас не знает, как это сделать. Как бы ни складывались наши впечатления, какими бы мы их ни считали, все мы ошибаемся и вынуждены пересматривать свое мнение. Человек, который гордится своей способностью читать характер, обычно совершает больше всего ошибок; его уверенность в себе обманывает его суждения. Даже самые проницательные люди иногда обманываются после многочисленных и разнообразных возможностей правильно оценить своих друзей или врагов, но для своих собственных целей суждения каждого человека могут быть, в основном, удовлетворительными, и никто не беспокоится о методах своего соседа; но когда они возводятся в науку, настает время протестовать.

Размер и форма головы, ее пороки развития и асимметрия могут быть измерены с достаточным успехом. Это и многое другое было сделано с целью будущей идентификации личности; но теория, лежащая в основе практики проведения таких измерений, заключается в том, что нет двух одинаковых преступников. Криминологи стремятся установить теорию, согласно которой все они очень похожи друг на друга. Утверждается, что многие мужчины, совершившие преступления, имеют головы определенной формы, особенности строения черепа. Если эти физические отклонения имеют причинную связь с их поведением, то, поскольку голову нельзя изменить, преступники, следовательно, не подлежат исправлению. С другой стороны, церковники считают, что все проступки исходят из "сердца" - не имея в виду так называемый физический орган. Нельзя дать человеку новую голову, свободную от нежелательной формы; но люди развивают новый дух и из плохих становятся хорошими гражданами, не претерпевая никаких физических изменений; так что в конце концов оказывается, что "сердце - это та часть, которая делает нас правильными или неправильными".

ГЛАВА II

НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ И ПРЕСТУПНОСТЬ

Обусловлено ли наследственностью одно качество в большей степени, чем другое? -
Невозможность предсказать поведение других - Порождают ли преступники преступников? -
Подходящие и неподходящие - Неравные способности - Способности и положение -
Унаследованные способности и социальное давление - Преступление как результат
неправильно направленной силы - Первородный грех и наследственность -
Наследственность, которая стоит за всем.

В попытке определить общую причину преступности можно легко сделать чрезмерный акцент на каком-то одном факторе. Есть те, кто считает, что наследственность - главная причина, но они редко пытаются определить содержание этого термина. В каком-то смысле наследственность является причиной всего, но в таком случае нельзя считать, что она является причиной одной вещи в большей степени, чем другой. Предположим, человек становится безумным в возрасте тридцати лет, и выясняется, что ряд его родственников, прямых и побочных, также были безумны. Если наследственность объясняет его безумие, то чем объясняется его здравомыслие? Такой человек при лечении может выздороветь, но в здоровом уме или в безумии его наследственность не изменится. Дело в том, что никто из нас не знает достаточно о качествах наших предков, чтобы обоснованно приписывать наследование какой-либо особой склонности кому-либо из них, и каждое последующее поколение подразумевает смешение, если не смешивание, очень сложных и порой противоположных качеств.

Если человек и знает что-то о ком-то в этом мире, то только о себе. Его знания неполны, но они более полны и разнообразны, чем знания о любом другом теле. Можно предположить, что он знает что-то о качествах и способностях своей жены. Однако все, что он знает о себе и о ней, в сочетании с законами наследственности, не позволяет ему с точностью предсказать способности и наклонности своего младенца или проследить их развитие.

В случае с преступниками, родившимися и выросшими в рассадниках порока, проследить историю семьи еще более безнадежно, поскольку в их случае часто существует серьезная неопределенность в отношении личности родителя-мужчины. Говорить, что, как волки порождают волков, преступники порождают преступников, - это вздор и озорная чепуха. Как канарейки порождают канареек, так и поэты порождают поэтов?

Преступники - это мужчины и женщины, которые ошиблись; не обязательно из-за обладания определенными способностями, которые они унаследовали, но потому, что эти способности были использованы в неправильном направлении. Они принадлежат ко всем классам; и нет никаких оснований полагать, что если бы их дети были отобраны у них в раннем возрасте и воспитывались в благоприятной обстановке, то они стали бы преступниками; но есть множество доказательств с другой стороны.

В наши дни ведется много дискуссий о том, кто среди нас пригоден и кто непригоден, и есть тенденция забывать, что классифицировать наших сограждан по тому или иному признаку можно только в том случае, если рассматривать эти признаки относительно условий, в которых они живут. То, что очень многие доказывают свою пригодность к выживанию в условиях постоянного экономического давления, можно подвергать сомнению так же мало, как и то, что другие тонут под этим испытанием. Никто не станет отрицать, что люди, находящиеся в удобном экономическом положении, демонстрируют немалую степень непригодности; и если бы у некоторых апостолов фитнеса было хоть немного чувства юмора,

они бы попридержали языки и спрятались, поскольку ни интеллектуально, ни физически они не претендуют на то, чтобы представлять идеальный стандарт.

Никто не отрицает, что люди неравноценны. Одни обладают мощным телосложением, другие - большей интеллектуальной силой. Полезность их способностей для себя и для других во многом зависит от того, на какой позиции они находятся. Поставьте их на неподходящую для них работу или поместите их на должности, где их способностям не дают свободно раскрыться, и они могут очень плохо работать. Сложность заключается в том, чтобы поставить правильного человека на правильное место. Находясь не на своем месте, он может быть помехой для себя и других, но из этого не следует, что, оказавшись на другом месте, он не будет полезным членом общества.

Была предпринята попытка показать, что определенные способности наследуются и передаются в определенных семьях; но при этом удобно предположить, что положение не имеет значения. Всем известно, что в профессиях, выбранных для иллюстрации этой теории, продвижение по службе не полностью зависит от способностей. То, что отец и сын оба были судьями, не дает оснований полагать, что сын обладает особыми способностями. То, что несколько членов одной семьи занимали высокие военные посты, не доказывает, что кто-то из них был великим солдатом; то, что правительство государства сейчас находится в руках одной семьи, а теперь - в руках другой, не доказывает ничего, кроме того, что эти семьи были в состоянии обеспечить себе эти посты. Было бы новой и поразительной доктриной утверждать, что человек, который лучше всего подходит для той или иной должности, всегда ее получает. Всем известно, что при назначении на должность главным фактором является то, ли человек обладает достаточным влиянием, чтобы получить ее; и это влияние должно зависеть не от его личных способностей, а от его положения по отношению к тем, в чьем распоряжении находится назначение. Если дать равные способности двум мужчинам, пусть один из них начнет с семейного или общественного влияния, а другой - без него, и не может быть никаких сомнений в том, что произойдет. То, что способный человек со временем приобретет влияние, весьма вероятно, но к тому времени, когда он добьется признания, он, скорее всего, будет уже слишком стар, чтобы извлечь из этого большую пользу. Глупый человек, у которого умный отец, имеет больше шансов, чем умный человек, чей отец не проявил особых способностей.

Узнать историю своей семьи - очень трудная задача для любого человека. В случае с выдающимися людьми вы не найдете двух одинаковых биографий. Исследование покажет, что это в равной степени относится и к тем, кто не является знаменитостью. У человека может быть одна репутация в кругу семьи и совсем другая - за ее пределами. На наше поведение по отношению к другим людям влияет наше мнение о них. Человек, который гордится своим происхождением, будет показывать это в своих поступках. Гордиться может быть нечем, но это не мешает ему сыграть свою роль. С другой стороны, если он считает, что его опозорил какой-то поступок члена семьи, его поведение, скорее всего, будет страдать от этого убеждения. Я видел женщину, чей брат был казнен за убийство, которая под влиянием позора впала в состояние безрассудства, граничащее с безумием; и это обычное наблюдение, что в некоторой степени мужчины были сломлены духом из-за позора, навлеченного на них действиями их родственников. Невозможно разграничить роль, которую играют наследственные склонности и социальное давление в совершении определенных поступков.

Преступление - это не результат унаследованных способностей, а результат того, в каком направлении эти способности используются. Есть семьи, в которых родители были преступниками, а сыновья все сделали хорошо, в то время как дочери пошли по стопам

своих родителей. Вероятно, в этих случаях определяющим фактором было влияние матери. Ее преступные действия и методы были более восприимчивы к подражанию со стороны дочерей, чем со стороны сыновей, и девочкам, даже если бы они захотели уйти из дома, пришлось бы столкнуться с большими трудностями, чем мальчикам.

Практика выделения наследственности как причины одних вещей в противовес другим не имеет под собой никаких оснований. Наши предки признавали, что все люди имеют недостатки. Они видели, что один человек склонен к зависти, другой - к похоти, третий - к любостяжанию, третий - к гневу, и так далее, через все смертные грехи. Эти недостатки они объясняли наследием первородного греха. Богословов вытеснил научный человек, и если наследственность - это новое название нашего невежества, то оно ничуть не лучше соответствует фактам.

Мы наследуем все способности и силы, которыми обладаем, но что они собой представляют, показывает только случай. Из человека нельзя извлечь ничего, кроме того, что в нем есть, но в нем может быть очень много того, что никогда не извлекается. Мы можем развить определенные способности, но только в том случае, если они присутствуют в нас изначально; и стимул, которому они подчиняются в один период нашей жизни, может не сработать в другой. Мы можем оценить способности умершего человека, наблюдая за тем, что он сделал, но мы не можем сказать, что он мог бы сделать лучше или хуже, если бы его жизнь была продлена. В случае с великими людьми это признается, и мы оплакиваем их раннюю смерть и рассуждаем о том, что они могли бы сделать, или сожалеем о том, что они прожили слишком долго для своей справедливой славы. То же самое происходит и с маленькими людьми, и с великими.

Наследственность стоит за всем, а не только за некоторыми вещами. Если она объясняет болезнь человека, то в том же смысле она должна объяснять и его предшествующее здоровье. Она не может объяснить одну часть его жизни в большей степени, чем другую. Даже те, кто приписывает болезни или проступки наследственности, стремятся вылечить больного и исправить его дурные привычки. Любой успех, с которым они сталкиваются, достигается не путем изменения наследственности, а путем изменения условий, в которых он жил, таким образом и в такой степени, что он благоприятно реагирует на изменения. Мы не вправе говорить о ком-либо, что он обречен наследственностью на жизнь в пороке или преступлении. Условия, подходящие одному человеку, могут не подходить для здорового развития другого, и проблема тех, кто нарушает наши законы, заключается в том, чтобы выяснить, в каких условиях они будут вести себя лучше всего, и поместить их туда. Пусть история их семьи самая черная, пусть их предки были порочны, из этого отнюдь не следует, что они не могут быть другими. Когда человек поступает плохо, ему не помогает, если ему говорят, что он не может поступить лучше. Часто он готов переложить вину на плечи других. Гораздо выгоднее научить и помочь ему сделать все хорошо, чем поощрять его проклинать своего деда.

Существует только один способ выяснить, почему люди совершают преступления, - это терпеливое расследование в каждом конкретном случае. Причины во многих случаях могут быть одинаковыми, но роль, которую они играют, может быть разной.

ГЛАВА III

БЕЗУМИЕ И ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Невменяемость и ответственность - Удаление невменяемых из тюрьмы - Преступление, вызванное невменяемостью - Случай кражи - Растрата - Поджог - Невменяемость и обвинение в убийстве - Результат деяния не является руководством к определению характера деяния - Наблюдение за заключенными, обвиненными в определенных преступлениях - Невменяемость как результат неправильного поведения - Случаи - Умышленно отсталые - Случаи.

Похоже, широко распространено мнение, что все преступники и правонарушители в той или иной степени невменяемы, но тем, кто его придерживается, нечего сказать в поддержку своей точки зрения, кроме того, что они не могут понять, как некоторые преступления могут быть совершены любым здравомыслящим человеком. При этом возникает вопрос: сколько людей, обвиняемых в совершении преступлений, при обследовании оказываются психически нездоровыми?

Невменяемость никогда не имела удовлетворительного определения, но это термин, который в юридическом смысле означает безответственность. Однако если бы у всех невменяемых не было чувства ответственности, трудно представить, как можно было бы позволить им жить. Даже в психушках подавляющее большинство заключенных можно заставить вести себя так, чтобы не было необходимости их связывать. Им предоставляется очень большая свобода без серьезных неудобств для соседей и с большой пользой для них самих. Если бы они просто делали то, что им подсказывает какая-то шальная мысль, это было бы невозможно. Их недуг освобождает их от ответственности перед законом за свои действия; но на практике они должны показать своим поведением, что могут и хотят подчиняться правилам учреждения, в котором они находятся, прежде чем будет безопасно или разумно позволить им свободно передвигаться в нем. Врач не требует от них лучшего поведения, чем то, которого он ожидает от их психического состояния; но они учатся, в той мере, в какой они способны учиться, что их собственные действия определяют степень, в которой они будут свободны от вмешательства, и что необходимым результатом неправильного поведения будет усиление сдержанности. Только в той мере, в какой они проявляют чувство ответственности, можно позволить им быть свободными от надзора. Человек может страдать такой степенью психической нездоровости, которая освобождает его от ответственности за свои действия в глазах закона, и при этом быть в состоянии подчиняться правилам, установленным для руководства его жизнью начальником приюта.

Очень небольшая часть заключенных - это люди в здравом уме, и в большинстве случаев их психическая неуравновешенность является результатом их собственных проступков. В Шотландии нет никаких трудностей с освобождением невменяемых людей из тюрьмы. Раздел 6 Закона о поправках к Закону о преступниках и опасных лунатиках (Шотландия) 1871 года гласит: "Когда в отношении любого лица, заключенного в местную тюрьму в соответствии с Законом об управлении тюрьмами (Шотландия) 1860 года, два медицинских работника удостоверяют, что они посетили и осмотрели такого заключенного по совести, и что, по их мнению, он невменяем, то шериф, по упрощенному ходатайству по просьбе администрации такой тюрьмы, выдав ордер под своей рукой, имеет право распорядиться о перемещении такого заключенного в приют для умалишенных." Практически этот вопрос

решает тюремный хирург, поскольку тюремные комиссары по его докладу никогда не возражают против перевода осужденного заключенного, признанного невменяемым. Тем не менее, одни и те же люди возвращаются снова и снова.

Срок действия ордера на содержание в приюте истекает вместе с приговором к тюремному заключению, и администрация приюта должна получить новые справки, прежде чем продолжать содержать пациента. Если степень и вид психического расстройства очень выражены, получить необходимые документы не составляет труда; но когда пациент благоденствует до такой степени, что может вести себя и говорить не хуже многих своих собратьев по несчастью, дело обстоит иначе. Его отправляют на обследование к человеку, который с ним не знаком. Врач должен изложить факты, замеченные им самим, как основание для освидетельствования; совершенно правильно, что он не может обеспечить задержание кого-либо на основании свидетельств, полученных из вторых рук. Пациент спокоен и насторожен, а его экзаменатор ничего не может с ним поделать. Поэтому он возвращается к своим притонам и порокам, нетерпимый к сдержанности, и вскоре снова оказывается в руках полиции. Очевидно, что необходимо внести некоторые изменения в закон или его администрацию, чтобы с такими людьми можно было иметь дело.

Невменяемых преступников можно разделить на два класса: тех, чьи проступки являются результатом их невменяемости; и тех, кто был достаточно здоров изначально, но стал невменяемым, как и в случае с физическими заболеваниями, в результате порочного потворства и его лечения. Из первого класса может быть один на тысячу поступивших. Преступления, в которых обвиняются, бывают самых разных видов и степеней тяжести, о чем свидетельствуют следующие примеры:- X 1.

X 1.- Человек впервые попадает в тюрьму по обвинению в серии мелких краж, совершенных в состоянии алкогольного опьянения. Он проявляет признаки алкоголизма и слишком ошеломлен, чтобы дать о себе отчет. Через день-два симптомы алкоголизма проходят, и его общее состояние наводит на размышления. У него есть признаки психического заболевания, которые теперь нельзя спутать с пьянством. Выясняется, что до года назад он занимался бизнесом в промышленном городе; что он был уважаемым гражданином, тихим, мирным и воздержанным в своих привычках; что он начал пить и продал свой бизнес, который принес ему несколько тысяч фунтов; и что с тех пор он пропал из поля зрения своих друзей. Что произошло за это время, я не знаю. Он был задержан полицией за кражу стаканов из публичного дома, гирь с прилавка магазина и тому подобных вещей, которые, конечно, были ему бесполезны и которые он не мог продать. Обвинение было снято, и его отправили в приют для умалишенных.

X 2.- Молодой человек заключен в тюрьму по обвинению в разжигании костра. Он бодр, разговорчив и весел, и смеется над обвинением как над нелепостью. Помимо высокой оценки собственных качеств, он не делает и не говорит ничего, чтобы привлечь к себе внимание, а поскольку он действительно "яркий", его тщеславие вызывает лишь улыбку. У него нет физических симптомов заболевания мозга, и от его имени не предполагается, что он психически нездоров. Порядочный рабочий, заинтересованный в нем, позвонил, чтобы сказать, как хорошо он всегда себя вел, и выяснить, что нужно сделать, чтобы помочь его защите; и некоторые вещи, которые он сказал, навели на мысль о необходимости специального расследования. Выяснилось, что заключенный всегда энергично и ярко выполнял свою работу, и у него были веские основания хвастаться своим мастерством. Его сослуживцы признали, что, хотя они не одобряли его выходки. Он всю жизнь придерживался трезвого образа жизни и был видным членом воинствующего общества воздержания. Он был очень трудолюбив и бережлив. Он женился на тихой, солидной девушке, разделявшей

его взгляды и идеалы. У него накопилось немного денег, и он вдруг решил начать самостоятельный бизнес на сайте. Жена не одобряла его действий, так как ей не нравился риск, и она была вполне довольна тем, что они продолжают жить привычным укладом. Он упорствовал, и она уступила, но только тогда, когда увидела, что ее сопротивление приводит к раздорам в семье. Он снял небольшую мастерскую и обставил ее. Он получил столько работы, сколько мог выполнить, - не очень много, но, не успев оценить, насколько процветает его предприятие, он задумал переехать в более просторный дом. Его жена не понимала, как он может безопасно сделать это, поскольку не считала, что у него достаточно денег, чтобы оправдать такой шаг. Ее возражения только подстегивали его, и однажды он настолько вышел из себя, что она встревожилась. Он пригрозил убить ее и выглядел так, как будто действительно собирался это сделать. Когда после этого она заговорила с ним об этом, он извинился и рассмеялся, а поскольку он всегда был очень ласковым и послушным мужем, она оставила эту тему. Все шло своим чередом, пока однажды в его мастерской не случился пожар. Справиться с ним не удалось, пока не был нанесен ущерб, который мог привести к серьезным потерям жизни и имущества, поскольку рядом находились жилые дома. Совершенно очевидно, что это была работа поджигателя, и его арестовали по обвинению в разжигании огня, поскольку он не мог дать удовлетворительного отчета о своих передвижениях. При ближайшем рассмотрении стало очевидно, что он был человеком не в здравом уме. Мелочи, которые раньше проходили как особенности, получая лишь мимолетный комментарий, когда вписывались в историю в том виде, в каком я ее изложил, не оставляли места для сомнений. Обвинение было снято, его отправили в психушку, где он и умер через два года от общего паралича умалишенных.

Его коллеги по работе, видя его изо дня в день, не замечали более чем незначительного усиления тех качеств, которые они привыкли в нем видеть. Он много говорил о том, что может сделать; он всегда так делал. Он предлагал изготовить для человека определенные предметы лучше, чем это мог сделать любой другой; вполне вероятно, что он мог. Он начал бизнес с совершенно недостаточным капиталом; другие поступали так же. Он хотел перейти на более высокий стиль жизни; он всегда был амбициозен, и так далее. До тех пор пока он не поджег свою мастерскую, они не знали, чтобы он делал что-то, не соответствующее его характеру, и, хотя они смеялись над его хвастовством, не сомневались в его здравомыслии. То же самое было и с его женой. Она не доверяла его суждениям, но не сомневалась в его здравомыслии. Его внезапные угрозы убийством она объясняла его вспыльчивостью. Его вспыльчивость она объясняла недосыпанием, так как признавала, что он вставал по ночам, работал или двигался. Однажды, по ее признанию, он предложил перерезать горло ей и себе. В тот момент он был совершенно спокоен, и она подумала, что это уродливая шутка, поскольку он разбудил ее, чтобы сделать это предложение; но она объяснила себе это переутомлением и бессонницей. Те, кто больше всего контактирует с людьми, страдающими подобно этому человеку, последними видят значение происходящих с ними изменений, потому что переход происходит так постепенно. Это относится к людям всех социальных классов.

ХЗ был профессионалом в очень хорошем бизнесе. В конце жизни он был арестован по обвинению в присвоении больших сумм денег. Когда я впервые увидел его, у него был паралич мышц одной руки, которая в результате засохла; он не мог артикулировать из-за паралича мышц механизма речи. Он задавал вопросы или отвечал на них письменно. В результате расспросов выяснилось, что на протяжении многих лет он пользовался большим уважением и доверием. Он скопил значительное состояние и был честен и порядочен в

отношениях с другими людьми. Он жил за городом и содержал большое хозяйство. Его бизнес был связан с крупными суммами денег. За несколько лет до ареста он женился во второй раз, и между его второй женой и семьей ее предшественника возникли проблемы. Он всегда был открытым человеком, но в последнее время его публичные подарки вызывали комментарии по их количеству и характеру. Однако семья никогда не подозревала о его психическом состоянии. Они полагали, что он может позволить себе все, что пожелает купить. Жена ушла от него из-за его поведения с ней и сомнений в его вменяемости, но эти сомнения не разделяла его семья. По ее словам, он стал капризным, а иногда и жестоким по отношению к ней и совершенно не походил на себя обычного. Иногда он приносил посылки с дорогими украшениями, в которых не было никакой необходимости. В конце концов ей стало страшно оставаться с ним, но, хотя она и боялась, что он может причинить ей вред, так как, похоже, она ему не нравилась, она никогда не подозревала, что он растрчивает свое состояние. Когда наступил крах, выяснилось, что за короткий срок он выбросил на ветер десятки тысяч своих денег и столько же принадлежавших другим людям, которые ему доверяли. Он безрассудно покупал и продавал имущество, не имея на то никаких полномочий, а его репутация позволяла ему совершать поступки, которые в другом месте были бы под сомнением. Его отправили в приют. В его случае паралич, от которого он страдал, постепенно наступавший, привлек к себе внимание и фактически замаскировал психическое состояние, которое сопровождало его или следовало за ним.

Есть преступления, которые сами по себе шокируют нас до такой степени, что нам трудно поверить, что любой здравомыслящий человек мог бы их совершить. В такой книге, как эта, я могу лишь упомянуть некоторые сексуальные преступления, не обсуждая их, но даже в этих случаях преступление не должно наводить на мысль о безумии. Мы не более обоснованно говорим, что человек безумен, если он совершает безумный поступок, чем называем его мудрым, если он совершает мудрый поступок. О преступных действиях человека следует судить только в связи с его остальным поведением, если мы хотим составить рациональное мнение о его психическом состоянии; а это опять-таки должно рассматриваться в связи с социальным положением, в котором он находится, прежде чем можно будет составить хоть какое-то приближение к справедливому мнению о его адекватности.

Если бы преступные действия человека считались достаточным основанием для вывода о его невменяемости, есть некоторые преступления, за которые мы никогда не должны были бы никого судить. Каждого убийцу сразу же отправляли бы в психушку на том основании, что он должен был быть сумасшедшим, иначе он бы этого не сделал; и все же это как раз один из самых важных моментов, которые должны быть рассмотрены в ходе судебного процесса по делу об убийстве в Шотландии.

Убийство - практически единственное преступление, за которое выносятся смертный приговор. Шотландские присяжные демонстрируют стойкое отвращение к тому, чтобы быть участниками смерти преступника. Теоретически они могут быть сторонниками смертной казни, но, каким бы плохим преступником он ни был, они не решатся отдать преступника в руки палача; и они воспользуются любой возможностью избежать этого, если она им представится. Им могут сказать, что они не имеют никакого отношения к результатам; что их обязанность - вынести вердикт на основании улик; но с тем же успехом им можно сказать, чтобы они передернули затвор. Они знают, что произойдет. Похоже, они не верят, что не несут ответственности за необходимые последствия своих действий, и, несмотря на заверения закона, вердикт вызывает у них беспокойство. В Шотландии вешают мало убийц и выносят мало приговоров за убийство, в основном по этой причине. Если бы смертная казнь

была отменена - если бы она стала лишь возможным наказанием, - у жестоких убийств появился бы шанс называться именно так, а не "убийство с повинной".

Некоторое время защита невменяемости в делах об убийствах, где факты не могли быть серьезно оспорены, была почти обычным делом. Теперь в большинстве случаев нападения присутствует элемент случайности. Нападающий находится в состоянии ярости и наносит дикие удары. Удар, который убьет одного человека, может лишь оглушить другого. Удары, нанесенные по одной части тела, могут причинить не более чем неудобства, но если такое же насилие будет применено к другой части тела, может наступить смерть. Мне известны случаи, когда в результате нападения жертва получала травмы, достаточные для смерти, даже если у нее было девять жизней, которые иногда приписывают кошке, и все же она приходила в себя - искалеченная и навсегда лишенная возможности содержать себя. Это не было убийством; в некоторых отношениях это было хуже; но не было никакой попытки доказать, что нападавший был безумен. Если бы смерть положила конец страданиям жертвы, было бы выдвинуто обвинение в невменяемости. Таким образом, определяющим фактором при рассмотрении дела было физическое состояние нападавшего, а не его психическое состояние.

В Глазго во всех делах об убийстве особое внимание уделяется психическому состоянию обвиняемого. С момента поступления в тюрьму он находится под наблюдением с этой целью, и любые доказательства, касающиеся этого вопроса, тщательно изучаются. Его поведение в тюрьме может быть совершенно нормальным, но если есть основания полагать, что на свободе он проявляет признаки безумия, медицинский работник лично проводит расследование и составляет отчет. Заключенный может быть без гроша в кармане, но это не наносит ему никакого ущерба, так как работа проводится за счет Короны; и на суде необходимые свидетели обычно представляются от его имени, если отчеты показывают, что он невменяем. В других делах, кроме убийств, дело обстоит так: фискальный прокурор информирует тюремную администрацию о любом утверждении относительно психического состояния заключенного и просит предоставить отчет. Он также представляет судье любое заявление тюремного врача о психическом или физическом здоровье заключенного, даже если это заключение могло быть не запрошено.

Невменяемость может быть как следствием, так и причиной плохого поведения. Жизнь, в которой чередуются потворство и подавление, ведет к расстройству психики; я видел мужчин и женщин, которые, когда они только вступали в преступные ряды, не имели никаких подозрений в сумасшествии, постепенно деградировали и становились невменяемыми. Если принять во внимание образ жизни, который они ведут, то удивительно, что многие из них не становятся сумасшедшими".

Х 4 была девушкой из рабочего класса. Она была красива и обладала прекрасной фигурой. Добрая и легкая на подъем, она была довольно ленива, а так как ее не воспитывали в духе морали и у нее было много поклонников, она вскоре бросила работу и стала вести менее стесненную жизнь в городе. Она попала в руки полиции и была отправлена в тюрьму, где ее поведение было вне всяких порицаний. Она выполняла работу, которую от нее требовали, и всегда была уравновешенной и аккуратной. Она пристрастилась к сильному алкоголю, и во время одного из заключений у нее случился сильный приступ трепетного бреда, от которого она оправилась только для того, чтобы впасть в состояние слабоумия, которое сохраняется и, хотя оно стало менее выраженным, делает ее неспособной заботиться о себе. Ее безумие - прямой результат ее излишеств.

Х 5 попала в дурную компанию и была скорее поощряема, чем исправляема своей матерью, которая находила свою выгоду в проступках дочери. Она оставила работу, но не стала сильно пить, а со временем попала в тюрьму по обвинению в воровстве. Во время своих проступков она заразилась болезнью, и у нее начались приступы. Постепенно ей становилось все хуже, так как она не давала себе шансов на выздоровление и пренебрегала лечением, находясь на свободе. В течение двух лет она недолго находилась в тюрьме, но в конце концов стала невменяемой и умерла. Когда я впервые увидел ее, у нее не было ни психических, ни физических недостатков. Ее болезнь и смерть были прямым результатом ее образа жизни.

Х 6 всегда был диким и неуправляемым парнем. Он поступил в армию и вскоре оказался одной из неудачных сделок. В конце концов его демобилизовали. Он попал в беззаконие в Глазго и зарабатывал на жизнь, иногда честным путем, иногда иначе. Несколько раз он попадал в тюрьму, и с ним всегда было много хлопот. Постепенно у него появились бредовые подозрения и приступы насилия, и в конце концов с ним пришлось поступить как с преступником-лунатиком. В его случае с самого начала наблюдалась психическая неустойчивость, которая проявлялась в его беспокойстве и нетерпении к сдерживанию. Это не подходило для солдатской жизни, а дисциплина, связанная с ней, скорее усугубляла, чем исправляла его состояние. Не имея друзей, способных направить его, он дошел до крайностей и был наказан за преступления, в которых участвовал. Хуже жизни в тюрьме для него ничего нельзя было придумать, а однообразие и тишина способствовали развитию заблуждений, которые впоследствии стали преобладать в его сознании и настолько повлияли на его поведение, что под их влиянием он совершал нападения и проявил себя как опасный сумасшедший. Его случай отличается от двух предыдущих тем, что сами средства, принятые для борьбы с его излишествами, в значительной степени стали причиной его окончательного помешательства.

Если не считать случаев безумия, то среди заключенных есть психически неполноценные люди. Общее число их невелико, но эти люди привлекают к себе внимание и доставляют обществу массу неприятностей, совершенно несоизмеримых с их количеством. В некоторых случаях дефект заключается в задержке развития; тело и страсти развиваются быстрее, чем умственные способности, но время и обучение, вероятно, установят равновесие.

В других случаях кажется, что в их психическом снаряжении чего-то не хватает - они "имеют недостаток", как выражаются в просторечии и экспрессии. Многие из них способны вести себя под руководством хорошо настроенных людей; и их можно встретить больше на религиозных собраниях, чем в тюрьме. Они попали под влияние церкви и получили от этого пользу, и во многом именно потому, что на других не было оказано такого здорового влияния, они находятся в тюрьме. Как правило, они довольно послушны и подчиняются более сильным духом людям. Когда они законопослушны, то не доставляют хлопот, но когда влияние дурное, то все обстоит иначе.

Психические способности, которые могут быть достаточными для того, чтобы человек мог работать и жить в соответствии с законом в одном социальном положении, могут быть совершенно недостаточными для того, чтобы он мог обеспечивать себя в другом. Есть люди, занимающие должности и выполняющие требуемые от них обязанности к удовлетворению своих работодателей, которые, будучи брошенными на произвол судьбы, опустились бы на очень низкий уровень. Любой фиксированный стандарт умственных способностей нерационален, поскольку не учитывает условий, в которых приходится жить обследуемому. Вопрос заключается в следующем: способен ли человек в силу психического дефекта переносить жизненные стрессы в тех социальных условиях, в которых он находится? Способен ли он заботиться о себе и воздерживаться от нарушения законов?

Каким бы ни было мнение юристов по этому вопросу, ни один деловой человек не ожидает от мальчика того же поведения, что и от мужчины; он также не будет доверять молодому человеку в той же степени, что и старику. Молодой человек может обладать большими знаниями, но между знаниями и опытом есть разница, и человек может знать, что правильно, а что нет, не имея жизненного опыта, который позволяет ему отбросить свои страсти и следовать своим знаниям. С умственно неполноценным человеком, к тому же имеющим несчастье родиться в семье бедняков и воспитываться в трущобах, если он преступает закон, можно поступить так, как если бы он был таким же полноценным, как и его соседи. Если он не является психически неполноценным в такой степени, чтобы оправдать признание его невменяемым, для него остается только тюрьма; с перспективой тягот при освобождении и тюремного заключения при совершении проступков, пока он не станет достаточно невменяемым или его послужной список и его состояние вместе взятые не станут достаточно плохими, чтобы позволить ему попасть под лечение, которое он должен был получить с самого начала.

В этом не обязательно виноваты те, кто исполняет законы. Полиция не имеет права допускать совершение преступлений; и независимо от того, в здравом ли уме человек, совершивший преступление, или с психическими отклонениями, они обязаны его арестовать. Медицинские работники, которые могут осмотреть его, могут только подтвердить, что он невменяем. Даже если его отправят в приют, медицинский суперинтендант не сможет задержать его, если его состояние улучшится настолько, что он будет вести себя там вменяемо; и он отправится на старую борьбу, к которой совершенно не приспособлен, и некому будет помочь ему или проявить власть над ним, когда он собьется с пути.

X 7 - врожденный умственный дефект, и им пренебрегают. У него заикание, из-за которого ему труднее, чем другим таким же слабоумным, вступать в контакт с окружающими и, задавая вопросы, учиться. Когда его понимают, он не может сказать ничего интересного, а нетерпение обычного человека становится для него препятствием, когда он пытается заговорить. Он не может найти работу и мало что может сделать. По ночам он бродит по пристройкам в поисках убежища, и за это его арестовывают за незаконное проникновение. Он находится в грязном состоянии и доставляет неудобства и обиды всем, с кем контактирует. Его отправляют в тюрьму за совершение преступления, которого он не может избежать и которое является прямым следствием обездоленности, вызванной его психическими отклонениями и безграмотностью.

X 8 - тихая, мирная и довольно привлекательная молодая женщина. Она была замужем за респектабельным молодым человеком с небольшим заработком. Она вела себя очень хорошо и, казалось, удовлетворительно управляла их домом, но, к его удивлению и ужасу, в один день она была арестована и впоследствии осуждена за получение товара под надуманным предлогом. Не имея возможности зарабатывать на содержание семьи, хотя и не отличалась экстравагантностью, она разыграла свою внешность и получила некоторые вещи обманным путем. Если бы она обратилась к его друзьям, ей бы помогли, но она пошла по другому пути из-за своей умственной неспособности справиться с ситуацией. Ее дело было тщательно изучено, пока она находилась в тюрьме, и были приняты меры по ее направлению после освобождения. Она вполне уравновешенна, не имеет пороков, стремится к успеху, но не в состоянии без посторонней помощи нести ответственность за свое положение. Церковь, к которой она принадлежит, стала ее опекуном, когда стало известно о ее состоянии; и она вряд ли совершит проступок, пока интерес к ней поддерживается, и не будет стоить много денег тем, кто за ней присматривает.

Х 9 - парень, вышедший из-под родительского контроля и ищущий приключений. Он отвечает на вопросы разумно, хотя и несколько дерзко, и, насколько можно судить по результатам простого профессионального обследования, не является умственно отсталым. По всей видимости, он просто плохой мальчик. Наблюдение за его поведением в тюрьме и расспросы за ее пределами показывают, что за этим стоит психический дефект. У него периодически случаются вспышки гнева без видимых причин, и, не проявляя никаких признаков помутнения рассудка, он начинает крушить вещи. Он сидел в тюрьме за злостное хулиганство и преступления против приличий, а также за кражу. Он не пьет, но при удобном случае начинает баловаться. Он работает с перерывами, но не может задерживаться на одном месте дольше, чем на короткий срок. Он был обвинен в краже со взломом, но по заключению тюрьмы о его психическом состоянии его признали невменяемым и около года держали в психушке. Его поведение настолько улучшилось, что его выписали, но медицинский суперинтендант выразил мнение, что, предоставленный самому себе, он, вероятно, сорвется обратно; так и произошло; он возобновил свои прежние действия в течение короткого периода после освобождения. Он может достаточно хорошо работать в надлежащих условиях, но не в состоянии позаботиться о себе.

Х 10 - молодая женщина, крепкого телосложения, с приятными манерами и внешностью. Она работала домашней прислужкой, но, попав в плохую компанию, бросила работу. Сначала она казалась лишь немного "мягкой", но выпивка и излишества способствовали возникновению или проявлению - в ее случае трудно сказать, чего именно, - психической недостаточности. В тюрьме она тихая и воспитанная, с хорошим интеллектом, но после освобождения она прибегает к самым низким притонам и предается таким излишества, что, когда ее возвращают в тюрьму, она в ужасе ждет смерти, настолько плохо она себя чувствует. На какое-то время ее удалось заставить взять себя под контроль, и она хорошо справлялась, много и весело работала; но, вернувшись в город, она вновь принялась за старое. Все, кто ее знает, признают, что у нее "есть недостаток", но этот недостаток настолько незначителен, что нет никакой возможности бороться с ним, поскольку законы в настоящее время позволяют наказывать ее только за его результаты. Если только ее излишества не приведут к заметной дегенерации - а, как сообщают, у нее периодически случаются "припадки", - это кажется вероятным, все, что можно сделать для нее, - это арестовать и посадить в тюрьму, когда она провинится. Когда она превратится в развалину, она получит то лечение и ту опеку, которые могли бы спасти ее, если бы это было возможно сделать сейчас.

Как некоторые заключенные становятся невменяемыми в результате своей преступной и порочной жизни, так и некоторые подвергаются умственному вырождению до степени, не поддающейся сертификации. У пожилых это сопровождается такой степенью физической немощи, что они вынуждены искать убежища в богадельне, и возвращаются в тюрьму лишь в тех редких случаях, когда покидают ее ворота, побуждаемые к этому чувством улучшения и новым желанием посетить свои старые места обитания. Если взять всех заключенных вместе, то их число невелико сравнению с теми, кто не страдает психическими отклонениями. Очевидно, что безумие не может быть причиной преступлений ни в одном, кроме очень небольшого числа случаев. На самом деле доля невменяемых среди заключенных в целом не больше, чем среди населения на воле, но в случае с женщинами, признанными виновными в жестоком обращении с детьми, она чрезвычайно высока.

ГЛАВА IV

ФИЗИЧЕСКИЕ НЕДОСТАТКИ И ПРЕСТУПНОСТЬ

Физические дефекты вызывают симпатию - редко провоцируют преступления - могут стать причиной умственной дегенерации - случай ревности и убийства.

Как некоторая степень умственной отсталости не является несовместимой со способностью жить мирной и полезной жизнью, так и физические дефекты не обязательно лишают человека способности выполнять свои обязанности гражданина. В любом случае сфера его полезности ограничена, но это все, что можно сказать. Многое зависит от его социального положения.

Когда физически неполноценный человек впадает в порочный круг, кажется, что ему труднее вернуться на правильный путь, чем тому, кто здоров и полноценен во всех своих частях; но это ожидание оставляет без внимания тот факт, что чем более жалок и заброшен человек, тем больше его состояние привлекает милосердных. Сама его беспомощность привлекает к нему внимание и вызывает уважение, которого не оказывают тем, кто сильнее; и если он только отдаст себя в их руки, найдется немало желающих позаботиться о заблудшей овце, чье состояние столь плачевно. В некоторых отношениях и при нынешнем положении вещей у того, кто страдает от физических недостатков, меньше необходимости идти на преступление, чем у обычного гражданина; ведь закон предусматривает его и не позволяет ему остаться без средств к существованию в связи с тем, что он инвалид[1].

Физические недостатки в очень редких случаях являются причиной преступлений. Они сужают возможности трудоустройства и уменьшают шансы на работу, даже если дефект не является настолько серьезным, чтобы сделать человека непригодным для нее; но за исключением тех случаев, когда они могут привести к нищете - которая, если она вызвана инвалидностью, должна быть облегчена приходом по заявлению - они редко провоцируют преступления. В некоторых случаях, однако, серьезные преступления могут быть связаны с этой причиной.

Х 11 был энергичным и трудолюбивым человеком. Он был приверженцем трезвого образа жизни и активно интересовался местными делами. Он пользовался уважением и доверием своих товарищей по работе и принимал активное участие в торговых и дружеских обществах, в которых состоял. Он также интересовался книгами, много читал, учитывая свои возможности, и проявлял свой интеллект больше, чем большинство его соседей. Он женился на подходящей партнерше, и их семейная жизнь была вполне счастливой. Во время работы с ним произошел несчастный случай, в результате которого он потерял руку. Когда он вышел из больницы, работодатели нашли для него подходящее место, и его доход не сильно пострадал, а перспективы на новом месте были гораздо лучше, чем в прежней ситуации. Он начал размышлять о потере конечности и все больше ревновать свою жену. Однажды он совершил убийственное нападение на нее, и был отправлен в тюрьму. Там он очень раскаивался и был вполне разумен. Он объяснил, что перестал быть тем человеком, которым был, когда женился, и что с тех пор, как он потерял руку, его жена сожалеет об их союзе. Она никогда не говорила об этом, но, хотя пыталась скрыть перемену в своих чувствах, он это видел. Он подробно описал причины своей ревности, а когда ему указали на то, что, принимая во внимание факты, его умозаключения могли быть ошибочными, он признал силу

аргумента. В крайнем случае он ревновал необоснованно, но не безумно; а когда мы с ним обсудили некоторые инциденты и объяснили их, он согласился, что слишком поспешно пришел к тем выводам, на основании которых действовал. Он сказал, что не может винить свою жену, даже если верит в ее неверность; что ему невыносимо было потерять ее, и именно поэтому он напал на нее; но он очень сожалеет, что сделал ей плохо, заподозрив ее. Он был осужден и отправлен в тюрьму на определенный срок, но вел себя разумно и хорошо. Его жену предупредили, что его ревность может проявиться вновь и что есть вероятность того, что он станет невменяемым, если продолжит размышлять о своем несчастном случае; ей посоветовали не жить с ним наедине. Он вел себя так хорошо, что предупреждение было забыто. Примерно через год после того, как они снова стали жить вместе, он чуть не убил ее и покончил с собой.

В данном случае преступление было связано с несчастным случаем, в результате которого мужчина лишился руки. Причина исключительна только в отношении тяжести преступления, но нет ничего необычного в том, что люди, которым выпало несчастье быть хромыми или деформированными, проявляют болезненную чувствительность к этому вопросу. Их дефект омрачает их жизнь и изменяет их взгляд на вещи, иногда заставляя их становиться безрассудными в своем поведении и нарушать закон. С другой стороны, многие из них развивают в себе благочестие и нежность к окружающим. Наличие дефекта не доказывает ничего, кроме самого факта его существования.

ГЛАВА V

ИЗУЧЕНИЕ ПРЕСТУПНИКА

Достоверность показаний заключенных - обман или недоразумение - откровенность и знания, необходимые следователю - показания заключенного должны лежать в основе расследования - информация и помощь, полученные от бывших друзей - распространение полученных знаний - предотвращение преступлений и накопление знаний.

Любое исследование преступника, основанное на наблюдениях, сделанных, когда он находится в тюрьме, неизбежно должно быть частичным и вводящим в заблуждение. Это все равно что писать "Естественную историю" на основе изучения птиц в клетке. Части будут правильными, но целое будет неверным.

Можно воспользоваться его присутствием, чтобы узнать что-то о предшественниках заключенного. Мнения экспертов могут быть ценными в отношении него, но они не так полезны, как его собственное мнение о том, как он оказался в тюрьме, и не более надежны.

Заключенные не более правдивы, чем другие люди, но, как правило, они не являются бесцельными лжецами. Когда человек попадает в беду и от него требуют отчета, он выкладывается по максимуму; но известно, что люди, никогда не сидевшие в тюрьме, не отказываются от своих слов, когда их хвалят за качества, которыми они не обладают, предпочитая позволить времени исправить ложное впечатление, которое может быть им на

руку. Неразумно ожидать от заключенного более высоких стандартов поведения, чем от других людей.

Многое из того, что сурово называют ложью со стороны заключенных, объясняется заблуждением их допрашивающих. Большинство из них не тратят время на ложь. Если правда поможет, проще сказать ее, чтобы изложить суть дела как можно короче; но их часто беспокоят непонятные вопросы, задаваемые людьми, которым они не доверяют, в результате чего они производят впечатление тупости и недостоверности, которых не заслуживают. Я помню, как один джентльмен, считавший себя очень острым наблюдателем, сказал мне по поводу одного заключенного, которого он допрашивал, что тот слабоумный. У меня были веские причины придерживаться другого мнения, но, желая выяснить, как посетитель пришел к такому выводу, я опросил заключенного и после некоторого разговора перешел к теме его недавнего обследования. Улыбка расплылась по его лицу, когда он объяснил, что незнакомец задавал ему всевозможные вопросы и не давал возможности ответить по-своему, поэтому он устал и позволил собеседнику делать все, что тот пожелает. Его мнение о своем экзаменаторе я получил как личную услугу, поскольку, как он выразился, "не мне говорить что-либо о таких, как он, - по крайней мере, не здесь". Я не могу напечатать все его слова. Он сказал: "Он... плоский". Каждый из них был невысокого мнения о другом, и насколько каждый из них был прав, пусть судят другие. Этот инцидент наводит на некоторые размышления.

Неразумно ожидать, что заключенный возьмет на себя труд понять и ответить на вопросы незнакомца, цель которого ему неизвестна. Мало кто из нас решился бы открыться первому посетителю, который решил поинтересоваться нашими делами. Он может считать себя счастливым, если не обнаружит себя жестоко изгнанным. Заключенный не может выгнать незваного гостя, но иногда ему хочется это сделать, а отношение некоторых, стремящихся к добру, порой провоцирует. Когда дознаватель известен, это уже совсем другая история. Получите репутацию "в порядке", и вы научитесь, но сначала вы должны заслужить доверие. Откровенность рождает откровенность, и, со своей стороны, я нашел очень мало заключенных, которые сознательно пытались обмануть меня, когда знали, зачем я запрашиваю у них информацию. Они либо свободно давали ее, либо утаивали с явным заявлением, что не могут дать ее честно. Не всегда эта информация была точной, но не так уж много людей, которые точны в своих заявлениях - не из-за желания быть правдивыми, а потому что их восприятие, память или и то, и другое затуманены.

Но требуется нечто большее, чем просто откровенность; необходимо уметь смотреть на вещи с точки зрения тех, кого спрашивают, и достаточно хорошо знать их язык, чтобы понять ответ, когда он будет дан. Есть очень много людей, которые думают, что знают английский язык, и, похоже, не осознают, что в разных районах и среди разных классов слова имеют разное значение. Существуют не просто жаргонные слова, а слова, используемые в жаргонном смысле, и когда их воспринимают буквально, это приводит к непониманию. И все же иногда мы имеем дело с результатами расследований, проведенных людьми, не имевшими никакой подготовки, которые за удивительно короткое время могут получить объемную и поразительную информацию; насколько она ценна - другой вопрос. Попробуйте получить путем вопросов и ответов краткую информацию о происхождении любого из ваших друзей, и вы обнаружите, что это невозможно сделать за несколько минут, что она не будет свободна от неточностей и что она потребует объяснений, прежде чем вы поймете ее так, как им хотелось бы. Получить такую информацию от незнакомца - задача еще более сложная.

В случае с заключенным преимущества, которые можно получить, стоят усилий по преодолению трудностей. Получив его показания, можно положить их в основу

расследования его дела и попытаться помочь ему при освобождении. Мало найдется людей, у которых нет друзей - людей доброй воли. Это могут быть родственники, работодатели или коллеги по работе, но их воля может оказаться сильнее их силы. Их терпение может быть исчерпано или интерес ослаблен, но если они не хотят или не могут помочь, то, по крайней мере, могут рассказать, что они сделали, и предотвратить повторение неудачного лечения. Есть очень много людей, которые никогда бы не подумали вступить в общество помощи заключенным, но охотно помогут человеку, которого они знали в его лучшие времена. Общества имеют свою пользу, но это не причина, почему нельзя привлечь к помощи товарищей человека; хотя они не заинтересованы в общем вопросе, они могут проявить интерес к конкретному случаю. В результате попыток выяснится, что, даже если усилия по оказанию помощи конкретному заключенному окажутся безуспешными, вы получите представление о существовании условий, благоприятствующих совершению злодеяний.

Каждый чиновник знает, что в большом городе случаются проступки, о которых обычный гражданин и не подозревает. Пока это знание принадлежит только чиновникам, оно сравнительно бесплодно. Они могут говорить, но какой-нибудь другой вопрос отвлекает внимание общественности, прежде чем оно будет достаточно долго сосредоточено на этой теме, чтобы принести пользу. В лучшем случае они могут получить дополнительные полномочия, чтобы делать за граждан то, что граждане могли бы гораздо лучше делать сами. Разговоры о трущобах для человека, живущего в комфортных условиях, часто остаются лишь разговорами, но стоит ему пожить в них, и эффект будет совсем другим. Точно так же, если вы сможете, проявив личный интерес к человеку, заставить другого изучить причины его проступков, самому разобраться в ситуации, увидеть процесс и средства его деградации, этот человек заметит, сколько существует поводов для правонарушений, которые можно устранить, и, хотя бы ради безопасности собственной семьи, окажет помощь в их устранении. Попутно и с течением времени будет собрана большая масса информации об истории преступников и правонарушителей, и можно будет сделать некоторые важные обобщения. В настоящее время те, кто обобщает, делают это без такого тщательного изучения людей, с которыми они имеют дело, как это рекомендую сделать я. В течение шестнадцати лет я искал преступника из книг и не встретил его. Преступник, знакомый мне, - это не тип, а мужчина или женщина; и мы никогда не узнаем и не заслужим того, чтобы узнать его, пока не удовлетворимся тем, что изучим его, не как натуралист изучает жука, а как человек изучает своего ближнего.

ЧАСТЬ II

ОБЩИЕ ФАКТОРЫ В ПРИЧИНАХ ПРЕСТУПНОСТИ

ГЛАВА I

ВЫПИВКА И ПРЕСТУПНОСТЬ

Пьянство обычно приписывается производству преступлений - Мелкие правонарушения, обычно совершаемые под его влиянием - Пьянство является фактором в причинной связи большинства преступлений против личности - Раздвоение личности, вызванное пьянством - Пьяная жестокость - Пьяная ярость - Нападения в пьяном виде - Сексуальные преступления - Детская небрежность - Психический дефект, стоящий за пьянством некоторых преступников - Злоумышленное озорство и воровство - Пьяная kleптомания Пренебрежение психическими отклонениями, лежащими в основе пьянства некоторых преступников - Злоумышленное озорство и воровство - Пьяная kleптомания - Профессиональный преступник и выпивка - Кражи у пьяных - Количество преступлений не соответствует количеству выпивки в районе - Порок, существующий отдельно от преступности, в стране - И в богатых районах города - Пьянство и статистика - Резюме.

Хотя для рационального обращения с заключенными необходимо учитывать различия между ними в их происхождении и способностях, существуют факторы, которые во многих случаях являются общими для причин преступлений. Их влияние может быть разным по силе, но его нельзя игнорировать.

Пьянство осуждается и употребляется всеми классами. Есть многие, кто приписывает все зло его употреблению, и некоторые из них следуют логическому курсу и выступают за запрет его производства и продажи. Другие оправдывают эту теорию тем, что ничего не делают для исправления социальных условий; ведь "вы никогда не сможете отучить людей пить", а если выпивка - причина социальных бед, и вы не можете остановить ее употребление, то почему они должны беспокоиться?

Любая теория причинности зла будет модной, если она предлагает поверхностное объяснение фактов и дает оправдание для того, чтобы не делать ничего более хлопотного, чем давать добрые советы бедным слоям населения. Пьянство принесло несчастье и деградацию многим, благодаря их собственному потворству или потворству тех, от кого они зависели; если оно не является причиной, то часто усугубляет бедность; и я протестую против преувеличения его дурных последствий, не желая преуменьшить их. Наши социальные беды не связаны с какой-либо одной причиной, и не выгодно выделять какой-то отдельный порок и сваливать на него все зло; и эта практика более похвальна, когда порок не является тем, к которому мы сами склонны. Во что бы то ни стало нужно учить воздержанности и препятствовать пьянству; это тоже будет лучше, когда мы будем искать причины несдержанности.

Одно из наиболее часто встречающихся утверждений заключается в том, что подавляющее большинство преступлений совершается из-за пьянства. Точнее было бы сказать, что большинство заключенных находились под воздействием алкоголя в момент совершения нарушения закона, за которое они были осуждены. Подавляющее большинство - мелкие правонарушители. Вычеркните их, и население наших тюрем сразу же сократится более чем наполовину. Они были пьяны и неспособны позаботиться о себе, или они нарушили мир в нетрезвом виде. Срок их заключения невелик, а их число велико. Многие из них - постоянные клиенты и возвращаются сюда снова и снова в течение года. Вопрос о том, разумно ли мы

поступаем с ними, требует обсуждения. Судя по их поведению, они не стали от этого лучше. Благодаря отдыху и регулярной жизни в тюрьме, они могут приступить к следующим загулам в лучшем физическом состоянии, чем если бы они не содержались там некоторое время; но это скорее личное, чем общественное преимущество. В настоящее время они раздувают нашу тюремную статистику и являются бременем для казначейства. То, что их смешивают с преступниками, не приносит пользы ни нам, ни им. Причина их осуждения - выпивка; но добавление их числа к числу преступников, совершивших преступления против личности или против собственности, не способствует ясности изложения.

Преступления против личности обычно совершаются людьми, находящимися в состоянии алкогольного опьянения, или лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения. Человек принимает спиртное, чтобы выйти из себя, и тогда он в состоянии сделать или сказать то, от чего он воздержался бы в трезвом состоянии. У некоторых после выпивки не улучшается характер, они становятся более склонными к ссорам и менее способными контролировать свои страсти. Часто можно заметить, что у человека может развиться двойная личность: в трезвом состоянии он проявляет один набор качеств, а под воздействием алкоголя - другой. В обоих состояниях он получает впечатления, и его действия в трезвом состоянии показывают, что импульсы, которые направляют его поступки, отличаются от тех, которые доминируют над ним в состоянии опьянения. Как трезвый человек забывает о себе, когда он пьян, так и пьяный забывает о себе, когда он трезв - не полностью, но частично. Кажется, что он с большей готовностью вспоминает о перенесенном насилии, чем о насилии, совершенном над ним. Впечатления, полученные в одном состоянии, имеют тенденцию возрождаться, когда человек снова оказывается в этом состоянии. Если во время ссоры он обнаруживает, что ударил того, кто может нанести ответный удар, он, как правило, уходит с дороги и избегает опасности от такого человека в будущем. Точно так же, как он учится держаться подальше от фонарных столбов и других устойчивых объектов, он учится не наносить удары тому, кто может причинить ему боль.

Самые серьезные нападения являются результатом не столько пьяного гнева, сколько пьяной жестокости; и, накопившись в одном направлении, она находит выход в другом. Эта страсть, похоже, овладевает некоторыми мужчинами регулярно, и потакают ей за счет тех, кто оказывает ей наименьшее сопротивление, - женщин, входящих в их семью. У них формируется привычка нападать на своих подруг, и эта привычка становится все более сильной и интенсивной. В большинстве случаев жестоких убийств жен, которые мне доводилось наблюдать, роковое нападение было просто последним из серии, регулярно совершаемых, когда преступник находился в нетрезвом состоянии, и смерть женщины была последним инцидентом в затянувшемся мученическом подвиге.

В других случаях обычно спокойные мужчины оказываются в тюрьме по обвинению в нападениях, о которых они ничего не помнят, - результат внезапной страсти, охватившей их в состоянии алкогольного опьянения. Другие, выпив, становятся настолько драчливыми, что не успокаиваются, пока не затеют драку, и, кажется, не обращают внимания на то, пострадают они или нет. В их случае, который кажется наиболее распространенным, их возбуждает не жажда жестокости, а наслаждение битвой, и хотя они могут получить столько же, сколько и отдать, это не удерживает их от повторения своего поведения.

Другой класс нападений - это нападения на людей, находящихся в нетрезвом состоянии, которые своим поведением спровоцировали нападавшего. Их сравнительно немного, и нападение редко бывает столь жестоким по характеру или столь серьезным по последствиям; хотя иногда оно может закончиться трагически. Х 12 был молодым человеком, который женился на девушке с приличным характером. Они оба были трезвыми и

трудолюбивыми. До замужества она работала на фабрике и имела очень мало практического опыта ведения домашнего хозяйства. Она не привыкла к домашней рутине, а поскольку ее муж не приходил домой к обеду, у нее было много свободного времени. Ее дом находился в другом районе города, нежели дом ее родителей, и ей пришлось самой заводить друзей. К сожалению, она попала в компанию тех, кто сплетничал вместе и подкреплял разговоры выпивкой. Сначала она воздерживалась, но со временем стала делать то же, что и остальные, и, в отличие от них, не могла себя контролировать. Она проявляла склонность к излишествам, которую они старались пресечь как ради себя, так и ради нее. Ее муж обнаружил ее проступок и, чтобы отучить ее от этого, переехал в другой район. Некоторое время у нее все шло хорошо, и родственники помогали ей. Но в поисках компании она снова попала в компанию тех, кто принимал "социальный стакан". Удивительно, как женщине, однажды пристрастившейся к алкоголю, трудно завязать дружбу с другими женщинами, которые этого не делали, если только она не становится воинствующей трезвенницей. В данном случае у молодой жены был рецидив за рецидивом на протяжении нескольких лет, и ее муж, кажется, сделал все, что было в его силах, чтобы спасти ее. У нее было двое детей, и когда она была трезвой, то заботилась о них должным образом; но приступы пьянства стали случаться все чаще, и в них она становилась все более безрассудной. После одного из них, когда она распродала всю домашнюю мебель и исчезла, она вернулась с покаянием, и он снова поселился у нее. Несколько недель она сохраняла трезвость, они налаживали отношения, и он доверял ей некоторые деньги. Однажды в понедельник вечером он вернулся домой с работы и обнаружил, что дом частично разобран, дети запущены, грязны и в слезах, а жена в ошеломленном состоянии ждет, чтобы принять его со скупыми извинениями. В гневе он оттолкнул ее от себя. Ее тело ударилось об угол стола, и вскоре она упала и умерла. У нее произошел разрыв внутренних органов, и она истекла кровью за несколько минут. Результат был совершенно непропорционален примененному насилию и в некотором смысле был случайным, но ее смерть можно было так же справедливо приписать пьянству, как и многие из тех, что происходят в результате нападения пьяных людей.

Пьянство играет важную роль в совершении сексуальных преступлений, но в целом оно не является более важным фактором в таких случаях, чем в случае простого нападения. Однако в подавляющем большинстве таких обвинений против мужчин младше среднего возраста выясняется, что нападавший находился в тот момент под его влиянием; и в самых жестоких и невыразимых случаях оно редко отсутствует, разве что при наличии сумасшествия.

В последние годы законодательные органы все больше стремятся обеспечить надлежащий уход за детьми и наказать тех, кто по небрежности или жестокости позволяет своему потомству страдать. Известны случаи, свидетельствующие о шокирующем положении дел, и родители привлекаются к ответственности и отправляются в тюрьму за свое бездушие и жестокость. Из всех заключенных это, как правило, самые безнадежные и бесполезные; самые эгоистичные в своих взглядах; самые склонные к ворчанию и отлыниванию от работы; люди с самым острым чувством своих прав и самым низким чувством своих обязанностей - и это только при поверхностном наблюдении за ними. Забота о детях, естественно, ложится на плечи женщин, а обеспечение их - на плечи мужчин. Мужчины могут оправдываться за состояние детей, и эти оправдания иногда бывают вескими, ведь мужчина не может одновременно работать на улице, чтобы содержать семью, и заботиться о них в доме. Если женщина получает деньги, чтобы покрыть необходимые расходы, но пренебрегает уходом за детьми, ей трудно найти оправдание. Практически во всех случаях в дело вступает выпивка, и ее наличие объясняет, но не оправдывает пренебрежение.

Для детей хорошо, если они будут избавлены от заботы родителей, которые жестоко обращаются с ними, пренебрегая ими или плохо с ними обращаясь, и хорошо, если те, кто склонен к небрежности, будут знать, что их поведение может стать предметом жалобы; но человек может быть физически здоров, чтобы иметь детей, и психически неспособен заботиться о них. Значительная часть женщин, осужденных за жестокое обращение с детьми, относится именно к этому печальному случаю. Они растрачивали свое имущество, потакали своим аппетитам и постыдно жестоко обращались со своим потомством, но только после того, как их выведут из запоя, можно сказать, способны ли они в лучшем случае взять на себя обязательства, которые они взяли, став матерями. В некоторых случаях их психическое состояние было настолько плохим, что оправдывало их удаление в психушки; в других случаях психический дефект был вполне ощутимым и явно таким, что не позволял им выполнять свои обязанности, но не был достаточно выраженным, чтобы о них мог заботиться орган по делам сумасшедших. За их поведение отвечают алкоголем, и он имеет свою долю в его причинах, но он скрывает постоянный дефект, лежащий в его основе, независимо от того, существовал ли этот дефект до того, как субъект поддавался влиянию алкоголя, или стал его следствием. В случае с такими женщинами возвращение их к обязанностям, которые они не в состоянии выполнять, является серьезным делом, тем более что существует вероятность того, что состояние семьи может усугубиться в результате его увеличения. Среди женщин, осужденных за жестокое обращение с детьми, очень мало тех, кто не является психически неполноценным, насколько я могу судить.

Подобно тому, как выпивка заставляет одних людей становиться дикими, она подстрекает других к злодеяниям. Если человек поднимает вещи, которые ему не принадлежат, и уносит их, это кража, и она подлежит наказанию. Если бы преступник мог изложить дело мировому судье так, как это сделал бы адвокат, это было бы квалифицировано как злонамеренное преступление; но если бы он имел необходимую подготовку или мог позволить себе заплатить адвокату, он мог бы вообще не являться в суд. Для молодых кровей еще не редкость уничтожать или отбирать чужое имущество, но их не обвиняют в краже из-за их буйства. Обычно их вообще не обвиняют, если они выплачивают владельцам компенсацию. Известны случаи, когда студенты-медики возвращались с симпозиума с разнообразной коллекцией предметов, которые они без разрешения выносили из дверей магазинов, в дополнение к случайной ручке дверного звонка или стуку. Если бы кто-то из них был осужден за кражу в результате такого поведения, он был бы исключен из реестра и лишен возможности получить профессию, к которой он готовился. Осуждение за злонамеренное причинение вреда не привело бы к столь серьезным последствиям. В случае с рабочим человеком последствия не менее серьезны. Дело не только в том, что приговор будет более суровым - это самое малое; за ним закрепится репутация вора, которую ему будет трудно преодолеть после освобождения. Для его перспектив на честную работу достаточно плохо, что он оказался в тюрьме, но если причиной не была нечестность, его могут счесть просто глупцом. Если же его преступлением была кража, то это уже совсем другая история. Объяснения здесь не нужны - как и воры; и собака с дурной репутацией может в отчаянии начать заслуживать ее, становясь пополнением рядов профессиональных преступников. В таких случаях падение человека можно списать на пьянство; но он вполне может возложить часть вины на нашу глупость в обращении с ним.

Помимо тех, кто в состоянии алкогольного опьянения пускается на спортивные подвиги, есть и те, кто занимается воровством в чистом виде. Х 13 был вполне уважаемым мужчиной около тридцати лет. Он был честен и трудолюбив, и, если не считать того, что время от времени он поддавался неводержанности, у него не было никаких недостатков или глупостей. Он не очень любил компании, и после работы большую часть времени проводил

дома, в своей квартире, где имел репутацию тихого, мирного и немного ученого человека. Однажды ночью он был арестован в нетрезвом состоянии за кражу имущества. При обыске в его комнате были найдены доходы от нескольких краж, а также остатки украденных вещей, которые были частично уничтожены. Выяснилось, что он был причастен к большому количеству краж из общественных мест в течение двух предыдущих лет. По его словам, он не помнил, что воровал, а в воскресенье утром после первой кражи с ужасом обнаружил в своей комнате сумку с одеждой. Он выяснил у хозяйки, что принес ее домой накануне вечером, и рассказал ей какую-то историю, чтобы объяснить свои вопросы. Он не пытался продать имущество, но уничтожал его по мелочам. Некоторое время он не пил, но, зайдя однажды вечером к старым друзьям, перебрал и снова украл. Это до такой степени овладело его разумом, что он отправился в поход с тем же результатом. Он никому не мог рассказать о своих проблемах и впадал в отчаяние и безрассудное настроение, в котором уходил в запой, почти всегда возвращаясь с чем-нибудь. Ему делали замечания по поводу его растущей несдержанности, но безрезультатно; и когда его раскусили, он почувствовал облегчение. Сколько краж он совершил, неизвестно, но ни разу не заработал на них ни пенни. В трезвом состоянии он не был клептоманом, и его случай неординарен скорее из-за свободы, которой он пользовался от ареста, чем из-за природы импульса, которому он повиновался; ведь существует немало случайных воров, которые в трезвом состоянии вполне честны.

Другие же, став законопослушными гражданами, потеряли самоуважение, а также свое положение из-за привычной невоздержанности. Их единственная страсть - выпивка, и они готовы на все, чтобы получить ее. Они не могут найти работу, а если бы и нашли, то не смогли бы удержаться на ней из-за своей неустойчивости; поэтому они живут за счет других, попрошайничая или воруя.

Самый неприятный преступник для тех, чья обязанность - защищать общество, и самый опасный для имущества своих сограждан - это профессионал; и не больше, чем другие профессионалы, он идет на дело в нетрезвом виде, потому что это было бы неоправданным риском. Мало найдется профессий, в которых трезвость не требуется для обеспечения и поддержания успеха, и это справедливо независимо от того, честный или нечестный бизнес. Не то чтобы вор был трезвенником: в часы отдыха он может доказывать обратное, но он не может позволить себе пить в рабочее время. В тюрьме он может сказать, что находится там из-за выпивки, но это утверждение, хотя и может быть правдой, вводит в заблуждение. Это удобная формула, которая служит для предотвращения дальнейших расспросов. Он знает, что у тех, кто его допрашивает, есть свои предрассудки, и ему известно, что сейчас в моде связывать все преступления с выпивкой, и не более того. Пусть он откровенно признается в своей пагубной привычке к спиртному и получит некоторое сочувствие, которое может материализоваться после освобождения. Во многих случаях буквально верно утверждение: "Если бы не выпивка, я бы здесь не оказался". Но верно и то, что он не был честен в трезвом состоянии. На каждый случай, когда его поймали, приходится множество краж, которые он совершил и избежал поимки. Продолжайте расследование, и выяснится, что он имеет в виду, что если бы не помутнение рассудка выпивкой, он не стал бы браться за дело, за которое взялся; или лучше бы присматривался, прежде чем браться за него. Он не вор, потому что выпил, а вор, которого поймали, потому что он был несдержан. В данном случае выпивка оказалась не союзником преступности, а помощником полиции; она не стала причиной кражи, а позволила поймать вора.

Однако во многих случаях она помогает профессиональному преступнику, ведь опьяневший человек - более легкая добыча для него, чем трезвый гражданин. В дороге ему помогут дойти до дома услужливые руки, которые ловко обшарят его карманы. Его можно заманить в

притоны, которых в трезвом состоянии он бы избегал, и там ограбить на досуге и без особого риска. Его даже могут лишиться имущества без всякого притворного дружелюбия, с небольшим шансом, что он окажет эффективное сопротивление или вызовет горячую погоню. Во всех этих случаях он предоставляет вору возможность, и в той мере, в какой выпивка ставит его в такое положение, она является причиной преступления.

Таким образом, получается: (1) что большая масса заключенных находилась под воздействием алкоголя в момент совершения преступления, за которое они были осуждены; (2) что "преступлением" большинства из них является пьянство или какое-нибудь мелкое правонарушение, вытекающее из него; (3) что почти все преступления против личности совершаются людьми, которые в тот момент находились в состоянии опьянения, или на них; (4) что многие преступления против собственности частично являются результатом выпивки; (5) что большинство преступлений против собственности не связано с пьянством преступника.

Но количество преступлений в Шотландии не пропорционально количеству выпивки в том или ином районе. Употребление алкоголя не ограничивается нашими городами и поселками, и чрезмерные возлияния иногда имеют место со стороны людей, живущих за городом, однако значительная часть нашего тюремного населения не является выходцами из судов сельских районов или небольших городов. Порок может присутствовать и без совершения преступления, хотя сам напиток оказывает одинаковое воздействие на пьющего, независимо от того, живет ли он в городе или в деревне.

В деревне и небольших городах, где население стабильно и люди не сбиваются в кучу, у каждого есть возможность узнать своего соседа, и они проявляют друг к другу определенный интерес. Действительно, часто можно услышать жалобы на то, что деревенские жители слишком много интересуются делами своих соседей. Если человек выпьет больше, чем может унести, обычно найдется кто-то, кто проводит его до дома; или, в худшем случае, он сможет отдохнуть до выздоровления, не прибегая к официальному вмешательству. В городе, хотя у человека могут быть друзья, готовые присмотреть за ним, он отделен от них не зелеными полями, а рядами домов и толпами прохожих, которые не имеют к нему никакого личного интереса и не знают его; а если он ляжет, то будет мешать движению, и за ним придется присматривать. Он не должен быть более пьяным, чем деревенский человек, но он доставляет больше неудобств обществу.

В деревне, если человек, разгоряченный пьянством, стремится потакать своим злым страстям, дружеские руки удерживают его от нанесения вреда, который он мог бы причинить, и задуманное преступление никогда не будет приведено в исполнение; но в городе человек может, а иногда и делает это, жестоко напасть и даже убить другого человека, в то время как люди живут над, под и по обе стороны от него; и никто не беспокоится заглянуть и убедиться в происходящем. Люди не знают своих соседей и не желают вмешиваться в дела чужих. Они научились заниматься своими делами и предоставлять все остальное наемным чиновникам. Чиновники тоже занимаются своими делами, а тюремные камеры заполнены мужчинами и женщинами, которые употребляли спиртное в чрезмерных количествах и не имели дружеской руки, чтобы помочь им или уберечь их от беды. В отсутствие этих сдерживающих факторов и помощи преступление может стать результатом чрезмерного употребления алкоголя в деревне с такой же вероятностью, как и в городе.

Стоит отметить еще одно отличие в пользу деревенского любителя выпить. Человек, продающий ему выпивку, обычно является членом общества, в котором он живет, и он не

может позволить себе упорно оскорблять чувства тех, кому выпал его жребий. Ему не будет приятно получить плохое мнение соседей, а если он получит репутацию набитого клиента, то рискует потерять лицензию. Не в его интересах пренебрегать благосостоянием своих покровителей, даже если бы он был к этому склонен. В каждом районе есть свой собственный стандарт справедливости и допустимости, и ни один пабликан не может спокойно продолжать опускаться ниже него. В больших городах лицензии обычно не принадлежат людям, живущим в данном районе. Многие из них находятся в нескольких руках. Лицензиаты представлены барменами, которым приходится очень тяжело и много работать; которые трудятся долгие часы за зарплату, которую редко можно назвать высокой; которые занимаются продажей выпивки людям, большинство из которых они не знают; и от которых ожидают, что они, не выходя за рамки закона, продадут как можно больше спиртного. Общественное мнение в округе может затронуть общественника только с финансовой стороны; и то лишь в результате кампании, направленной на обеспечение правил, которые иногда столь же бесполезны, сколь и досадны, и которые без разбора атакуют человека, который действительно пытается вести свой бизнес разумным способом, и того, чья единственная забота - получить от него как можно больше.

Но не только в деревне, но и в городе есть пьянство. Нет ни одного района города, который бы обладал монополией на воздержание. В богатых районах меньше публичных домов, чем в бедных, но больше частных погребов. Среди людей с деньгами доля трезвенников не больше, чем среди людей без денег; и деловые люди так же склонны к выпивке, как и ремесленники или рабочие. Есть разница в методах употребления: один разумно смешивает свои напитки с твердыми, другой принимает их за более короткий промежуток времени и больше рискует опьянеть. Даже если он выходит за пределы стадии ясной головы, у более состоятельного человека есть возможность спокойно добраться до дома, и это может обойтись без скандала и ареста. Хотя в районе, где он живет, может быть столько же пьянства, сколько и в некоторых перенаселенных частях города, преступлений там меньше пропорционально количеству жителей; так что для совершения преступлений, даже когда пьянство присутствует, необходимы другие факторы, кроме пьянства.

В Глазго мы привыкли периодически узнавать из свидетельств английских гостей, что мы - самый пьяный город в королевстве; туристы пишут в газеты и рассказывают о своем опыте и впечатлениях от достопримечательностей, увиденных на наших улицах, приводя статистику арестов за пьянство. Это чередуется с панегириками в адрес города как самого прогрессивного в мире - "образцового муниципалитета". Мы не так плохи и не так хороши, как о нас иногда говорят. То, что улицы Глазго - вернее, некоторые из них - временами позорят пьянство некоторых их обитателей, совершенно верно; но тот факт, что некоторые путешественники в определенное время видят в данном районе больше пьяных людей, чем в любом английском городе, не оправдывает вывод о том, что жители Глазго более пьяны, чем жители других городов. Ни в одном английском городе нет такого большого населения на такой маленькой территории. Если на данной территории больше пьяных, то и трезвых людей тоже больше; но наблюдают только за пьяными. Кроме того, в Глазго обычным напитком является виски, от которого человек быстро пьянеет. Он возбуждает сильнее, чем пиво, которое так часто употребляют в Англии и которое делает человека не столько пьяным, сколько содовым. Если бы стоило отвечать, можно было бы заметить, что даже если правда, что в Шотландии можно увидеть больше пьяных, в Англии вы увидите меньше трезвых.

Что касается статистики арестов, то она абсолютно бесполезна для целей сравнения, хотя бы потому, что в разных частях страны существует разная практика обращения с пьяными.

Также хорошо известно, что сравнительно небольшое количество людей ответственно за очень большое количество арестов.

Факты показывают: (1) что выпивка приводит человека в состояние, в котором он более склонен совершить правонарушение или преступление, чем в трезвом состоянии; (2) что хотя пьянство распространено во всех частях страны, полицейские правонарушения и преступления происходят в основном в густонаселенных районах; (3) что количество преступлений и полицейских правонарушений в Шотландии не зависит только от количества выпитого, но в основном зависит от потворства выпивке в определенных условиях городской жизни; (4) что большая часть и наиболее серьезные виды преступлений против собственности не связаны с выпивкой.

ГЛАВА II

БЕДНОСТЬ, НИЩЕТА, ПЕРЕНАСЕЛЕННОСТЬ И ПРЕСТУПНОСТЬ

Большинство людей в тюрьмах находятся из-за бедности - Бедность и пьянство - Бедность и мелкие правонарушения - Бедность и воровство - Бедность и нищета - Случай кражи из нищеты - Бедность и бродяжничество - Безработица и нищенство - Формирование профессиональных преступников - Дело стариков - Деграция безработных до безработицы - Нет соотношения между количеством бедности и количеством преступлений - Определенное соотношение между плотностью населения и преступностью - Трудности Бедность и скученность в связи с преступлениями против личности - Бедные и чиновники - Отсутствие возможности для рационального отдыха - Миграционный характер населения - Множество законов и наказаний - Проступки из-за невежества и неспособности соответствовать - Контраст между городской и сельской администрацией - Случай мелкого правонарушителя - Обращение провоцирует новые преступления - Город - убежище. место профессионального преступника - преступность в значительной степени является побочным продуктом городской жизни.

Хотя большинство заключенных находились под воздействием алкоголя в момент совершения преступлений, за которые они осуждены, не менее верно и то, что они находятся в тюрьме из-за своей бедности. Они находятся там, потому что не в состоянии оплатить наложенные на них штрафы. Их проступки могут быть связаны с пьянством, но в тюрьму они попадают из-за нехватки денег. Есть много людей, которые являются самыми достойными гражданами, хотя и бедными; сама по себе бедность не приводит их в тюрьму. С другой стороны, есть много людей, которые пьют до бесчувствия и не преступают закон; их пьянство само по себе не ведет их в тюрьму; но если человек беден и добродетелен, его бедность вынуждает его жить в условиях, в которых любые пороки могут легко перерасти в преступления или проступки.

Иногда говорят, что бедность, особенно бедность масс, является результатом пьянства, но ни одно утверждение никогда не было более гротескно ложным. То, что пьянство усугубляет

бедность, очевидно; но никто не может закрыть глаза на то, что все бедные люди не пьют и что все трезвенники не богаты. Пьянство часто является причиной бедности; но приписывать бедность в основном пьянству - значит беззастенчиво клеветать на тысячи наших более бедных сограждан, которые живут гораздо лучше, чем многие их критики. С другой стороны, столь же небезопасно приписывать пьянство в основном бедности, поскольку многие, кто свободно предаётся пьянству, обладают значительными средствами, и эта практика не свойственна какому-либо социальному положению. То, что некоторые пьют, чтобы спастись от однообразия жизни, не вызывает сомнений; но если бедность делает одних людей пьяницами, то других заставляет быть трезвенниками. Они видят, что их шансы "выкарабкаться" меньше, если они выпьют, чем если бы они придерживались строгой трезвости, и воздерживаются до тех пор, пока не достигнут своей цели; хотя они могут компенсировать свое воздержание после этого.

Среди заключенных, осужденных за мелкие правонарушения - самое большое количество - многие были вынуждены совершать преступления из-за убогости своего окружения. Бедность ограничивает человека в выборе работы и отдыха. Находясь на грани нищеты, не имея ничего в запасе, он вынужден браться за работу, которая может принести и часто приносит доход, значительно меньший, чем затраты энергии, необходимые для ее получения. Если он является членом семьи или имеет друзей в районе, где он живет, он обычно может получить помощь в трудную минуту; и он сам рассчитывает на помощь, когда она требуется. То, что такую помощь обычно оказывают бедные бедным, является общим местом, но ее важность для предотвращения бедности в местах, где бедность присутствует всегда, недостаточно признается.

Большинство семей рабочего класса живут практически "из рук в рот". Самое большее, чего можно ожидать от них в плане бережливости, - это выплаты во время болезни от дружественного общества; но даже это невозможно для всех членов семьи. В период безработицы можно также получить питание от профсоюза, а в некоторых случаях в течение определенного периода можно что-то откладывать в банк. Они привыкли слышать о своей нерасторопности от людей, которые никогда не знали, что такое страдать от болезни и последующей потери дохода, и которые попали бы в психушку, если бы попытались прожить год в обстоятельствах тех, кого они критикуют и направляют. Их сетования и советы иногда повторяет человек, поднявшийся из рядов общества до сравнительного изобилия и забывающий, что если бы его соседи были такими же, как он, то он никогда бы не оказался там, где находится. Единственный капитал, который у них есть, - это здоровье, и может случиться так, что главный член семьи окажется в стороне, а остальные будут вынуждены вступить в борьбу, которая может их погубить.

Жизнь отдельного работника почти всегда связана с взаимозависимостью. В раннем возрасте он зависит от своих родителей, старших братьев и сестер. Когда он становится трудоспособным, его заработок идет в общий фонд, и к тому времени, когда он сможет зарабатывать достаточно, чтобы содержать себя, ему, возможно, придется участвовать в содержании своих родителей. Бережливость в любой семье нельзя оценить по сэкономленным деньгам, и во многих образцовых бережливых семьях можно обнаружить, что экономия денег была достигнута за счет голодания тел и умов детей. То и дело благополучные семьи оказываются без средств к существованию после тяжелой и продолжительной борьбы или после короткого периода, в течение которого они терпят удар за ударом в результате болезни или потери работы; и поскольку не существует никаких государственных мер по оказанию помощи таким людям, пока они не окажутся в полной нищете, а затем им предоставляется лишь минимальная помощь, и они отправляются на

поиски спасения в условиях, которые делают восстановление практически невозможным, удивительно, что столь многим удается выжить.

Поэтому тех, кто тонет, не стоит осуждать как худших граждан, чем тех, кто выживает; вся разница между ними может заключаться во времени, в которое их постигло несчастье. Мы все подвержены болезням и смерти, но если они приходят в одно время, а не в другое, это может иметь очень большое значение для наших семей. Когда мужчина, имеющий стабильное положение и достойную зарплату, умирает, не оставив ничего для своей жены и семьи, его осуждают. Напрасно указывать на то, что он использовал свою зарплату для их комфорта и обеспечения их жизнедеятельности; он должен был быть более внимательным; и те самые люди, которые проповедуют веру, первыми обвиняют его в том, что он не думал о завтрашнем дне, а делал все, что мог, в тот день, который был его. Дело в том, что каждый думающий человек из тех, кто зависит от заработной платы - как правило, в условиях нестабильности своего положения, - видит, что его выбор лежит между обеспечением наилучших условий для своей семьи, чтобы она была более пригодна для выполнения своей работы в этом мире, и тем, чтобы делать меньше, чтобы накопить немного денег для них; между голоданием по существу в течение своей жизни, чтобы защитить их от голодной смерти, и отдачей того, что у него есть, пока он жив, в надежде, что он сможет дожить до их здорового развития.

От бедности до нищеты во многих случаях всего лишь короткий шаг, и сделать его могут те, кто ничем этого не заслужил. Болезнь, потеря работы, отсутствие друзей, которые могли бы помочь, могут довести человека до крайности, и тогда ему нелегко удержаться в рамках закона и выжить. Болезнь может позволить ему претендовать на приходское пособие, но как только он выздоровеет настолько, что сможет ходить, его могут бросить на произвол судьбы без средств к существованию.

Если человек не живет трудом, он может содержать себя только за счет труда других; оказавшись без средств к существованию, он вынужден просить милостыню или воровать. X 14. Один мужчина тридцати пяти лет был обвинен в краже. Он был несколько "мягким", и при жизни его родственников ему удавалось обеспечивать себя случайным трудом. Физически он был вполне здоров, а психически не настолько плох, чтобы обращаться за помощью в какие-либо государственные органы. После смерти тех, кто за ним ухаживал, он перебрался в общие ночлежки, но в нем не было столько дьявола, чтобы увлечься кем-то из порочных людей или предаться каким-то порокам. Он начал испытывать трудности с поиском работы. Под влиянием стресса его психический дефект обострился, и, хотя он не был настолько замечен, чтобы требовать официального признания, это мешало ему в попытках найти работу. На вопрос, почему он украл, он дал ответ, который поражает своей разумностью. Он сказал: "Что мне оставалось делать? Я пробовал обращаться в приход, но они ничего не могли для меня сделать, потому что я совсем хилый. Я попробовал попрошайничать, но не получил ничего, и меня поймали. Когда ворует, тебя уже не так часто ловят". Он не хотел воровать, но это было самое простое, что можно было сделать. Попрошайничая, он рисковал навлечь на себя страх за каждого, к кому обращался, и от большинства он не получил бы ничего в качестве помощи. Он так же рисковал, когда поднимал что-то, но, во всяком случае, не делал холостых выстрелов. У него были весьма ортодоксальные взгляды на наказание: он считал, что правильно поступать с человеком, который украл - когда его поймали, - это отправлять его в тюрьму на столько-то дней, причем срок должен зависеть от стоимости украденного имущества; но он считал, что человеку, который отсидел в тюрьме за кражу и таким образом выплатил наказание, должно быть позволено пользоваться доходами от кражи; и он жаловался, что, хотя он отсидел столько-то дней за кражу пары сапог, ему не

вернули сапоги после освобождения. Я привожу здесь его случай, несмотря на то, что он был умственно неполноценным, потому что он действительно правильно изложил дилемму, в которую попадает человек, оказавшийся в нищете; и потому что он, по-видимому, был тем, кто, если бы не его бедность и нищета, не требовал бы внимания ни как умственно неполноценный, ни как преступник. Его социальное положение не давало возможности для правильного развития его умственных способностей, а наоборот, замедляло их рост. Что касается его качеств, то они ничем не отличаются от качеств многих людей, которые, благодаря более удачному стечению обстоятельств, смогли добиться признания в качестве общественных лидеров благодаря отсутствию показных пороков и изложению логичного и узкого взгляда на вещи; солидных людей и надежных, свободных от легкомыслия и серьезно настроенных.

Бедность - это не преступление, но если бедняк нищий, то это очень похоже на полицейское преступление. Всем нужны еда, одежда и кров, а их нельзя получить без денег или их эквивалента. Человек может голодать и ходить в лохмотьях, а не попрошайничать или воровать, но ему нужно где-то спать. Он не может заплатить за ночлег, а ночевать вне дома - значит претендовать на ночлег в камере. Если бы полиция не была лучше закона в этом отношении, наши тюрьмы всегда были бы переполнены. Есть много людей без работы, которые отнюдь не стремятся ее получить; действительно, если уж на то пошло, большинство людей вполне довольны тем, что делают не больше, чем им нужно; и, несмотря на все, что было сказано о блаженстве труда, найдется немного самых искренних проповедников против безделья других, которые предпочли бы работать больше часов за меньшую плату, чем меньше часов за большую.

Мы должны различать; возражение против человека, который не хочет работать, заключается в том, что он не довольствуется тем, что хочет. Когда он становится таким, он настолько далек от того, чтобы быть безработным, что перешел на профессию, позволяющую сознательно жить за счет других; это его профессия, и я вовсе не уверен, что это так просто, как считают те, кто не пробовал. Конечно, нищий-любитель не сравнится с профессионалом. Его профессия, во всяком случае, бесчестна и незаконна; но если в некоторых случаях он был воспитан в ней, то во многих он попал в нее из-за нищеты. У нас не должно быть профессиональных попрошаек и профессиональных воров; но поскольку они в какой-то мере становятся таковыми, не способствует пониманию вопроса навешивание на них ярлыка "привычных", осуждение их и пренебрежение вопросом, если они "выросли", как именно они начали свою карьеру. Многим из этих полноценных образцов предлагали работу по выгодным расценкам, но они ее презрели, что говорит о том, что они это сделали, вот и все. Это не говорит о том, что если бы в самом начале их взяли на руки, они бы отказались выполнять свою часть работы. Все эксперименты такого рода лишь доказывают, что выносливому нищему легче и приятнее попрошайничать, чем выполнять предложенную ему работу; они ничему не учат в отношении причин, которые привели его к попрошайничеству; а бедность и нищета - самые распространенные причины.

В наших больших городах есть множество детей, которые лишены средств к существованию из-за того, что их родители не могут их обеспечить или не делают этого. С самого раннего возраста они вынуждены рассчитывать на собственные силы, а иногда им приходится помогать в содержании других. Когда они могут, некоторые из них покидают дома, которые были далеко не сладкими, и начинают жить в общих ночлежных домах - в Глазго мы называем их "моделями", с прекрасным чувством юмора, поскольку они предоставляют лучшие возможности для формирования граждан, которые не будут моделями. Если мальчик растет, как может, и в процессе развивает антиобщественные качества, то виноват в этом не

он сам; и когда мы осуждаем его поведение, а мы должны это делать, мы можем, по крайней мере, признать, что его поведение во многом было сформировано нищетой, которую нам лучше было бы предотвратить, чем наказывать, когда в результате мы позволили ему превратиться в вредителя.

На другом конце лестницы находятся люди, которым отказывают в работе, потому что они старые или кажутся старыми, и которые из-за нищеты становятся мелкими правонарушителями. Помню, когда я работал в богадельне, одного мужчину привели на освидетельствование в качестве сумасшедшего. Он пытался перерезать сосуд на руке, чтобы истечь кровью, но из-за незнания анатомии - он был школьником - он сделал уродливую рану не в том месте. Он был разговорчив, и его рассказ был понятен. Ему было около пятидесяти лет, и он не мог заниматься единственным ремеслом, которое знал. Он был железным мастером и в свое время занимался тяжелой работой. Он никогда не был трезвенником, но всегда следил за своей работой. Временами он неплохо зарабатывал, но бывали у него и периоды депрессии. Иногда ему удавалось откладывать деньги, но они всегда таяли. Он мог найти работу, когда она была нужна, но вот уже год или два он физически не мог занять место. У него была болезнь сердца. Его сын женился, и у него было двое детей. Он был хорошим и трудолюбивым молодым человеком, трезвым, уравновешенным и хорошим работником. Его поддерживал этот сын, о котором он отзывался в самых лучших выражениях. Он тоже был железным мастером. Сын никогда не отказывал ему в содержании, как и его жена. Почему же тогда он пытался покончить с собой? Его объяснение было столь же ясным, сколь и неожиданным. Он спросил: "Доктор, я выгляжу несчастным?" Нет, он выглядел довольно бодро. "Ну, у меня никогда не было меланхолии, если это можно так назвать. Мой сын - хороший парень. Он раб, как и я, и в конце концов он задрапируется. С меня хватит. В целом я наслаждался своей жизнью, но я ни на что не годен, кроме как быть обузой для него. Он не возражает, но есть отпрыски. Каждый кусочек, который попадает в мой рот, попадает и в их. Если они хотят стать чем-то лучшим, чем их отец или я, им нужно больше учиться в школе, а из-за нехватки времени и низкого жалованья они этого не получают. Я хочу, чтобы их не заставляли работать, пока они не научатся искать что-то лучшее. У нас с ним была своя доля тяжелой работы. У меня были свои промахи, но он лучший человек, чем я, - нет, не лучший торговец, я этого не скажу, - и я хочу, чтобы у его детей было больше шансов, чем у него. Нет, я не социалист; я тори, если уж на то пошло, но меня никогда не волновали политические вопросы, хотя я слышал кучу голосов с разных сторон. Что? Черт? Нет, доктор, разве хоть один здравомыслящий человек в наше время верит в это? Бог не так плох, как о нем говорят, и в конце концов я верю, что со смертью все кончается". Его было не переубедить. Все, чего он хотел, - это несколько уроков анатомии, которых он не получил. Он настаивал, что в своем уме, как и любой из нас, и утверждал, что его нельзя освидетельствовать; но он ошибался. Закон принимает самые тщательные меры, чтобы предотвратить самоубийство людей, даже если он приговорил их к смерти, но до сих пор он не принял никаких мер, чтобы дать им возможность зарабатывать на жизнь.

Мы слышим о безработных, которые не могут работать, даже если бы хотели, но кроме тех, кто страдает психическими или физическими отклонениями, а многие из них могут работать и работают, я не встречал никого из этого класса. На работах, связанных с бедствием, многие показывают себя очень плохо; они не подходят для такой работы, но это совсем другое дело, чем сказать, что они не могут делать ничего полезного. Конечно, в обычном смысле нельзя сказать о человеке, который слишком стар, чтобы найти работу, что он непригоден для работы. Его отсекает конкуренция, и работодатель, естественно, отдает предпочтение тому, кто, по его мнению, работает эффективнее. Немногие из пожилых мужчин, которых таким образом выбрасывают на свалку, воспринимают ситуацию так, что

пытаются открыть дверь смерти, но тот факт, что они обречены оставить свое занятие, овладевает умами многих и омрачает их жизнь; страх перед увольнением усиливается по мере того, как белеют их волосы. Когда удар будет нанесен, если у них не будет средств, что с ними будет? Предлагаются всевозможные схемы, как, с одной стороны, работать с молодыми, задерживая их в школе, а с другой - с мужчинами постарше, предоставляя им работу. Постороннему человеку кажется, что если количество занятых мужчин достаточно для производства требуемой продукции, а незанятой рабочей силы в избытке, то те, кто работает, работают слишком долго. Незнакомого человека можно оправдать тем, что если один человек работает восемь часов, а другой вообще не работает, то для обоих было бы лучше, если бы каждый из них работал четыре часа; но если бы он так сказал, то показал бы только свою простоту. Тот, кто работает по найму, быстро отметит, что это уменьшит его зарплату. И все же, когда человек получает повышение, будь то на государственной службе или в частном бизнесе, его зарплата и его обязанности увеличиваются - первое безусловно, второе таким образом, что от него становится не так легко избавиться, - но часы его работы обычно сокращаются; ведь от большего количества денег мало толку, если у него нет времени, чтобы их потратить. Это всего лишь наблюдение, а не доктрина, но трудно понять, как можно найти работу для тех, кто хочет и может работать, если мы не перестанем совершенствовать машины и производить менее экономично, или не увеличим производство в огромных масштабах, или не разделим работу и доходы более равномерно. В любом случае, пока этот вопрос решается, мы можем осознать дилемму, в которую попадают те, кто не может найти работу и нищенствует.

Они вынуждены просить милостыню или воровать, и если они станут на путь ни того, ни другого, то будут менее приспособлены и менее склонны к другим занятиям. Х 15 был ремесленником, получавшим достойную зарплату и обладавшим хорошим здоровьем. Он был женат на женщине, которая была хорошей хозяйкой и управляющей. Когда ему было около тридцати восьми лет, он был выброшен с работы из-за забастовки в смежной профессии. Последовал коммерческий кризис и всеобщее бедствие. Некоторое время ему удавалось держаться на плаву, но постепенно его ресурсы были исчерпаны. Его работодатели свернули свой бизнес, и когда локальные трудности миновали, он обнаружил, что вынужден искать другое место. За время безделья он успел познакомиться с другими людьми, оказавшимися в подобной ситуации. Он был обычным человеком, сидящим дома, но в их компании он приобщился к развлечениям, которые сами по себе были безобидными и новыми для него. Он также пристрастился к пиву, но не напивался. Компания была неплохой, но она отличалась от той, к которой он привык, и это не пошло ему на пользу. Некоторое время он искал работу, но не находил ее. Другие устраивались, но удача была против него, и он впал в уныние и отчаяние. Постепенно он стал искать работу вполсилы и больше времени уделял безделью, чем поискам откликов. Он не был обездолен, поскольку его семье удавалось не подпускать волка к двери. Через два года его интересовало только то, чтобы получить выпивку от любого, кто угостит его, и обсудить общественные дела с такими же падшими, как он сам. Он отказался от мысли о работе и превратился из добропорядочного гражданина в бездельника, а затем и в пьяницу. Он так и не был осужден, но его пришлось предупредить за поведение по отношению к жене, и он умер в результате облучения в пьяном виде к облегчению своей семьи, которой грозила опасность быть втянутой им в трясину. В этом случае семья спасла его от нищеты, но потеря работы почти незаметно привела его в ряды беспризорников, несмотря на встречное влияние дома. Во многих случаях нет семьи, которая могла бы сделать то, что сделала за него его семья, и процесс происходит более уверенно и легко.

Бедность заставляет людей жить в условиях, в которых их пороки могут легко перерасти в преступления или правонарушения; она делает тех, кто преступил закон, менее способными оправиться от последствий осуждения и более склонными стать привычными преступниками; но нельзя сказать, что количество приговоров в Шотландии находится в зависимости от бедности того или иного района. В некоторых районах нагорья и островов, где бедность ярко выражена, преступность полностью отсутствует.

Хотя нельзя проследить соотношение между количеством выпитого или степенью бедности и количеством преступлений или правонарушений в Шотландии, существует совершенно определенная зависимость между плотностью населения и частотой нарушений закона. В городе не только больше преступлений, чем в деревне, но и в густонаселенных частях города совершается больше преступлений, чем в менее людных районах. Санитарные реформаторы показали нам, что наши городские трущобы являются рассадниками болезней, которые не ограничиваются только теми, кто там живет, но могут легко заразить тех, кто живет в более здоровых условиях; и если заменить порок и преступность на болезнь и смерть, то это утверждение будет одинаково верным.

Впуская свет и свежий воздух в дома, где живет так много людей, мы можем спасти жизни, которые в противном случае были бы искалечены или уничтожены антисанитарными условиями, в которых они находятся; и так же верно мы могли бы разрушить скопления людей, чей приобретенный образ жизни является фатальным для правильного развития просвещенного гражданского духа, если бы мы так же стремились к предотвращению, как и к наказанию за правонарушения. Вот они; рождаются в маленьких коробках-домах, собранных в ряды и выстроенных в воздухе слоями один над другим. Их домашняя жизнь проходит в таких же коробках; а когда они умирают, их кладут в коробки поменьше и помещают в слои под землей. Если бы мы попытались содержать столько же свиней на акр, сколько людей, в дело немедленно вмешался бы санитарный врач; но мы едим свиней и не можем позволить выращивать их в условиях, которые могут привести к заражению болезнями. Кроме того, людей, зарабатывающих на жизнь содержанием свиней, меньше, чем людей; и легче регулировать занятие, когда те, кто им занимается, не влиятельны, чем когда они влиятельны; ведь у нас традиционная неприязнь к вмешательству в права собственности. Поэтому гораздо легче наказать жителя трущоб за нарушение санитарных норм, чем владельца трущоб за то, что он живет в гнилых домах.

Хорошо известно, что чем хуже здание, тем больше арендная плата пропорционально предоставляемому жилью. Если человек владеет жильем, он рассчитывает получить прибыль при сдаче его в аренду за счет разницы между тем, что он заплатил за него, и арендной платой, которую он с него получает. Х 16 - пожилая женщина, которая не работает и не имеет средств к существованию. Она была в богадельне, но не хочет там оставаться, хотя ее лучше разместили, лучше кормят и содержат в чистоте, чем на улице. Она слишком стара, чтобы приспособиться к упорядоченной жизни в этом заведении, и когда ей перечисляют все его преимущества и тратят все возможное красноречие, чтобы убедить ее, что в ее собственных интересах она должна с благодарностью принять его приют, она угрюмо и молча показывает, что ее мнение об этом месте как о желательном жилище не совпадает с мнением тех, кто не подвергается опасности быть вынужденным жить там. Она снимает небольшой дом и нанимает жильцов, намереваясь зарабатывать на разнице между тем, что она платит, и тем, что получает в виде арендной платы. Согласно санитарным нормам Глазго, некоторые дома "билетируются", то есть измеряется их кубатура, а на двери прикрепляется карточка с указанием количества кубических футов в доме и числа людей, которые могут в нем проживать. На каждые 600 кубических футов приходится один взрослый

человек, а на каждого человека младше двенадцати лет - половина этого объема. Санитарный инспектор имеет право требовать приема в любой час, чтобы выяснить, не переполнено ли помещение. Однажды ночью он приходит и обнаруживает, что лимит превышен, и ее отправляют в тюрьму за перенаселенность, если она не заплатит штраф. Конечно, между ней и ее домовладельцем есть разница, ведь она нарушила закон. Именно так; но что это за закон, который может дотянуться только до более бедного нарушителя и позволяет партнеру по прибылям скрыться?

X 17 - женщина сорока двух лет, которая никогда раньше не сидела в тюрьме и была осуждена за переполненность. Во время полуночного визита санитар обнаружил шестерых взрослых в комнате, рассчитанной на три с половиной человека, - плохой случай. Женщина рассказала, что ее дочь вышла замуж за молодого человека около двенадцати месяцев назад. Он был железным рабочим и выглядел вполне прилично. Он потерял работу из-за плохой торговли и не смог найти другую. Тем временем родился ребенок. Молодые люди какое-то время боролись, но после того как они исчерпали все доступные им каналы помощи, их выгнали из дома за неуплату аренды. Их мебель была выброшена. Мать девочки взяла их к себе, чтобы приютить. Она призналась, что держала их в доме несколько недель, прежде чем на нее обрушился "санитар", и я подозреваю, что ее предупредили, но, как она сказала, "что мне оставалось делать?". На вопрос, сообщила ли она судье о случившемся, она ответила, что нет. "Я признала себя виновной, потому что если вы это сделаете, вам будет легче". Она даже не смогла сделать все возможное, но если бы у нее была возможность нанять адвоката, ей не пришлось бы преступать закон; что же касается изложения собственных аргументов, то это то, на что способны немногие - пока не научатся на собственном опыте. Даже когда образованный и обеспеченный человек вступает в конфликт с законом, если он благоразумен, он нанимает опытного адвоката, чтобы тот выступил за него и изложил правду так, как это будет наиболее убедительно для судьи.

Перенаселенность не только порождает болезни, но и разрушает чувство приличия, а также предоставляет возможности для совершения преступлений, которых не должно быть. То и дело в суды поступают дела, которые приходится рассматривать при закрытых дверях, и в каждом из них присутствует этот фактор перенаселенности, дающий возможность и побуждающий к совершению преступления. Эта тема настолько неприглядна, что не может быть адекватно рассмотрена здесь без серьезного повода для оскорбления. Невыразимая коррупция легка и возможна, и она продолжается, потому что она невыразима.

Часто говорят, что бедность и нищета, скорее всего, не приведут к совершению преступлений против личности, а скорее к преступлениям против собственности, и *априори* есть что сказать в пользу этого утверждения; но какова бы ни была вероятность, мы не должны беспокоиться об этом, когда факты находятся перед нами для изучения. Во-первых, подавляющее большинство людей, попадающих в тюрьму за совершение нападения любого рода, - бедняки. Редко кто из людей с хорошим положением может быть осужден за нападение, и даже самое беглое изучение тех, кто сидит в тюрьме за нападение на других, покажет, что их социальное положение было фактором, обусловившим преступление. Я указал на роль, которую играет в этом деле выпивка, и, кстати, показал, что она в основном действует в условиях, существующих в густонаселенных районах; но многие мелкие нападения совершаются людьми, не находящимися под воздействием выпивки. После пьянства, среди женщин, наиболее распространенной причиной, по которой они попадают в тюрьму, является "плохое настроение". Они не теряют самообладания и не ссорятся друг с другом из-за бедности или нищеты, но бедность создает странных соседей и заставляет

людей притираться друг к другу, чтобы дать повод для неприятностей; и не принимать во внимание этот факт - значит просто пытаться изучать человека в отрыве от его окружения и игнорировать влияние, которое оно оказывает на его поведение.

В некоторых районах Глазго - насколько они были улучшены за последнее поколение - буквально нет места для жизни. Место, где можно спать, укрываться от непогоды, принимать пищу? Да. Место для отдыха или спокойного отдыха? Нет. Терпение, добродушие, готовность отойти в сторону и позволить другому члену семьи монополизировать скудное жилье - это замечательно; и это правило. Время от времени случаются срывы, и если они приводят к нарушению мира, мы не стремимся распознать их причину, а лишь наказываем виновных. "Что сделано, мы отчасти можем понять, но не знаем, чему сопротивляются", и не склонны выяснять это.

Ссора на лестничной клетке - излюбленная тема для юмора; но попробуйте прожить неделю в таком тесном и постоянном контакте с кем бы то ни было, зарабатывая на жизнь изнурительным трудом, и вы удивитесь, что мир так хорошо сохраняется. Дело в том, что эти люди терпят гораздо больше, чем могли бы выдержать их цензоры, и это одна из причин, почему им так плохо. Если бы они были так же нетерпимы к нашей самодовольной бесхозяйственности, как мы к их проступкам, мы бы уже давно научились регулировать свои города. В настоящее время прилагаются огромные усилия для евангелизации бедных слоев населения, и эти усилия поддерживаются искренними людьми из более обеспеченных слоев населения; было бы неплохо, если бы трущобы ответили на комплимент и начали миссию в Вест-Энде. *Априори* рассуждающий человек, возможно, узнает, что, хотя он мог бы ожидать, что преступления против собственности частично являются результатом бедности и нищеты, потому что такие преступления облегчают бедность, хотя и незаконным путем; преступления против личности также часто являются результатом бедности, но не потому, что они совершаются с целью ее облегчения, а потому, что дискомфорт, раздражительность, нетерпение к ограничениям и другие психические состояния, которые приводят к нападениям, являются таким же результатом бедности, как голод и нужда, в трущобах наших больших городов.

В Глазго нет ни одного района трущоб, в котором не было бы больше людей с хорошим настроением, чем с дурным; но квартира может получить дурную славу из-за проступков одного или двух ее обитателей, а улица может считаться дикой, хотя на ней живет лишь меньшинство буйных людей. Мы не обращаем внимания на тех, кто нас не раздражает, а когда шумные люди где-либо заявляют о себе, мы забываем об остальных. Когда мы вмешиваемся официально, то обнаруживаем, что, как в хорошем, так и в плохом, они поддерживают друг друга. В этом отношении они похожи на джентльменов; они не выдают друг друга посторонним; и это интересная сторона их взгляда на закон, что они не смотрят на его представителей как на своих друзей. Его вмешательство так часто приводит к ухудшению их положения, что они не доверяют ему; и часто он вызывает больший ужас у тех, кто поступает хорошо, чем у злодеев. Нередко можно видеть, как женщина, подвергшаяся нападению мужа, умоляет суд отпустить его, придумывает всевозможные оправдания или рассказывает самые невероятные истории, чтобы оправдать нанесенные ей увечья. Затем мы слышим восклицания и рассуждения о силе человеческой любви и всепрощающем духе даже униженной женщины. Человеческая любовь удивительна, но она не более удивительна, чем человеческая глупость; и в этих случаях женщиной движет не столько любовь к мужчине, сколько осознание того, к каким результатам для нее и для него приведет наше отношение к нему. В целом она предпочитает подвергаться риску плохого обращения с ним, когда он на свободе, будучи уверенной в его защите от плохого обращения других, чем

бороться в его отсутствие и страдать от неодобрения других, которым так же плохо из-за ее нелояльности. Убедитесь, что ее положение действительно улучшилось после его осуждения, и она будет меньше лжесвидетельствовать, пытаясь спасти его от наказания за его жестокость.

В каждом районе трущоб живут люди, которые могли бы позволить себе уехать в другое место, но остаются там, где живут, потому что им никогда не приходило в голову, что нужно уезжать. Они приехали в этот район в его лучшие времена, и изменения в его характере были настолько постепенными, что они не обратили на них особого внимания. Они остаются здесь так же, как люди остаются на работе после того, как необходимость в ней отпала, потому что не могут думать о чем-то другом и не желают искать новое поле деятельности. Для них это не очень хорошо, но для трущоб это не плохо, потому что такие старые жители оказывают хорошее влияние на многих других.

Большинство обитателей трущоб живут там не потому, что им нравится жизнь в трущобах, а потому, что они не в состоянии заплатить за лучшее жилье. Малогабаритность их жилищ делает здоровый домашний образ жизни трудным, а в некоторых случаях и невозможным. Не имея места в доме для отдыха, необходимого после работы, мужчина отправляется на поиски перемен. Возможностей для этого немного, за исключением тех, что предоставляет частное предпринимательство. Есть парки, и ими пользуются с большим успехом, но в Глазго они почти все находятся на значительном расстоянии от самых людных районов. Общественные кегельбаны используются по вечерам, но доступны они лишь часть года. Библиотеки привлекают сравнительно немногих из тех, чей труд связан с большими физическими нагрузками, а картинные галереи и музеи - лишь очень ограниченное число наших сограждан, представителей рабочего класса и прочих.

Когда-то те, кто ратовал за общественное обеспечение средствами отдыха, считали, что они должны быть такого характера, чтобы "улучшить" рабочие классы. Замысел был прекрасным, но сами люди остались за бортом, как обычно бывает, когда пытаются развлечь людей, а не предоставить им возможность развлечься. Возможно, они не верят, что соответствие нашим идеалам будет улучшением; во всяком случае, подавляющее большинство не проявило никакого желания воспользоваться средствами для изучения наук и искусств, которые мы предоставили в их распоряжение; и они остаются такими же безразличными к поклонению этим божествам, как и большая масса более богатых людей, которые вполне искренне стремились их возвысить. Частный ресторанчик нашел способ заинтересовать их, ведь если бы он не смог этого сделать, то лишился бы средств к существованию, и этот факт, возможно, помог обострить его способности к восприятию. Он должен развлекать людей такими, какие они есть, а не такими, какими, по его мнению, они должны быть; и наши правила совершенно правильно запрещают ему делать это нежелательным образом. Развлечения могут быть не очень высокого уровня, но цель отдыха тысяч людей достигнута. Если мы сожалеем, что они не ищут чего-то лучшего, давайте вспомним об однообразии их жизни, об оупляющем воздействии условий, в которых они находятся, и будем благодарны, что они не ищут худшего.

Маленький домик из одной или двух комнат в многоквартирном доме - вот что большинство имеет в качестве жилья, а когда есть семья, этого недостаточно, чтобы создать в ней полноценную и здоровую домашнюю жизнь. Социальное общение по необходимости ограничено, так как нет места для сбора друзей; и хотя общественные развлечения, хотя и являются ценными дополнениями, плохо заменяют социальное общение, они лучше, чем ничего. Публичный дом - почти единственное место, где масса горожан может встретиться со своими друзьями, и опасность таких встреч очевидна для всех. Попытки найти им замену

потребовали изобретательности и не увенчались успехом у многих сторонников умеренности и социальных реформ. Как бы их ни критиковали, мюзик-холлы и подобные заведения стали мощным противодействующим фактором, но любые средства общественного развлечения не могут в конечном итоге удовлетворить потребность в социальном общении между родственными душами. Когда-нибудь придется признать, что единственной реальной заменой публичному дому является частный дом; и когда это будет полностью осознано, трущобы исчезнут.

Многие вынуждены мигрировать из одного района в другой из-за характера своей работы. У них нет "постоянной работы", и хотя они не страдают от безработицы, они могут быть заняты то в одной части города, то в другой. В результате у них нет постоянного места жительства, и, как правило, они имеют лишь самое скудное знакомство с соседями; ведь когда люди перемещаются таким образом, у них нет ни возможности, ни желания завязывать дружеские отношения с окружающими. Совершенствование средств передвижения способствовало тому, что работодатели и обеспеченные люди ушли из многолюдных районов города и удалились от тех мест, где проживают их работники. Они видят своих работников реже, чем представители предыдущего поколения, а их жены и семьи ничего не знают о людях, сотрудничество с которыми необходимо для обеспечения их комфорта. Личных контактов стало меньше, чем раньше, а вероятность взаимного непонимания - больше. Связь между работодателем и работником становится все более и более денежной; каждый стремится получить от другого как можно больше; и вместе с этим возникает общее ощущение нестабильности и незащищенности, что является необходимым результатом отсутствия духа товарищества, который может возникнуть только в результате существования личных, а не материальных интересов между человеком и человеком.

Там, где люди теснятся друг к другу, необходимо соблюдать правила для их здоровья и комфорта, а свобода каждого должна быть ограничена в интересах общества. Чем теснее они собраны, тем большее вмешательство требуется. Практика, которая в деревне может быть безвредной или даже похвальной, в городе будет нестерпимой, если ее разрешить. Чтобы наши правила действовали, мы вводим наказания для нарушителей и иногда приводим их в исполнение. Сейчас их так много, что вряд ли в Глазго найдется хоть один человек, который в то или иное время не был бы нарушителем. Человек, из трубы которого валит черный дым или который мешает пешеходной дорожке, оставляя товары у дверей своего магазина, не беспокоится о таких законах, потому что они его всерьез не волнуют. Он может немного ругаться, когда его вызывают в суд, и злословить по поводу официоза властей, но для него это не имеет значения, даже если его оштрафуют. Человек, который попадает в суд за использование странных клятв на публике или за плевков в трамвай или на трамвай, переживает больше. Даже небольшой штраф серьезно снижает его дневной заработок, а потеря времени на посещение суда лишает его зарплаты, за счет которой он мог бы погасить штраф. Как бы ни было необходимо, каждое расширение полицейских правил управления городом подразумевает увеличение числа правонарушений и преступников, с которыми приходится иметь дело; и хотя необходимо заставить нарушителей прекратить делать то, что осуждает закон, из этого не следует, что для достижения этой цели всегда используются самые мудрые средства.

Крестовый поход против чухотки везде встретит горячее одобрение; но если крестоносцы позволят своему рвению направить энергию не по назначению, их благие намерения не могут служить оправданием вреда, который они наносят. В городе, который обычно окутан дымкой, а иногда и облаком дыма; где жители в большинстве своем живут в доходных домах, которые и просторными-то назвать нельзя; где рабочие во многих случаях подвергаются

серьезному физическому напряжению по роду своей деятельности; где погода переменчива и тяжела; неудивительно, что многие страдают от "простуды". Они вынуждены сплевывать, и сплевывают не от радости, а потому что вынуждены. Эта практика грязная - это все плохое, что можно о ней сказать; и ее следует пресекать. Лучшим способом было бы изменить условия, которые ее вызывают; худший способ - сделать плевателя товарищем преступника, стоящего перед решеткой полицейского суда.

Как и в случае с этим, так и со многими другими правонарушениями; они создаются без должного внимания к ущербу, который может быть причинен их исполнением. Легко взваливать бремя на спину других, но по справедливости к ним следует сначала выяснить, могут ли они его нести. Многие из наших законов нарушаются из-за незнания или беспомощности, и ни то, ни другое не является оправданием. Предполагается, что все мы знаем законы, и, конечно, нет большей иронии, чем такая гипотеза. Если бы все знали законы, не было бы нужды в юристах; а если бы юристы были согласны с тем, что является законом в любой момент времени, не было бы нужды в судьях. Так хорошо известно, что даже судьи расходятся во мнениях, что один набор используется для исправления другого; и окончательное решение выносится только потому, что еще нет другого набора, который бы отличался от них. Если непрофессионал не знает закона, он может быть наказан за свое невежество; но если судья не знает его, человек, в пользу которого он вынес решение, может быть наказан оплатой расходов на апелляцию. Так давайте же не будем слишком суровы к невежеству человека, нарушившего одну из наших многочисленных заповедей.

В деревне, где люди не собираются вместе, есть преступники против хорошего управления; но там каждый знает другого, и когда человек совершает мелкое правонарушение, хотя местный констебль видит это, он может быть благоразумно ослеплен, если, по его мнению, это лучший выход. Он знает жителей - они его друзья, и он реагирует на мнение района. Если он производит арест, этот вопрос обсуждается, а когда преступник предстает перед судом, магистрат и заключенный встречаются как люди, знающие друг друга. Решение выносится на основании знания не только преступления, но и преступника, и все стороны дела рассматриваются публично. В городе полицейский не может знать людей, живущих в его районе, равно как и они не могут знать его. Это большой недостаток, так как он не может отличить тех, кого могут исправить и обуздать их друзья без необходимости предъявления им обвинений, от тех, с кем так поступить нельзя. Он арестовывает незнакомого ему человека за совершение правонарушения. Заключенный предстает перед судьей, который не знает ни одного из них, кроме как официально, и приговор выносится в соответствии со шкалой. Что касается информированного общественного мнения, направленного на разбирательство, то его нет. Однако в городе, как и в деревне, если преступник известен как обычный воспитанный человек, он не может быть привлечен к ответственности. Если его одолевает пьянство, кто-то может проводить его до дома или отправить туда. Дело не столько в недостатке, сколько в том, что его знают. Если его не знают, то, независимо от его состояния, его нельзя отправить домой на такси; но его можно отвезти в полицейский участок на тачке.

Что еще может сделать полиция? Мы берем людей с хорошим телосложением и характером, многие из которых выросли в деревне и не знакомы со сложностями городской жизни. Им платят зарплату, как рабочему, а форма наделяет их полномочиями и обязанностями самого разнообразного характера. Они должны уметь удерживать людей от правонарушений или арестовывать их, если они совершают их; они должны знать закон; они должны быть готовы действовать как врачи в чрезвычайных ситуациях - чего они не должны уметь делать? Мы умножаем наши жалобы и перекладываем на их плечи обязанности, которые должны выполнять сами; обвиняем их не только в тех ошибках, которые они могут совершить, но и в

своих собственных. Мы заставляем их производить аресты, а потом сетуем на результат. Х 18 отправлена в тюрьму за неуплату штрафа по обвинению в использовании непристойной лексики. Ей семнадцать лет, но выглядит она не более чем на пятнадцать. По годам она молодая женщина, но по телу и характеру - большая девочка. Она старшая в семье, отец которой - подсобный рабочий. Мать иногда подрабатывает шарманкой. Оба употребляют алкоголь, но ни один из них никогда не был осужден или обвинен. Девушка работает на фабрике и зарабатывает примерно столько, чтобы прокормить себя. По вечерам ей хочется развлечься после трудового дня, и она не хочет все время помогать по хозяйству. Она играет с другими, более молодыми девочками и, вероятно, является их лидером. Для них нет другой площадки, кроме уличной, разве что они ходят в "подворотню", которая не освещена и может быть источником большего зла, чем улица. В полицию поступила жалоба на сквернословие, которое используют девочки. Она, конечно, нецензурная, но где они ей научились? Декоративные выражения, на которые жалуются, входят в нынешний лексикон многих жителей района, но старшие используют их более сдержанно. У нас есть все наши любимые прилагательные, которые отличаются в разных местностях и носят характер сленга. В Вест-Энде вещь может быть "ужасно милой", хотя ничто не может быть одновременно ужасным и милым; в Ист-Энде прилагательное может быть совершенно неуместным, но все знают его значение; так же и с другими частями речи. Правда, их язык грязен, но он не шокирует тех, кто его использует; и это, пожалуй, самое печальное в нем. Девушек предупреждают, но они упорно продолжают говорить на своем языке, в браваде обильно украшая его и выкрикивая нецензурные слова в адрес полицейского. Одну из них ловят. Она не обязательно была хуже других в своем поведении, но она либо бежала не в том направлении, либо недостаточно быстро, чтобы убежать. Ее отводят в полицейский участок и предупреждают. Жалобы не прекращаются. Ее снова арестовывают. Она - плохая; ее уже забирали.

После освобождения из тюрьмы она потеряла работу. Ее сторонились другие девочки, чьи матери запрещали им общаться с теми, кто побывал в тюрьме, чтобы не попасть под опеку. Общение с некоторыми категориями правонарушителей и преступников является преступлением, а осторожные жители этих районов не хотят рисковать, поэтому стараются держаться подальше от тех, кто побывал в руках полиции. Закон может быть достаточно правильным, но вы не заставите их поверить, что невиновный человек в безопасности; только если он беден. "Держитесь подальше от Джинни. Она попала в беду; если они увидят вас с ней, то, возможно, решат, что вы такой же плохой, и посадят вас туда же". Они помогли бы ей, если бы могли, но боятся, что общение с ней только навредит им самим и не принесет ей пользы. С ней пойдут те, кто сам сидел в тюрьме, и те, кто безрассуден; к их компании она и прикована, ибо не хочет принимать религию и помощь ее исповедников. Вскоре она снова возвращается, такая веселая и послушная, какой только может быть девушка.

В сущности, это обычная история. Полиция не могла поступить иначе в сложившихся обстоятельствах, и она не держит на них зла, но признает, что они обошлись с ней справедливо; можно ли сказать то же самое о тех, кто настойчивыми придирками заставляет работать своих чиновников, которые больше стремятся наказать нарушителей, чем исправить их дурные манеры? Мы утратили личную заинтересованность в наших соседях; мы ушли из их среды; мы переложили на чиновников обязанности, которые должны выполнять сами как граждане, и в результате количество правонарушений увеличилось. Сами по себе эти правонарушения - мелочи, но во многих случаях преступники впервые попадают в тюрьму, и именно первый раз имеет значение. Каждый раз, когда человек попадает в тюрьму

за небольшое правонарушение, он получает толчок к жизни закоренелого преступника; и чем беднее и беднее он, тем труднее ему будет преодолеть последствия этого приговора. Его первое появление может быть связано с небольшим проступком, но есть расхожая поговорка, которую часто принимают на веру: "За овцу можно повесить и ягненка".

Отсутствие личного интереса к своим соседям у жителей многолюдных районов не только позволяет совершать жестокие нападения и убийства в самом центре густонаселенного района, но и позволяет ворам заниматься своим ремеслом, оставаясь неизвестными. Это также позволяет им скрываться от наблюдения, когда их ищут. Город - это место их охоты и убежище.

Преступность в значительной степени является побочным продуктом городской жизни. Ее можно было бы смягчить, если бы мы были более благонамеренными; но она всегда будет злом, вопиющим против нас, пока мы позволяем существовать условиям, закрывающим людей в норах при обстоятельствах, которые делают приличное общение и содружество между ними трудным, если не невозможным, и вынуждают их оставаться там, пока они не смогут заплатить выкуп тому, кто держит землю для своей выгоды или своего удовольствия.

ГЛАВА III

ИММИГРАЦИЯ И ПРЕСТУПНОСТЬ

Чужак, наиболее склонный к правонарушениям - Реакция на новое окружение - Трудность восстановления - Привлекательность города - Церкви и иммигранты - Благотворительные ассоциации - Иностранцы иммигранты - Их тенденция держаться обособленно - Депортация - Необходим языковой тест - Иностранец преступник - Его опасный характер - Необходимость полномочий для борьбы с ним.

Большинство заключенных, рассматриваемых в полицейских судах Глазго, не являются уроженцами Глазго; это справедливо и для отдаленных городов. Именно чужак является "плохим".

Городской житель легче приспосабливается к условиям жизни. Он растет среди них, и его жизнь укоренена в них. Пока он еще молод, его шаги направляются за него, и он учится избегать опасностей, в которые может попасть чужак. Нигде не может быть связи между человеком и его соседом без определенной степени соответствия общим стандартам поведения. Никто не может безнаказанно возмущаться общественными обычаями своих товарищей; каждый человек в большей или меньшей степени подвержен влиянию мнения тех, к кому он испытывает симпатию; поэтому он подчиняется нормам поведения, установленным кругом, в котором он вращается, и тем самым получает поддержку. Если, как это обычно бывает, его товарищи не настроены дурно, он, скорее всего, будет законопослушным гражданином; в противном случае он получит импульс к преступлению. В любом случае он - выходец из почвы, и за его ростом легче следить и направлять.

Приехавший из деревни человек оказывается в новых условиях, которые могут быстро изменить его судьбу. Он находится вдали от друзей, к которым обращался за советом; он опирается на собственные ресурсы и должен выносить независимые суждения; искушение не сдерживается тем, что подумает семья; и, не имея ничего, кроме собственных склонностей, с которыми можно было бы посоветоваться, он с большей вероятностью может сорваться, чем дома. Он не обязательно более порочен или более глуп, чем его городской брат; но он не привык к тем же искушениям и не может ни противостоять им так же хорошо, ни поддаться им так же изящно. Поэтому он чаще поддается соблазнам и чаще страдает от последствий, если его узнают; ведь так же, как ему мешает отсутствие руководства, будучи чужаком, он не может получить должной помощи, если попадет в беду.

Мужчин привлекает в город надежда на увеличение зарплаты и удовольствия; и хотя в некоторых отношениях жизнь кажется непривлекательной, они все равно приезжают. Единственные, кто точно не приедет и обязательно останется, - это те, у кого есть дом в деревне и постоянное место жительства. Их сыновья могут приезжать в города, но, не добившись там успеха, возвращаются на родину. Рабочие в деревне так же подвержены риску потерять свое положение, как и горожане; их труд тяжел, а часы работы длинные; они считают, что их удовольствия немногочисленны и скучны по сравнению с теми, что человек может иметь в городе, и тяготеют к нему. Их влечет сюда блеск, их гонит туда серость деревенской жизни, а иногда и вымирание людей, чтобы освободить место для огромных прогулочных площадок, которые позорят Шотландию и привели к замене людей, добывавших пропитание на земле (живя выносливой жизнью и воспитывая здоровую расу), оленями и их содержателями. Когда безземельный человек приезжает в город и не может найти постоянную работу, он не может вернуться в деревню, если только семья, членом которой он является, не владеет землей. Дети крофтеров в периоды депрессии все же возвращаются в отцовские владения и работают там; но остальные пополняют ряды безработных и рискуют выродиться в бездельников или преступников.

Церкви играют важную роль в оказании помощи молодым людям из деревни, которых им рекомендуют; но многие из них так и не связывают себя с церквями, когда приезжают в город. Некоторые начинают, но бросают, не столько потому, что им не нравится религия, сколько потому, что им нравится иногда поговорить и подумать о чем-то другом; и лишь в немногих церквях признается необходимость в социальном общении. Человек, преисполненный миссионерского духа, может найти множество выходов для своей энергии, ведь во всех районах и по вечерам проводятся евангелизационные собрания, на которых рады новым прихожанам; существуют также общества воздержания, занимающиеся распространением своих идей; но большинство людей, переселяющихся в наши города, не готовы заниматься подобными делами в часы досуга, и им приходится по большей части просто дрейфовать.

Существуют благотворительные ассоциации, состоящие из уроженцев одного округа и другого, которые оказывают мощное благотворное влияние на тех, кто попадает под их опеку, но то, что они не охватывают всю территорию, видно из того факта, что о многих своих соотечественниках они никогда не слышали. То, что они поддерживают друг друга восхитительным образом, неоспоримо, а их влияние настолько сильно, что на некоторые виды государственных должностей в Глазго у глазговца мало шансов - там до сих пор нет Общества коренных жителей Глазго.

Отсутствие семейных советов и ограничений, которые могут привести к деградации человека, выбравшего неверный путь, может стать мощным подспорьем для его подъема, если он встанет на правильный путь. Он вынужден думать и действовать самостоятельно, а

свобода от связей позволяет ему заниматься исключительно своим делом. Иммигрант, приехавший в город из деревни, в значительной степени представлен в тюрьме; но он также в значительной степени представлен в городском совете, и можно считать, что в одном месте вознаграждение злодеев столь же типично, как в другом - вознаграждение добродетелей.

Есть еще один иммигрант, чье поведение обычно привлекает больше внимания общественности, - это иностранец. На западе Шотландии иностранцы представлены в большом количестве, и их объединяет то, что они склонны образовывать маленькие колонии, где бы они ни поселились, сохраняя многие привычки, которые они принесли с собой, и оставаясь иностранцами в том смысле, что они не впитываются в общество так, как должны были бы. В различных частях Западной Шотландии на металлургических заводах работает большое количество иностранцев. Их имена, которые во многих случаях трудно произнести или написать, были кем-то отменены и заменены местными именами; поэтому нередко можно встретить человека со знакомым именем, который совершенно не может говорить на языке страны. Они держатся обособленно и обычно не мешают другим, но некоторые из них попадают в беду, ссорясь между собой. Обычно мирные и послушные, они вносят изрядный вклад в число серьезных нападений, хотя нападающим обычно является другой иностранец. Незнание языка также делает их источником опасности для окружающих.

Если они совершили какой-нибудь дикий или преступный поступок, виновных депортируют, после того как они отбыли срок заключения; но их изоляция от жизни района во многих случаях способствовала совершению преступлений, поскольку она не позволяла им понять точку зрения коренных жителей этой страны и заставляла их следовать обычаям своей страны. Любое предложение помешать им поселиться здесь будет воспринято нами, чьи родственники разбросаны по всему земному шару и которые гордятся этим фактом, с очень плохой стороны. Они здоровы, не дики и не несговорчивы, но в целом трудолюбивы и уравновешены. В их и наших интересах, конечно, нецелесообразно позволять им оставаться колониями, отделенными от нас языковым барьером.

Не будет тиранией или тяжким испытанием настоять на том, чтобы каждый иностранец, поселившийся здесь, в течение двенадцати месяцев после своего прибытия убеждал местные власти в своей способности говорить на языке, достаточно хорошо позволяющем ему понимать других и быть понятым ими. В настоящее время нередко можно встретить людей, проживших в стране несколько лет и не способных вести простейший разговор на английском или, если хотите, шотландском языке. В одном деле об убийстве обвиняемый прожил в округе шестнадцать лет, говорил только на ломаном диалекте и требовал, чтобы ему переводили самые простые утверждения. В городе такое положение вещей менее заметно, но, как правило, иностранцы - за исключением профессионалов - попавшие в тюрьму, не говорят на языке внятно, даже если они некоторое время прожили в стране, и то по той же причине - они прекрасно обходятся без него. Итальянцы и другие люди, которые в основном занимаются торговлей, знают достаточно, чтобы понимать и быть понятыми; их занятие делает это необходимостью; но даже среди них слишком часто требуется переводчик. Люди обычно стремятся избавиться себя от проблем, а учить язык - дело хлопотное. Если они могут избежать необходимости, они так и сделают, и не стоит их за это осуждать. Но их невежество - это беда и возможная опасность для нас, и не кажется неразумным требовать, чтобы оно прекратилось.

Есть и другие иностранцы-иммигранты, которые говорят на языке и присутствуют в крупных городах. Это профессиональные преступники, которые ввозят свои пороки и занимаются своим бизнесом очень систематически. Они отличаются скорее знанием законов, чем

незнанием языка, и представляют собой очень опасный, хотя и не очень многочисленный элемент населения. Они имеют организованную систему переписки и переезжают из одной части страны в другую, где у них есть связи. Они нанимают опытных адвокатов для своей защиты, когда попадают в беду, и в определенных пределах помогают друг другу в бизнесе. Некоторые из них способны на любые злодеяния, и все они совершенно не похожи на обычных преступников из профессионального класса, знакомых нам здесь. У них есть определенный лоск и способность оценить позицию других достаточно хорошо, чтобы оказаться на их слепой стороне. Что касается морального чувства, как мы его понимаем, то его у них, похоже, нет.

Преступление - это их бизнес, а бизнес они ставят на первое место. Когда их осуждают, их депортируют, но их ресурсы и организация позволяют им очень часто избегать осуждения. С ними нужно бороться гораздо более жестко, чем это позволяет закон; ведь они представляют опасность не только своими разбойничьими действиями, но и своим присутствием и поведением подстрекают наших неугодных к совершению поступков, на которые те в противном случае не решились бы. По нынешнему закону обязанность доказывать их нежелательность лежит на полиции, а получить положительные доказательства очень сложно. Если бы от них по инициативе полиции потребовали доказать суду, что они честно зарабатывают на жизнь, они бы не смогли этого сделать. Могут возразить, что это все равно что считать человека виновным до тех пор, пока он не докажет свою невиновность, что противоречит практике и является плохим принципом, на котором можно действовать. На самом деле так поступают с нашими местными ворами, когда их осуждают; им могут предъявить обвинение в том, что у них нашли имущество, и потребовать от них отчитаться за то, что оно у них есть, или посадить в тюрьму; их могут судить в упрощенном порядке.

Если человек является иностранцем, от него могут потребовать доказать, что он не живет на доходы от преступлений, и это будет условием для того, чтобы ему разрешили остаться в стране. Ему может быть отказано в разрешении на посадку, если его характер известен; но эти люди знают, как обойти иммиграционные власти. Почему тогда они должны свободно нарушать закон, пока не споткнутся и не будут пойманы, понять трудно. Если иностранец стремится получить гражданство, он должен убедить власти, что прожил в стране не менее пяти лет и в течение этого времени был добропорядочным гражданином. Бремя доказывания лежит на нем, и не предполагается, что, поскольку он никогда не был осужден, он должен быть натурализован. Экзамен, которому он добровольно подвергается, чтобы стать британским подданным, ему не нужен, если все, чего он хочет, - это защиты наших законов, пока он живет, нарушая их. Я предлагаю, чтобы так же, как некоторые иностранцы должны пройти обследование, прежде чем им разрешат высадиться на берег, те, кто дал властям повод подозревать, что они живут нелегально, должны предстать перед судом и убедиться, что их поведение оправдывает разрешение оставаться в стране; а если они не явятся или не смогут этого сделать, то их следует арестовать и депортировать.

ГЛАВА IV

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ И ПРЕСТУПНОСТЬ

Миллионер и нищий - Все чувства и непонимание - Социальные амбиции - Случай растраты - Проповедь и практика - Азартные игры - Желание "выслужиться" - Необходимость борьбы с теми, кто наживается на беспомощности других - Политические действия - Их трудности - Законодательство и администрация - Чиновник и общественность - Личная помощь - Братство.

Наше социальное неравенство является причиной многих серьезных преступлений. То, что такое неравенство существовало всегда, неоспоримо, и то, что оно может существовать и впредь, по крайней мере, вероятно; во всяком случае, нет никаких ближайших перспектив его отмены; но форма и степень, которые оно принимает, изменчивы. В последнее время пропасть между богатыми и бедными увеличилась. Нищий - это старый житель, а миллионер - новое предзнаменование. Богач времен наших дедов был местным магнатом, который мог быть капризным, но к которому можно было обратиться лично. Его преемник - космополит. В те времена бедняки не были так хорошо информированы, как сейчас, когда концы земли соединились, а механические изобретения, принесшие многим богатство, позволили многим людям шире взглянуть на мир. Богатого человека можно обхаживать за его богатство, но теперь оно не вызывает почтения у бедняков.

Если бесплатное образование и не воспитало массы больше, чем дорогое воспитало многих богатых, то оно дало им возможность читать. Они знают больше, чем раньше, а с доступом к знаниям растет и недовольство своим положением. К добру или к худу, многие из них потеряли страх перед адом, но страх перед богадельней все еще остается с ними, как и со многими другими, кто живет лучше. Желание заработать деньги преобладает над всеми, и в этом стремлении люди омрачены. Каждый видит жадность своего ближнего, но не замечает, что разделяет пороки тех, кого осуждает. Человек "успешный" критикует недостатки тех, кому повезло меньше; а они, в свою очередь, часто готовы приписать его положение отсутствию щепетильности, а не способностям, которыми он может обладать. С одной стороны, есть зависть, с другой - недоверие; но из всего этого, а также вопреки всему, неуклонно растет стремление к сотрудничеству и взаимопомощи.

В кипении конфликтующих интересов совершается много такого, что каждый человек не одобрил бы, если бы увидел, как это делает его сосед. Однако те, чье поведение наиболее сомнительно, часто не осознают его чудовищности: слишком увлеченные целью, они не обращают внимания на средства, и эта цель не всегда бывает благородной. Они хотят совершать великие и добрые дела, когда их корабли вернутся домой; и они не видят, что вопрос для каждого из нас заключается не в том, что бы мы сделали, если бы у нас было то, что мы хотим, а в том, что мы делаем, будучи теми, кто мы есть, и где мы находимся?

В жажде богатства в бизнесе потворствуют нечестным приемам, а в рамках закона разрешают грабеж. Существует предрасположенность больше обращать внимание на то, что человек имеет, чем на то, что он есть, а это не может не иметь порочных последствий. Х 19 был молодой человек, занимавший доверенную должность и получавший небольшое жалованье. У него не было никаких показных пороков и, насколько можно было судить, не было многих других. Он был силен в отрицательных добродетелях: воздерживался от выпивки, табака и таких вещей, которые доставляют удовольствие и стоят денег. Его работодатели были вполне удовлетворены тем, что имеют в его лице образцового слугу; но,

обнаружив свою ошибку, они были столь же необоснованно возмущены, сколь и необоснованно обрадованы; ведь он проводил с ними весьма изобретательную систему обмана. На полученные деньги он спекулировал акциями, и до определенного момента ему это удавалось. Если бы его последняя авантюра оказалась удачной, он мог бы оставить свое положение и жить добродетельно, предварительно вернув им их деньги. Именно так, по его расчетам, и должно было произойти, и если бы его ожидания оправдались, никто бы не узнал о его проступке; но он проиграл свою авантюру, и произошел крах. Он признал себя виновным в растрате и был отправлен в тюрьму на длительный срок. Он распорядился значительной суммой денег, но самое любопытное, что он утверждал, что просто делал то, чем жили его работодатели, - использовал чужие деньги, не советуясь с ними по поводу деталей; хотя он признавал, что в их случае они были в состоянии удовлетворить требования, и их клиенты знали, что их деньги не лежат в сейфе. Он отнесся к своему приговору вполне философски, заметив, что, по его наблюдениям, люди, обманувшие некоторые виды коммерческих корпораций, например банки, всегда получали более длительные сроки заключения, чем те, кто просто грабил бедняков; а поскольку фирма, в которой он работал, была крупным концерном, его должны были поставить в пример. Он был проникновенен в своих наблюдениях, какими бы ошибочными они ни были в некоторых отношениях, и он не единственный молодой человек, который рисковал, пытаясь разбогатеть, и рассуждал подобным образом. Число тех, кто поддается искушению, уменьшится, когда будет доказано, что успешный нечестный человек так же осуждается мнением тех, чье общество он добивается, как неудачник осуждается законом.

Мужчины, как молодые, так и старые, ошибаются в стремлении показать себя. Они хотят получить положение и готовы платить за него даже за счет других; действительно, многие тратят столько сил и энергии на интриги, чтобы получить должность, которую они не могут занять, сколько, при правильном подходе, позволило бы им претендовать на нее. Некоторые хотят стать социальными лидерами и превышают пределы своих доходов, пытаясь это сделать. Пока они просто влезают в долги, их кредиторы в проигрыше, но есть пределы кредита, и их положение может предоставить им возможности для махинаций. Намерение - вернуть деньги; но благородное намерение может оказаться не по силам, и преступный поступок приведет их к позору и разорению. Во всех случаях, когда процесс длится годами, не давая о себе знать, преступник оказывается твердо убежденным в том, что он достаточно недобросовестный человек и что если бы ему только дали время, то он вполне мог бы свести счеты с жизнью. Это наводит на размышления о том, что его поведение, должно быть, часто подвергалось анализу с его стороны, и удивляет, как много времени ему потребовалось, чтобы убедить себя в собственной честности перед лицом фактов; однако именно такая убежденность позволила ему продолжать свои проступки. Иногда общественность удивляется, что люди, которые годами продолжают присваивать средства, выглядят столь респектабельными; но они не играют роль; они убедили себя своей честности во всем этом, и это очень важный шаг к тому, чтобы убедить других.

Даже церкви не свободны от обвинения в том, что цель оправдывает средства; читая лекции против азартных игр, они иногда проводят лотереи, чтобы получить средства. Это не свидетельствует о фанатизме по отношению к азартным играм, но вряд ли поможет донести до слушателей возражения против этого порока. В таких случаях пример хуже наставления.

Пресса, которая охватывает более широкую аудиторию, чем кафедра, становится скорее средством заработка для своих владельцев, чем средством формирования обоснованного мнения; а некоторые газеты организуют тотализаторы под самой тонкой маскировкой. Что касается ставок, то существует множество газет, прибыль которых зависит от них. Рабочие и

женщины просматривают новости о ставках и влезают в долги, чтобы поддержать лошадь. Страдания, которые многие навлекают на себя и своих близких таким поведением, широко распространены, и предпринимаются усилия по борьбе с ними, но, похоже, они не уменьшаются. Как правило, можно с уверенностью предположить, что люди делают ставки не с намерением проиграть, а с надеждой на выигрыш. Они не ищут безобидного азарта, им нужны деньги, и они утверждают, что их действия ничем не отличаются от того, что делают более состоятельные люди на фондовой бирже. Они знают о лошадях так же мало, как те, кто спекулировал каучуком, знали об этом веществе; и у них нет никакого интереса к улучшению породы. Они хотят быть богатыми, не работая, и видят, что некоторым это удается. Проигравшие забыты; да и какое они имеют значение, если *мы* выигрываем?

Этот дух эгоизма и жадности присущ не только азартному человеку, хотя и проявляется в его погоне; и прежде чем его изгнать, необходимо достичь лучшего представления о нашем долге друг перед другом. Между тем преследовать букмекеров и тех, кто с ними работает, - дело небольшое, если не затрагивать более высокие формы азартных игр. Бедные не могут позволить себе играть в азартные игры и должны быть защищены от самих себя; но может ли кто-нибудь позволить себе играть в азартные игры? Может ли государство позволить им подавать такой пример? С этим злом борются в торгашеском духе. Букмекеры выигрывают, кто бы ни проиграл, но не они являются теми, кто выигрывает больше всех. Однако они не являются влиятельным классом. Если бы газетам запретили публиковать новости о ставках, механизм азартных игр развалился бы на куски; но если бы это попытались сделать, поднялся бы вой, ведь они не лишены влияния. Поэтому возникают трудности. Трудности всегда возникают, когда приходится иметь дело с влиятельными людьми; и гораздо легче нанести удар по маленькому человеку, чем по большому, - но и прибыль меньше. Я не говорю, что нет тех, кто играет ради азарта, но они не попадают в тюрьму в результате. Тот, кто действительно рискует попасть туда, играет на деньги, которые он может выиграть, но обычно проигрывает.

Желание блистать среди других лежит в основе глупых и преступных поступков многих мужчин и женщин. Это не обязательно злое желание, но методы, используемые для достижения восхищения, могут привести к злу. Много говорят о достоинстве труда, наряду с поклонением деньгам. Если люди приходят к выводу, что достоинство труда означает, что один человек должен работать, чтобы другой мог тратить, они, скорее всего, будут стараться избежать этого достоинства. Они слышат о благах бедности, но видят, что среди них нет комфорта и социальных последствий; и в той мере, в какой они предпочитают их, они позволяют кому-либо другому иметь эти блага. Признать, что одни должны быть бедными, если другие богаты, - это не значит принять участь бедняка для себя. До тех пор пока честный труд получает лишь формальную похвалу, а бедность подразумевает практические лишения, пока обладание деньгами позволяет создать презумпцию в пользу человека, будут существовать те, кто будет стремиться получить их любым доступным способом. Если бы мы отдавали бедности такое же почтение, как богатству, мы могли бы с полным основанием ожидать, что эти люди будут довольны тем, что они бедны; но пока вероятность этого невелика, мы с таким же успехом можем признать, что наше социальное неравенство приводит к совершению преступлений против собственности среди части тех, кто имеет возможность помочь себе таким образом. Огромная масса мужчин и женщин, богатых и бедных, не совершают тяжких преступлений, живут спокойно и выполняют свои обязанности граждан в соответствии со своими возможностями и способностями; но эти ложные идеалы побуждают многих к совершению преступлений. Поэтому полезно напоминать себе и другим, что в конечном счете о человеке судят не по тому, что он имеет, а по тому, что он есть, и признать, что

человек глуп, если он жертвует своей жизнью и губит свое личное развитие ради какой бы то ни было социальной выгоды.

Условия, порождающие преступность, могут быть значительно изменены, а во многих случаях и уничтожены с помощью политических действий. Преступность в значительной степени является сопутствующим фактором городской жизни, как мы ее понимаем. Для нормальной жизни людям нужно пространство, и пока существует нынешняя перенаселенность, все наши усилия могут лишь смягчить зло, которое заражает и заражает нас. Мы можем регулировать продажу напитков, чтобы предотвратить пьянство; мы можем классифицировать наших бедняков и пытаться облегчить их бедность; но выпивка и бедность - это факторы, которые остаются сравнительно неактивными в причинах преступности, за исключением тех случаев, когда люди сгрудились вместе до такой степени, как мы видим. Пусть наши города продолжают тесниться и строиться в воздухе, вместо того чтобы распространяться по земле, и нам потребуются дополнительные санитарные нормы для борьбы с болезнями и больше полицейских законов, чтобы справиться с преступностью, в то время как количество людей в наших учреждениях будет расти.

Город - это продукт нашей промышленности и методов, которыми она руководствуется; но город в его нынешнем виде не более необходим для жизни общества, чем город до появления законов о здравоохранении был необходимой частью нашей цивилизации. Люди могли бы жить рядом друг с другом и заниматься одним и тем же делом, по крайней мере, так же эффективно, если бы у них было место, как это возможно в стесненных условиях, существующих в настоящее время. Жизнь человека должна быть чем-то большим, чем его работа; и будет больше тех, кто работает, чтобы жить, когда не будет так много тех, кто просто живет, чтобы работать. Реформируйте свои города; или, скорее, проследите за тем, чтобы людям не позволялось ради своих личных интересов или удовольствий "делать то, что им нравится", вопреки общественному благосостоянию, и города исправятся сами собой.

Жильцы многолюдных районов преследуются законом, который в некоторых случаях они преступают из-за простой невозможности поступить иначе. Когда с теми, кто наживается на существующих условиях, будут так же жестоко расправляться, появится возможность улучшить ситуацию. Есть домовладельцы, которые берут на себя надзор за своей собственностью и за своими арендаторами, но другие просто собирают арендную плату; и их небрежность дает возможность преступным классам скрываться. До тех пор пока закон позволяет наживаться на людях, отказывая другим в доступе к земле только при условии уплаты выкупа, который они выберут, города будут оставаться переполненными, а страна обезлюдеть. Когда помещика заставят платить, если он не позволит использовать свою землю с наибольшей выгодой, у него будет меньше побуждений удерживать ее на время в надежде получить голодную цену за счет нужд общества. Плохая политика - наказывать людей за результаты напряжения, которому они подвергаются, в то время как тех, кто извлекает выгоду из причины, оставляют в покое.

Но политические действия медленны, а политические партии таковы, каковы они есть. Для большинства из нас смена правительства означает, что на смену лорду Этому приходит мистер Тот; возможно, они родственники и почти неизменно принадлежат к одной и той же касте; никто из них не особенно спешит применять средства, в которые верит, - ведь когда дело доходит до того, чтобы делать дела, а не говорить о них, многое зависит от сентиментальных впечатлений, результатов дружеских контактов, а не от интеллектуальных мнений и политических теорий. Политики похожи на других людей; их воображение с большей готовностью может представить результат действий, как они отражаются на их собственных друзьях, чем на представителях другого социального класса. Те, кто

заинтересован в существующем положении вещей, могут лично пострадать от любого изменения; и хотя есть много тех, кто достаточно великодушен, чтобы поставить общественную выгоду выше всего остального, гораздо больше тех, кто искренне не видит, что любая мера, в результате которой они понесут частные потери, может стать общественной выгодой. Часто это очень уважаемые люди, и знание этого факта парализует действия их друзей, которые политически настроены против них.

Было бы гораздо легче исправить зло, если бы те, кому выгодно их существование, были только недоброжелательными и грубыми эгоистами; но когда они добры и обходительны, жалко на них давить. Кроме того, они часто остаются вдовами и сиротами; ведь смертность среди мужей и отцов людей, вложивших деньги в землю и пивоварни, необычайно высока. Однако есть и другие вдовы и сироты, у которых нет близких друзей в парламенте, и чье положение не может так сильно поразить воображение министров, потому что они принадлежат к другому классу. Проблема в том, что меры, которые помогли бы одной группе вдов и сирот, навредили бы другой; и даже когда законодательство принимается, его действие откладывается из соображений заботы о существующих интересах.

В каждом парламенте есть много людей, которые стремятся исправить плохие условия, которые они видят вокруг себя, и они не ограничены какой-либо частью палаты; но нет ни одного всенародно избранного органа в стране, где частный член имел бы так мало власти. В городском или окружном совете он имеет право голоса при избрании исполнительной власти, и если он недоволен поведением тех, кому он помогает занять должность, он может довольно эффективно довести до их сведения этот факт. Член парламента считает, что правительство формируется без каких-либо консультаций с ним по этому вопросу, и если он принадлежит к той же политической партии, для него нелояльно критиковать министров в неблагоприятном ключе. Однако ему разрешается хвалить и защищать их, и это, как правило, не дает ему скучать. В остальном же он никогда не должен голосовать против них, за исключением тех случаев, когда они не считают это важным, и когда они уверены, что и без него получают большинство. Он должен поддерживать свою сторону, независимо от того, насколько сильно он не одобряет их поведение в бизнесе; и он должен признать на практике, что люди, которые руководят, и есть партия. Люди, отправившие его туда, могут заменить его при первой же возможности, но у него будет утешительное размышление о том, что если другая сторона попала туда, то она должна вести себя точно так же. Некоторые другие члены семей, чей наследственный гений управления страной сделал нас великой нацией, займут освободившиеся посты; и избиратели будут продолжать иметь тень представительного правления, в то время как его суть останется за их старейшинами.

Какими бы ни были законы, многое будет зависеть от их исполнения. Чем больше парламент занят обсуждением законодательства, тем меньше внимания он может уделять управлению. Таким образом, реальная исполнительная власть переходит в руки постоянных чиновников, а тенденция такова, что они должны направлять, а также проводить политику. По мере расширения деятельности государственных ведомств они все теснее соприкасаются с жизнью граждан и, возможно, вступают в конфликт с ними; тем более необходимо, чтобы данные им полномочия осуществлялись в согласии с мнением представителей общественности, иначе государственный служащий может стать хозяином тех, кому он служит. Человек может быть способным и усердным, но если его способности и усердие используются в неправильном направлении, он представляет большую опасность, чем глупый и ленивый человек; однако если его не направляют и не указывают путь, по которому он должен идти, его трудно винить за то, что он следует своему собственному мнению.

Единственная гарантия того, что государственные ведомства будут действовать в соответствии с общественным мнением, заключается в том, что они находятся под пристальным наблюдением представителей общественности. В настоящее время, как известно, существует лишь номинальный контроль, и это плохо для всех заинтересованных сторон; плохо для члена парламента, поскольку его избиратели не смогут отделить администрацию, против которой они могут возражать, от законодательства, которое они могут одобрить, и его голоса от действий департаментов; плохо для чиновников, так как желание власти растет вместе с ее использованием, и руководители рискуют спутать свою волю с общественными интересами и свои предрассудки с благом службы, а их подчиненные будут склонны к раболепию, которое смертельно опасно для добросовестного исполнения долга, если они поймут, что их комфорт и продвижение по службе зависят от их начальника; плохо для общества, так как это плохой обмен - свергнуть тиранию произвольного монарха и жить под бесконтрольной властью Совета. Многим такое положение вещей может показаться еще далеким, но оно уже наступило в отношении некоторых бедняков, ибо их торопят, беспокоят и преследуют ретивые чиновники за то, чего они не могут избежать; и со своей стороны я не верю, что это соответствует общественному мнению, хотя я не возлагаю вину на соответствующих чиновников, которые действуют только в соответствии со своим светом.

Там, где есть просвещенное общественное мнение и реальный общественный интерес к делам, лучше для всех заинтересованных сторон; и хотя парламент может не справиться с теми, чьи интересы противоречат общественным потребностям, есть много вещей, которые частные граждане могут сделать для смягчения существующего зла, даже если не будет принято нового законодательства. Можно помочь чиновникам и побудить их стремиться к предотвращению правонарушений, а не к наказанию виновных. Мы могли бы позаботиться о том, чтобы предоставить больше возможностей для разумного отдыха, и выяснить, где и почему наши нынешние возможности не работают. Работодатели могли бы проявлять больший интерес к своим работникам, и если бы они стремились учиться у них, то были бы в лучшем положении, чтобы учить их. Церковный человек мог бы с легкостью вступить в более тесный контакт с каким-нибудь менее удачливым членом общины и оказать ему любезную помощь и совет; или получить ее, возможно, там, где он меньше всего этого ожидал. Каждый из нас, если будет меньше обращать внимание на собственные дела и удовольствия, может увидеть, что вокруг много людей, чья борьба очень тяжела и кому дружеский интерес поможет гораздо больше, чем любой подарок. Многие из них, хотя и не могут ни платить, ни молиться, могли бы сделать много добра и получить много пользы от личного служения. Это, как ничто другое, поможет улучшить взаимопонимание между нами и нашими соседями и более остро осознать, в каком дурном окружении вынуждены жить столь многие.

Люди ошибаются и продолжают ошибаться из-за отсутствия доброго общения; и условия, которые заставляют их бороться в толпе, препятствуют братству человека с человеком. У человека, удобно расположившегося в театре, есть время и возможность оглядеться вокруг и понаблюдать за своими соседями, если он того пожелает. Он не будет нелюбезен с ними, даже если они ему неинтересны. Поставьте его в давку у дверей, и, пытаясь пробраться на место или выбраться из толпы, он не сможет, даже если у него будет желание, удержать свой локоть под ребрами соседа, даже если этот сосед - его самый дорогой друг. Сколько людей теснятся вместе, пытаясь выбраться из толчеи, и слишком заняты, чтобы проявлять интерес к другим! Я не забываю, что есть много хороших людей, которые интересуются бедными и падшими; но меньше всего внимания уделяется тем, кто находится в опасности падения. Есть матери, которые изо всех сил пытаются спасти своих сыновей от гибели, к которой те стремятся, и дети, которые пытаются выкупить своих заблудших родителей; перед лицом

всех неудач они стараются с терпением, столь же достойным восхищения, сколь и кажущимся бесполезным; но помочь им мало кто может. Пусть отец выгоняет дочь за ее проступок и уклоняется от родительского долга; пусть она с головой уходит в сточную канаву; и когда она достаточно запятнает себя, найдутся спасатели, спотыкающиеся друг о друга, чтобы помочь ей. Жаль только, что так часто они больше заинтересованы в том, чтобы заставить людей соответствовать своим идеалам, чем в том, чтобы помочь мужчинам и женщинам ради их же блага. Большинство из нас не настолько преуспели в устройстве собственной жизни, чтобы с полным основанием направлять жизнь других; но, проявляя интерес к тем, кому живется труднее, чем нам, мы можем не только побудить человека к лучшим усилиям, но и яснее увидеть, что нужно сделать нам как обществу, не для того, чтобы создать человека, а чтобы устранить те условия, которые поработают его.

ГЛАВА V

ВОЗРАСТ И ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Неопытность молодежи - обучение мальчиков - случай с прогульщиком - еще один случай - неподатливость - глупость родителей и учителей - отсутствие взаимопонимания - отдых - злонамеренные шалости и мелкие кражи - их причина - необходимость наставления родителей - вредная литература - другие виды - современный Дик Терпин - мальчик, покидающий школу - развлечения - репрессии - слепые... Подросток - физическое напряжение многих профессий - неравномерное физическое и умственное развитие - уличный торговец - хулиганство - знания и опыт - опасности молодости - старость.

Подавляющее большинство тех, кто впервые попадает в тюрьму, - молодые люди, и во многих случаях они не проявляют большой степени моральной испорченности. "Как ветка гнется, так и дерево склоняется", и то, что могло быть просто фазой безрассудства или мимолетным настроением беззакония, иногда превращается в устойчивую привычку в результате того, как с ним обращались. Чем моложе человек, тем более узким является его опыт при прочих равных условиях. Проводя эксперименты, которые дают опыт, мы можем навредить себе и другим.

Есть люди, которые довольствуются чужими утверждениями и легко подчиняются тем, кто над ними властвует, но в раннем возрасте их число невелико; а там, где старшие слишком заняты, чтобы уделять много внимания молодым, мальчику необходимо самому все узнавать. Правила жизни, как они представляются многим мальчикам, состоят из серии запретов, и не всегда против них выступают самые плохие мальчишки. Дикие и несговорчивые мальчишки не всегда вырастают плохими гражданами, но если их берет в руки карательная машина государства, шансов у них немного. Они могут подражать показным порокам старших не потому, что это пороки, а потому, что это показуха. Они не восхищаются неправильными вещами чаще, чем взрослые люди, но проявляют свое восхищение так, что порой неловко и им, и нам. Их не понимают и осуждают, когда они упорно идут своим путем, хотя причина их капризов может быть достаточно простой, если попытаться ее найти. X 20 был мальчиком

десяти лет, сыном человека, занимавшего выгодное положение, который потерял над ним всякий контроль. Мальчик сбегал из школы, не раз покидал свой дом и отправлялся бродить по деревне. Отец поочередно уговаривал и бил его без всякого результата. Директор школы сообщил мне, что мальчик обычно был тихим и послушным, но не проявлял особого интереса к большинству заданий. У него не было дефектов интеллекта, но он не хотел прикладывать усилий к некоторым разделам школьного курса. Он любил животных. Мне он показался подозрительным и замкнутым; но поскольку ему сказали, что его должен увидеть тюремный врач, и он, очевидно, ожидал столкнуться с ожившим гопником, в этом не было ничего удивительного. На вопросы он отвечал односложно или не отвечал вовсе, но обещал, что сам придет ко мне домой и посмотрит некоторые вещи, которые, как я полагал, могут его заинтересовать. Я не позволил привести его к себе, хотя он жил в трех милях от меня, и он сдержал свое обещание и пришел. С помощью других подростков его удалось расположить к себе, и я обнаружил, что он может многое рассказать о животных, например о головастиках и лягушках, и что он действительно интересуется такими вещами. Он несколько раз возвращался, и ему косвенно объясняли, как опасно делать то, против чего возражал его отец; но было совершенно очевидно, что его поведение было результатом того, как с ним обращались, и страх заставил его совершить по крайней мере некоторые из тех поступков, которые послужили поводом для жалоб. Те, кто его опекал, нуждались в руководстве больше, чем он сам; ведь они действовали, полагая, что понимают, что для него лучше, тогда как на самом деле они не имели ни малейшего представления о нравах мальчика и просто доводили его до крайности, пытаясь удержать его в правильном положении. Они подавляли, а не направляли его склонности, что привело к катастрофическим последствиям. Его школьный учитель все понимал, и ему было позволено действовать на основе своих знаний с удовлетворительными результатами, хотя родители никогда не думали, что он способен обучать их, как и их мальчика. В данном случае мальчику повезло больше, чем многим другим, поскольку его родители могли обратиться за советом, когда их встревожило его поведение. Они находились в таком положении, которое позволило им уделить ему необходимое внимание, когда они узнали, что требуется.

X 21 был мальчиком, который приобрел привычку прогуливать школу и попал под наблюдение инспектора по посещаемости. Ему грозила опасность стать приверженцем городской неблагонадежности. Его мать была порядочной вдовой и вынуждена была содержать его и себя случайными заработками. По утрам ей приходилось уходить на уборку офисов, а он был предоставлен сам себе. Она не хотела, чтобы его отправляли в промышленную школу, но предпочла, чтобы это было сделано, чем рисковать тем, что он попадет в руки порочных людей. В ее порядочности никто не сомневался, как и в ее способности присматривать за ним, когда у нее была такая возможность; но она не могла работать и в то же время выполнять свои материнские обязанности по его воспитанию. Поэтому его пришлось отправить в учреждение. В подобных случаях - а они нередки - было бы гораздо лучше освободить женщину от необходимости оставлять ребенка и проследить за тем, чтобы она присматривала за ним. Она заинтересована в нем больше, чем любое официальное лицо, и это стоит не дороже, а выигрыш в характере не может быть измерен в денежном эквиваленте. Бремя матери больше, чем она может нести, и это причина для облегчения его; но это не причина для разрушения семьи и ослабления связи между родителями и ребенком, и такая практика не может быть оправдана даже с точки зрения расходов.

Мальчиков называют плохими, когда они несговорчивы, но плохих мальчиков меньше, чем плохих мужчин. Слишком много людей, которые считают, что они знают, что лучше для мальчика или мужчины, и при этом не пытаются понять тех, кому они прописывают

лекарства. Когда мальчик бунтует против предписанной ему линии поведения, это воспринимается как доказательство его порочности, хотя это может свидетельствовать лишь о его здравом смысле. Возможно, он поступает неправильно с целью более разумной, чем у его наставника, но, скорее всего, он обнаружит, что его намерения не встретят сочувственного внимания, даже если он их раскроет, а его действия повлекут за собой наказание, если он их признает. Его поощряют лгать в надежде угодить своему хозяину, а когда его уличают, его беззаконие еще больше возрастает.

Мальчики гораздо больше склонны пытаться найти точку зрения тех, кто над ними властвует, чем взрослые люди - найти точку зрения мальчика; и дети часто демонстрируют более глубокое знание своих родителей, чем родители знают их самих. Если бы вместо того, чтобы предполагать знание и демонстрировать невежество, родители пытались понять, то было бы меньше склонности управлять молодыми людьми с помощью общих запретов и больше свободы в выборе занятий. Если оставить ребенка в покое, он сам проявит свои наклонности; родитель должен не препятствовать его склонностям, а направлять их в полезное русло. Многих делают несчастными книги, а других - физические упражнения. Каждый год приносит свои модные веяния. Взрослый может до некоторой степени освободиться от ее тирании, но стоит ей найти место в том или ином кодексе, и каждый подросток подвергается серьезному риску стать ее жертвой, потому что кто-то из властителей, ничего не знающий о нем и его потребностях, так распорядился.

Мальчика держат в школе почти столько же часов в неделю, сколько работают многие мужчины, и когда он освобождается от ее ограничений, то начинает буйствовать - если он не слишком устал или если ему не задали задачи, которые заставляют его работать сверхурочно дома. Он проказничает, и его осуждают за его проступки, за неприятности и раздражение, которые он причиняет; но мальчики не стали более озорными, чем были. Мало найдется взрослых, которые в раннем детстве не досаждали другим, но слишком многие из них, кажется, забыли об этом. Во что бы то ни стало позвольте мальчику, совершившему озорную выходку, быть обузданным и исправленным, но при выборе метода не помешает вспомнить о подвигах мальчика, который в свое время был не лучше, чем виновник, если не хуже. Когда мы покажем, что признаем четкое различие между набиванием несовершеннолетних знаниями и их воспитанием, они научатся в школе развлекаться сами и не раздражать других. В настоящее время они предоставлены сами себе, и лишь в редких случаях на них можно пожаловаться. Учитывая их склонность к подражанию и подстрекательство многих из них к правонарушениям, удивительно, как мало их заблуждается.

Когда мальчика отправляют в исправительное учреждение, ему предоставляются возможности для игр, и важность обеспечения различных форм отдыха для него не игнорируется. Некоторые называют это "вознаграждением за проступки", и все же, несмотря на вознаграждение, найдется немного мальчиков, которые сознательно идут на нарушение закона, чтобы получить преимущества жизни в этом учреждении. Либо они слишком глупы, либо у них нет такого предубеждения к злу, как некоторые хотели бы предположить. Отдых, который является частью средств, используемых для исправления провинившегося мальчика, мог бы предотвратить его, если бы он был доступен для других, тем более что объединение мальчиков, чей общий интерес заключается в том, что все они побывали в суде, вряд ли будет способствовать их исправлению.

Какими бы ни были недостатки школы как образовательного учреждения, ее заслуга в том, что здесь поддерживается более высокий уровень поведения, чем тот, который могли бы приобрести многие из учеников, если бы их оставили расти в тех условиях, которые

существуют в их домах. Время от времени кто-то совершает особенно шокирующие поступки, и до недавнего времени, когда это происходило, преступник подлежал передаче в полицейский суд. Теперь существует специальный суд для рассмотрения дел детей, но поскольку ни судья, ни чиновники, перед которыми предстает ребенок, не изменились, все, что удалось сделать, - это отделить его от более взрослых преступников. За это можно поблагодарить, но это незначительная милость по сравнению с тем, что должно быть сделано. Он скорее предмет для обращения тех, чей опыт позволяет им понимать детей, чем "дело", которое должен рассматривать мировой судья, чьи традиции - это традиции уголовных судов.

Большинство обвинений - это злонамеренные шалости или мелкие кражи. Правонарушители вышли из-под родительского контроля или уклонились от надзора родителей. В некоторых случаях родители проявляют преступную небрежность или халатность, мало интересуются своими детьми и делают их дом хуже, чем нужно. Они балуют ребенка, не щадя розги, и часто бьют его без пощады, когда он их раздражает. Он держится подальше от них и может попасть в дурную компанию и в дурные привычки. У большинства таких мальчиков внешний вид свидетельствует о нерадивости, но они не являются, хотя и могут стать отчаянными преступниками. Другие сбиваются с пути не столько из-за преступного пренебрежения родителей, сколько потому, что, при всем желании направить мальчика, родитель либо неспособен сделать это по глупости, либо, что бывает чаще, слишком занят, пытаясь заработать на жизнь, чтобы иметь необходимое время для ухода за ним. Меньшее число составляют дети родителей, которые вполне способны позаботиться о них, но не смогли поддерживать с ними достаточно тесный контакт, что сделать гораздо сложнее, чем кажется.

В школе мальчик может быть под хорошей опекой, но большую часть дня он находится вдали от матери, и ему могут попадаться товарищи, которые будут оказывать на него не самое благоприятное влияние. Они не обязательно должны быть плохими, но они могут быть плохими для него. Во внеурочное время он стремится к отдыху, и в попытке получить развлечение особого рода он может взять то, что ему не принадлежит, и быть уличенным в этом, и на него пожалуются; или не быть уличенным и продолжать эту практику. Все очень просто и совсем не редкость - за исключением результата. Честности нужно учиться, а некоторые люди никогда ей не научатся, хотя и не совершают преступлений. Есть разница между честностью и нечестностью в рамках закона. Мало найдется женщин или мужчин, которые в то или иное время не "нечестно присваивали имущество", хотя они и не выражали этого, когда воровали сладости, прекрасно зная, какое наказание их ждет в случае поимки. Некоторые мальчики не крадут сладости, но они крадут деньги, чтобы купить сладости; точно так же другие крадут деньги, чтобы заплатить за вход в увеселительное заведение. Иногда они врываются в магазины, чтобы украсть, и тогда они становятся юными преступниками; но это случается редко, когда необходимые деньги можно взять дома.

В молодом человеке стремление к удовольствиям, естественно, слишком сильно, чтобы поначалу подавлять его чувством права собственности. Его не нужно учить, что сладости доставляют удовольствие вкусу или зрелища радуют глаз; но он должен усвоить, что в долгосрочной перспективе честность - лучшая политика. Дети вряд ли станут воровать, если смогут получить желаемое без кражи, но они могут помочь себе, когда смогут, если им будут навязывать необоснованные запреты. Даже мужчины и женщины сбивались с правильного пути из-за попыток подавить их желания к безобидным развлечениям и заставить их относиться к жизни торжественно.

Нечестность детей проистекает не столько из извращенной природы, сколько из неспособности осознать важность честности. Это стадия, которая проходит мере того, как растет их опыт общения с миром. Их можно отучить от этого, но попытки отучить их от этого с такой же вероятностью могут отучить их от этого.

Должно быть предусмотрено положение, по которому родители могли бы получать советы, наставления и помощь в обращении с детьми, которых они не в состоянии контролировать. Наши детские суды не предназначены для этой цели, и я сомневаюсь, что для ребенка, отправленного в одно из наших учреждений, имеет большое значение, что он был отправлен из одной комнаты в здании суда, а не из другой. Наши деньги лучше потратить на помощь родителям, у которых есть желание сделать хорошо своим детям, но нет сил, чем на то, чтобы отбирать у них детей. Что касается тех, кто небрежно относится к своим детям, то с ними нужно бороться за их небрежность. Во многих случаях апатия, которую они демонстрируют, является следствием наших методов. Если бы вместо того, чтобы отбирать детей у тех, кто ими пренебрегает, мы обучали их и помогали им, у нас были бы лучшие родители и лучшие дети. Если бы родители проявляли беспечность и черствость, мы могли бы по справедливости привлечь их к ответственности за виновные проступки. В настоящее время мы не в состоянии сделать это, поскольку не готовы помочь им в выполнении их обязанностей. Им легче пренебречь, чем заботиться о своем потомстве, а если они в достаточной степени теряют контроль над ним, мы вообще освобождаем их от этого бремени.

Дух поиска и экспериментов приводит многих мальчиков к озорству, и некоторые из их злонамеренных поступков - результат этого. Мужчины слишком легко забывают, что мальчик видит вещи в совершенно ином свете и с другими отношениями, чем они. Некоторые из приключений с проникновением в дом, которые так плохо выглядят в обвинительном листе, выглядят совсем иначе, когда история рассказывается с точки зрения мальчика, и они не всегда показывают такую развращенность, как можно было бы ожидать. Некоторые мальчики постоянно ищут приключений и погружаются в них; другие довольствуются чтением о смелых поступках, и произведения, которые они предпочитают, часто достаточно грубы. Время от времени кого-то берут с маской и пистолетом при попытке ограбления на шоссе, и тогда мы слышим проповеди о вреде пагубной литературы типа "Дика Терпина", которые могли бы быть более убедительными, если бы сами проповедники были свободны от связи с тем, что еще хуже.

Авантюрные мальчики не читают много книг; они слишком заняты жизнью. "Кровь" больше поглощает мальчик, который мечтает, а не действует; но из тысяч мужчин, которые в детстве читали запрещенные книги и получали от них удовольствие, мало кто потратит много времени на столь же сенсационные издания, которые миллионами циркулируют среди взрослых. В целом, мальчик не получит более искаженного представления о жизни из тех цветных газет, которые он читает, чем из некоторых других; и когда его осуждают за предпочтение "крови", не лишним будет вспомнить, что эти издания никогда не ставили перед собой задачу разжечь в его сознании чувство недоброжелательности к людям других стран. Не мальчики, а взрослые, которых газеты, которые они читают, доводят до истерических вспышек бессмысленной ярости или столь же бессмысленного страха то перед одной, то перед другой континентальной державой; и если "литературу" следует оценивать по ее очевидному эффекту, то эти газеты более пагубны, чем "Кровавые", которые мальчик предпочитает книгам, предназначенным для его нравственного воспитания. Нет никакого сравнения между его разбойником - мальчишеским разбойником, который грабит богатых и отдает бедным, чтобы перевернуть весь социальный порядок, - и трудолюбивым

подмастерьем, который женился на дочери своего хозяина, бедной девушке. Герой для него - герой, потому что он решается на любой риск, верен другу, галантен и великодушен и встречает смерть с храбрым сердцем. Если он поступает неправильно, то делает это правильно, и восхищение мальчика вызывает не вор, а человек. Что касается трудолюбивого, то даже мальчишка знает, что хозяйских дочерей на всех не хватит; и если его возмущает эгоизм евангелия о том, что все должно быть хорошо, он прав, отвергая такую ложную основу морали. Мы знаем, что Робин Гуд или Дик Терпин для мальчика никогда не существовали на самом деле; но если они существуют в его воображении?

Для тех, кто их осуждает, эти газеты - лишь прославление воровства определенного рода, но нет никакой вероятности, что оно когда-нибудь снова войдет в моду. Сейчас Дик Терпин - промоутер компании, а его чеки востребованы церквями и политическими партиями. Теперь он не рискует жизнью, и мы очень рады, что вошли к нему в доверие; но мальчик этого еще не понял. Его книги могут быть плохо подобраны, но всеобщее осуждение не исправит дела; и в книгах, как и в других вещах, невозможно сказать, что полезно для мальчика, пока о нем не будет известно больше, чем то, что он мальчик. Когда он читает, можно предположить, что он делает это потому, что чувствует, что таким образом удовлетворяется какая-то потребность. Когда природа этой потребности будет выяснена, будет сделан шаг к ее лучшему удовлетворению, но не раньше. Уводить мальчика от книги, которая ему нравится, к стандартному автору на том основании, что это лучше для него, - значит рисковать вызвать в нем постоянную неприязнь к выбранным книгам.

В городе большинство мальчиков покидают школу в возрасте четырнадцати лет и, приступая к новым занятиям, подвергаются новым соблазнам. Работа, которую они получают, во многом зависит от случая, но какой бы она ни была, вероятность того, что они ошибутся, меньше, чем когда они свободны от нее. Их игровая площадка - улица, и нет никаких адекватных условий для их отдыха. Заплатив небольшую сумму, они могут получить вход в музыкальные залы или на выставки картин, и эти заведения в основном посещают мальчики. То, что они служат полезной цели, неоспоримо, и если развлечения, которые они предлагают, не являются всем желаемым, то это практически все, что можно получить для многих. Поскольку они не могут быть бесплатными, возникает соблазн найти средства, и мальчику среди его соседей, который хуже всего обеспечен деньгами, приходится труднее всего. Прискорбно, что некоторые поддаются соблазну добыть деньги нечестным путем, но глупо игнорировать положение вещей и пренебрегать предоставлением разумных возможностей для отдыха, который необходим после работы. Существуют частные организации, которые занимаются этим вопросом, но их призыв, хотя и широк, является, и должен быть, секционным. Мальчишеские бригады при церквях могут охватить лишь меньшинство несовершеннолетних, и то же самое можно сказать о бойскаутах. Есть те, кто принципиально возражает против обеих организаций на том основании, что они способствуют воспитанию военного духа, но сами милитаристы, похоже, не разделяют эту точку зрения. Мальчикам нравится играть в солдатиков, но когда они становятся разумнее, то бросают это занятие; а пока они играют, причем с большой пользой для себя. Что касается скаутов, то они, похоже, представляют собой улучшенное издание "следуй за своим лидером", а их форма не позволяет им мешать во время игры. Никому из них не вредит вера в то, что они спасают свою страну, пока они действительно спасают себя, и не большее число из них развивает вкус к солдатской карьере позже в жизни, чем призывники из числа тех, кто никогда не принадлежал к той или иной организации. Возможно, намерения некоторых пропагандистов заключаются в том, чтобы накормить армию, но это означает, что они не учитывают самих мальчиков и развитие их разума. Каковы бы ни были намерения, результат хорош, поскольку интерес к игре поддерживает мальчиков в здоровой физической форме.

Самым популярным из всех видов общественного отдыха является футбольный матч. Неделю за неделей поля заполняются десятками тысяч зрителей, которые находят в игре, свидетелями которой они являются, не только развлечение на время, но и предмет для разговора и интереса, который сохраняется на весь день. Молодые и пожилые люди в большинстве своем являются болельщиками, и хотя их поведение может оставлять желать лучшего, это не должно отвлекать внимание наблюдателя от главного факта, который заключается в том, что они могут найти настоящий интерес в чем-то, что по крайней мере безвредно. Есть те, кто сетует на то, что зрители не являются игроками, и осуждает их за то, что они лишь виртуально участвуют в игре. На самом деле, многие из них играли, и некоторые из них попадали в неприятности из-за игры. При небольшом знакомстве с фактами иеремиадам станет ясно, что в обществе не предусмотрено никаких условий для того, чтобы многие могли играть; что у многих, кому нравится смотреть, как играют другие, нет времени, когда они свободны от работы, чтобы много тренироваться самим, даже если бы рядом было поле; и что если бы большое количество людей начало играть в футбол на единственных открытых для них местах - улицах, - то не было бы места для передвижения. Неплохой план - учитывать ограничения людей, прежде чем осуждать их занятия, но он слишком мало практикуется.

Футбольный матч - сильное противодействие публичному дому или бесцельному блужданию по улицам, а футбольное поле было бы прекрасной игровой площадкой для многих молодых людей, как они с готовностью признают; но те, кто хочет, чтобы они играли, а не смотрели, никогда не выделяются, когда пытаются найти для них средства. Некоторые из них используют общественные улицы в качестве тренировочной площадки, что очень раздражает пассажиров, а иногда и подвергает их опасности. С этой неприятностью необходимо покончить, и для этого используется обычный метод: применяется универсальная панацея от всех бед, и виновные попадают в руки полиции. Налагается небольшой штраф, а если ребятам больше шестнадцати, то и тюремное заключение. Я был свидетелем того, как несколько человек попали в тюрьму из-за неуплаты штрафа. Все, что было сделано, - это гарантия того, что эти мальчишки не будут играть в футбол на улицах в течение нескольких дней; однако стоимость их сопровождения и питания в течение этого времени, если бы они потратились на аренду площадки, обеспечила бы им и другим возможность играть в течение шести месяцев; и они не играют на улицах по собственному желанию - по крайней мере, не было доказано, что они это делают.

Как в работе, так и в игре занятия мальчика во многом зависят от случая. Он вынужден искать работу и, как правило, готов согласиться на все, что ему предложат. Некоторые из наиболее привлекательных для него ситуаций имеют такой характер, что не позволяют ему заниматься работой, на которой в зрелом возрасте он мог бы зарабатывать себе на жизнь. Вначале он может зарабатывать больше денег, чем если бы обучался какому-нибудь ремеслу, но через много лет его выгоняют работодатели, его не устраивает работа, он становится менее пригодным и менее склонным к тому, чтобы тратить время на получение профессии или специальности. Существует слишком много профессий, открытых для мальчиков, и они должны быть закрыты для тех, кто вступает в промышленную жизнь. Есть много мужчин, которые с возрастом отстраняются от работы, к которой привыкли; они покидают ряды квалифицированных рабочих, а ведь они могли бы выполнять работу, которую сейчас делают парни, с пользой для общества, поскольку тогда не было бы множества молодых людей, проводящих самые восприимчивые годы своей жизни в занятиях, которыми они не могут надеяться заработать на жизнь, когда достигнут зрелости.

По мере взросления мальчик все больше выходит из-под контроля родителей. Его рост предполагает изменения в нем самом, и у него могут появиться новые потребности и новые желания без необходимой силы, чтобы контролировать их. Хорошо известно, что в подростковом возрасте существует особая опасность физического или психического срыва, и нередко молодые люди проявляют такую степень нестабильности, что их друзья опасаются за их безопасность. Тем не менее, в юности очень многие заняты на работах, которые в значительной степени истощают физически. Им разрешается слишком много нагружать свое тело, и хотя они могут таким образом развивать свои мышцы, они почти наверняка будут препятствовать здоровому развитию своего разума. Государство вмешивается в некоторые профессии и запрещает некоторые процессы производства на том основании, что используемые химические вещества пагубно влияют на здоровье рабочих; оно также установило правила для надлежащей санитарии мастерских. В перспективе предстоит рассмотреть вопрос о целесообразности ограничения количества физической энергии, которую человек может регулярно тратить на работу, и чем раньше это начнется с мальчиков, тем лучше для всех. Сейчас мы слышим о больших зарплатах, получаемых рабочими некоторых профессий, и об их пресловутой импровизации. Для любого, кто способен видеть, их импровизация не более очевидна в том, как они тратят свою зарплату, чем в том, как они ее зарабатывают; ведь их жизнь в промышленности коротка, и они слишком часто становятся физическими развалинами в средней жизни, частично от чрезмерного утомления, которому они подвергались, и частично от пороков, которыми они заразились в попытке стимулировать себя, когда устали. Мы слышим только о пороках, но их индустрия не менее глупа, если она предполагает чрезмерную трату жизненных сил; и никакой денежный доход не оправдывает затрат, которыми он достигается.

То и дело перед судом предстают молодые люди, которые не являются ни сумасшедшими, ни слабоумными, но чьи умственные способности были заторможены и извращены условиями, в которых они находились. Они попадают туда не за совершение преступлений против собственности, а за то, что поразили округу каким-нибудь зверским нападением; и всех их объединяет то, что они занимались слишком тяжелой для них работой, а освободившись от нее, использовали силу мужчины, подстрекаемого мужскими страстями, для совершения поступков, которые мог представить себе только мальчик.

Равное умственное и физическое развитие редко встречается в юности, и на практике все признают этот факт. Есть крупные парни, которые молоды для своих лет, и маленькие, которые чрезвычайно старомодны; но время исправляет дело, и равновесие устанавливается, если не происходит чего-то, что омрачает молодость. Поставленные в условия, благоприятствующие развитию мускулов и препятствующие развитию умственных способностей, молодые люди не могут быть полностью виноваты, если время от времени они шокируют нас, демонстрируя естественный результат такой тренировки.

На улицах города можно встретить парней, которые заботятся о том, чтобы не работать слишком много. Многие из них - дети родителей, которые никогда не проявляли особой заботы о них, и в некоторых случаях их посылали с несколькими медяками покупать газеты и продавать их; или попрошайничать. Такая жизнь пришлась им по душе, и они сознательно выбрали ее вместо другой работы. Рано или поздно они попадают в тюрьму, если избегают исправительного учреждения, а иногда и после того, как там побывали. Среди тех, кто знает факты об уличной торговле, которой они занимаются, возможно только одно мнение: ее следует отменить; и единственная реальная трудность заключается в том, что ее отмена по справедливости должна сопровождаться некоторым обеспечением занятости тех молодых

людей, которые ею занимаются. Газетчик - это большое удобство для публики и владельцев газет. Иногда он является важным подспорьем для своей семьи, ведь в большинстве случаев родители настолько респектабельны и стремятся заботиться о мальчике, насколько это вообще возможно. Прибегать к его услугам ее вынуждает бедность. Но риск для мальчиков перевешивает все преимущества. Бедность, вынуждающая мать подвергать ребенка такому риску, должна быть облегчена; публика и владельцы газет нашли бы другие способы получения и доставки новостей, если бы осознали цену нынешнего положения вещей; и питомник преступников был бы ликвидирован.

В большинстве случаев родители требуют больше внимания, чем мальчики, и особенно женщина-родительница. Дети - это ее особая забота, и если она начинает пить, это приводит к серьезным последствиям. Какие бы разногласия ни возникали по поводу наследственной передачи неводержанности, нет места для сомнений в том, что она приводит к тому, что мать, подверженная ей, становится неэффективным опекуном своего ребенка. Ее семья страдает от пренебрежения, и они вынуждены жить на улице, зарабатывая на жизнь, как могут. Когда есть возможность, они снимают жилье в "Модели", но в любом случае учатся у других, как можно жить с наибольшей свободой. Почти все они азартные игроки, и честность - не та добродетель, которую они считают выгодной.

Дело в том, что для мальчика не может быть худшей школы, чем улица, и худших товарищей, чем те, кто там живет, не потому, что они одарены какой-то дополнительной дозой первородного греха; они не хуже умственно, морально или физически, чем многие другие, а потому, что среди них выросла традиция, антиобщественная по своему характеру, и, как все остальные люди, они соответствуют условиям, в которых оказались. Когда они бездельничают или воруют, то делают это потому, что считают, что это легче и выгоднее, чем работать в обычном режиме. Покажите им, что они ошибаются, и они изменят свое мнение и свои действия; но именно этого и не делается. Они слышали все, что вы могли им сказать, и придерживаются своей точки зрения не потому, что глупее своих учителей, а потому, что видят другую сторону дела. Когда их сажают в тюрьму, они, как правило, не проявляют несговорчивости и делают то, что им говорят, потому что лучше подчиниться, чем бунтовать; но снаружи, хотя они и признают неудобство и риск быть пойманными, у них есть неоправданная вера в свои силы уклониться от тех, кто за ними следит, и в худшем случае они предпочитают время от времени отбывать тюремный срок, чем менять свой образ жизни на другой. Не стоит забывать и о том, что они не следуют своему нежелательному курсу, потому что это трудно сделать. Если они поступают нечестно, то, как правило, потому, что считают, что таким образом им легче добыть средства к существованию, чем любым другим честным занятием, доступным им или имеющим опыт. Их мнение может быть правильным или неправильным, но оно формируется на основе знания фактов, отличных от тех, которые известны тем, кто их судит; и не способствует лучшему их пониманию то, что мы должны считать их большими глупцами, чем мы, хотя мы и не разделяем их глупости.

Время от времени на улицах происходят вспышки дикого насилия со стороны молодых парней; действия, которые, очевидно бесцельные и, безусловно, жестокие, шокируют горожан и вызывают у них гнев. Затем раздается крик о мести; никогда не предпринимается попытка выяснить причины неприятностей; и все забывается, когда несколько преступников получают "примерное наказание". Показательные наказания всегда требуют изучения, и иногда с незадачливым человеком, которого делают мальчиком для битья других, обращаются довольно жестоко; не то чтобы это имело значение, если правонарушение, на которое жалуются, прекращается, поскольку это воспринимается как доказательство того,

что власти поступили правильно, сделав из него пример. Это предположение, которое никогда не требовало проверки, но его редко проверяют.

Когда в округе происходит множество преступлений подобного рода, можно найти общую причину, если ее поискать; и когда преступления прекращаются, можно обнаружить, что их прекращение имеет какое-то отношение к этой причине; но арест и заключение в тюрьму одного и другого в качестве примера имеют такое же малое отношение к прекращению преступлений, как молитва к прекращению эпидемии холеры. В одном случае нужно разрушить ассоциацию преступников и уничтожить их дух, в другом - позаботиться о стоках и санитарии. Наказание и молитва в обоих случаях могут помочь в той мере, в какой они направляют внимание на необходимость правильных действий. Как же возникают эти вспышки и что заставляет их прекращаться? Прежде всего, они не являются делом рук профессиональных воров, хотя они и пользуются ими. Они начинаются во время игры между парнями на углу улицы. Никто из них, возможно, не является аномально озорным или злым, но толпа имеет свой собственный дух, отличный от духа ее членов. Все видели, как достойные граждане, находясь в возбужденном состоянии, скажем, после выборов, получив известие о том, что страна спасена так, как они хотели, вели себя достаточно нелепо и подстрекали других к такому же поведению. Если бы они получили эту новость дома, она вызвала бы максимум улыбку, но в толпе один побудил другого сделать и сказать то, что в обычной ситуации не сделал бы и не сказал ни один из них.

Оратор может поколебать толпу и совершенно не тронуть ее членов, если будет говорить с ними по отдельности. Парни на углу, когда они вместе, сделают то, о чем никто из них и не подумал бы, будь он один. Не только каждый подстрекает другого, но и все подстрекают друг друга к действию. Они устраивают скачки за счет прохожих и к их досаде. Если на этом все заканчивается, шума по поводу "хулиганства" не слышно; но если парни, распустив руки, идут дальше и наносят увечья уважаемому гражданину, начинаются жалобы. Виновник сначала пугается, но, совершив поступок, старается извлечь из него максимальную выгоду, особенно если видит, что его товарищи скорее восхищаются его смелостью. Он хвастается своей смелостью и возбуждает подражание. Один старается превзойти другого, другие "угловые" слышат об отчаянных и подражают им, газеты поднимают эту тему, и все вокруг охвачено ужасом. Причины для ужаса тоже есть, ведь в процессе пострадали ни в чем не повинные и мирные граждане. Профессиональный преступник, который быстро использует любую возможность, цепляется за хвосты глупых парней и, прикрываясь их грабежами, наживается на том, что ему удастся заполучить. Все, что собирает толпу, помогает ему, но он знает, что лучше самому не совершать таких бесцельных нападений. Однако он не прочь ограбить нападающих или тех, кому угрожают и кого терроризируют, при условии, что ему удастся скрыться. Если ему удастся привлечь на помощь кого-нибудь из тех, кто затеял это дело, - хорошо, но в этом случае они могут обнаружить, что начали новую преступную карьеру. Слабая сплоченность озорных и преступных элементов в толпе становится организованной, и к этому времени граждане уже требуют, чтобы кто-то был наказан. Тогда начинаются примеры.

Но сам факт афиширования безобразий, хотя и вызывает поначалу подражание, заставляет родителей и работодателей интересоваться поведением своих сыновей и работников. Парней не выпускают из дома по ночам или изолируют друг от друга иным способом. Когда объединение начинает распадаться, процесс не заставляет себя долго ждать. Каждого, кто покидает ее, подозревают в том, что он может быть доносчиком, и страх перед неизвестно чем - самый сильный вид страха - овладевает их умами. Поведение, казавшееся столь

похвальным, теперь не принято, и эпидемия угасает. Посадить одного из преступников в тюрьму - значит сделать его мучеником в глазах его соратников, которые знают, что он не хуже их самих, и скорее сочувствуют ему, чем ненавидят. Настоящим сдерживающим фактором являются действия родителей и работодателей, которые знают таких парней. Они не хотят ни неприятностей дома, ни потери работы. Те, кого отправляют в тюрьму, зачастую имеют мало общего с делом, а их примерное наказание - и того меньше. Настоящее хулиганство - существование молодых профессиональных воров, которые имеют привычку совершать жестокие нападения и безрассудно наносить травмы своим жертвам, - в Глазго редкость.

Молодой человек в силу своей неопытности чаще ошибается, чем старший. Каким бы ни был закон, ни один бизнесмен не ожидает от молодого человека тех услуг, которых он ждет от мужчины. Молодой человек может обладать большими знаниями, чем его старший, и иметь более свежую информацию о многих вещах, но только время может позволить ему соотнести свои знания. Вопрос о том, знает ли юноша, что хорошо, а что плохо, - это все, что рассматривают некоторые люди; это показывает, как мало они знают, если действительно верят, что ответ на него позволит кому-то оценить ответственность мужчины. Нас учат "правильному и неправильному" с самого раннего детства в виде принципов, которыми мы руководствуемся, но они не всегда просты в применении. Разница между молодым и старым человеком заключается в опыте. Практика позволяет одному использовать свои знания так, как другому еще предстоит научиться. Наши представления о многих вещах, о которых мы получили, казалось бы, полную и точную информацию, снова и снова оказываются ошибочными; опыт позволяет нам отказаться от своих предвидений, но это приходит только с годами. При оценке молодых людей особенно важно учитывать тот факт, что при всех своих кажущихся знаниях они могут иметь совершенно неверные представления о вещах, и таким образом их вводят в заблуждение. Во многих случаях мне приходилось констатировать факт, что молодой человек совершил жестокое преступление; он прекрасно знал, что это неправильно; что это не связано с несовершенством его контроля; что он обдумывал и представлял себе это до совершения поступка; и что его совершение оставило его в шоке, ибо все было так не похоже на его представление об этом.

Никакое наказание не могло бы усилить содрогающийся ужас, с которым эти парни относились к своим собственным действиям, "настолько не похожим на то, что я думал, что это будет"; и все же в обычных делах мы хорошо знакомы с этим явлением. Почему мы должны терять его из виду, когда совершено преступление и мы пытаемся разобраться в его причинах, остается загадкой. Знать добро от зла? Да, но при этом представляем себе все неправильно. Такое состояние души не свойственно преступнику и иногда может присутствовать у тех, кто берется судить и осуждать его.

В раннем возрасте мальчик не только более склонен к заблуждению, но и падению, и ему труднее оправиться. Он более впечатлителен, и впечатление от совершенного им преступления и от того, как с ним обошлись, стоит на его пути. У него нет за плечами опыта, к которому можно было бы обратиться и с помощью которого можно было бы помочь ему найти правильный путь, когда он выйдет из тюрьмы. "Учись молодым, учись честно" - это верно как в отношении преступлений, так и в отношении других вещей.

На противоположном конце жизненного пути особой причиной преступлений является дегенерация физических или психических сил. В первом случае человек может оказаться без средств к существованию и вынужден заниматься преступной деятельностью, чтобы заработать на жизнь. Во втором случае у него могут развиваться наклонности и совершить

определенные преступления, которые совершенно не соответствуют его прежнему поведению.

В результате старческих изменений в теле и сознании некоторые старики преступают закон. Когда состояние выражено, с ними борются, но в некоторых случаях это лишь подозрение, не поддающееся доказательству. Вопрос лишь в том, куда их отправить - в тюрьму или в приют для умалишенных.

ГЛАВА VI

СЕКС И ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Положение женщины - Позирование мужчин - Любовь и преступление - Два случая кражи из сексуального влечения - Женщина-воровка - Случай шантажа - Ревность и преступление - Два случая убийства - Случай нападения - Меньше женщин, чем мужчин, являются преступниками - Их большая трудность в Молодые девушки и сексуальные преступления - Перилы девичества - Заработная плата и поведение - Экзотические стандарты одежды - Невежество и проступки - Домашняя прислуга - Ее трудности - Случаи сокрытия беременности - Виновник и отец - Морали - Падшая женщина - Бигамия.

К добру или к худу произошли и еще произойдут большие изменения в относительном социальном и политическом положении полов. Женщины отстранены от политической власти по причине их пола, и для того, чтобы противостоять или оправдать это положение вещей, обсуждается все, кроме пола. Доказывается, что женщина не менее умна, чем мужчина, платит по счетам, по крайней мере, так же быстро, может работать так же много и на таких же разнообразных работах, способна превзойти его в учебе, проявляет столько же интеллекта, более нравственна и иногда может быть большей помехой для своих соседей. Все это может быть очень веской причиной для предоставления ей права голоса, но не отменяет того факта, что между полами существует большая разница. Это может и не быть причиной для исключения ее из участия в прямых выборах представителей в парламент, но это факт, который нельзя упускать из виду и который, кажется, забывается, когда он не преуменьшается намеренно обеими сторонами спора. Мужчина - это нечто большее, чем его мозг, так же как и женщина. Действительно, их мысли и поступки часто являются результатом состояния их других органов; и влечение одного пола к другому чаще всего нарушает расчеты наблюдателей. Среди примитивов в нашей стране главным предметом интереса после средств к существованию, а иногда и раньше, является противоположный пол; и если судить по книгам, пользующимся наибольшим спросом, те, чьи возможности более разнообразны, далеко не равнодушны к той же теме. Молодой человек, которого не обуревают желание вызвать восхищение у какой-нибудь девушки - возможно, у всех девушек, - является исключительным существом; по крайней мере, он чувствует себя неловко в их присутствии.

Любовь к привлечению внимания очень распространена, но хотя она заставляет мужчин совершать множество странных поступков, чтобы получить похвалу от своего собственного пола, гораздо чаще она толкает их на экстраординарные действия, чтобы добиться восхищения женщин. Кто больше движим этим чувством - мужчины или женщины - сказать невозможно, но мужчины чаще выставляют себя на посмешище. Их нынешнее социальное положение дает им больше возможностей для этого; ведь воспитание и традиции женщины не позволяют ей открыто поддаваться своим чувствам, а когда она это делает, результат может быть катастрофическим. Молодые люди часто принимают позы, чтобы привлечь внимание представителей противоположного пола, и их чувства могут ослепить их, чтобы они не осознали последствий своего поведения.

Слишком сильный интерес к чему-либо другому губителен для бизнеса, и это правило не имеет исключений в пользу амурных людей; поэтому нередки случаи, когда парень теряет свое место из-за невнимания к работе, что является результатом увлеченности своими любовными делами. В некоторых социальных слоях такое состояние ума может привести парня к преступным действиям. Х 22 был интеллигентным парнем, который впал в преступность и продолжал ее совершать. В детстве он не преступал закон, хотя его ранние годы прошли в той части города, где царит ужасающая атмосфера и низкие нравы. Последние годы детства он провел в пригородном поселке и пошел работать в этот район. Когда ему было около семнадцати, там разразилась эпидемия "клубных танцев", то есть мест, где несколько молодых людей, наняв комнату и скрипача, брали с других небольшую сумму за вход на танцы - девушки допускались бесплатно - и после делили между собой прибыль или убытки. Танцоры обычно были сыновьями и дочерьми респектабельных людей, но их поведение после танцев не было невинным. Самые пылкие из них страстно увлекались посещением подобных заведений и в результате теряли и работу, и репутацию. В конце концов скандал, связанный с этим, стал настолько велик, что под давлением общественного мнения "клубы" были прекращены. В свое время их было много, и они были распространены на обширной территории. Молодой человек, о котором я рассказываю, был энтузиастом и в поисках удовольствия порой отправлялся далеко за город. Он работал с раннего утра и танцевал до поздней ночи, и только утром возвращался домой. Он не мог одновременно работать и получать удовольствие, и работу пришлось оставить. Пришлось искать деньги, и он добывал их нечестным путем, с меньшим трудом, чем на работе. Этому пришел конец, и это его добило. Оказавшись в тюрьме, он обнаружил, что двери некоторых клубов для него закрыты, но были и другие. Теперь ему не удавалось так легко сбежать, когда он воровал, поскольку его знали; и постепенно его отстранили от удовольствий, которые сбивали его с пути, и он оказался в компании тех, кто, как и он, сидел в тюрьме. Он был лишь одним из тех, чье падение приписывали танцам; но он не сомневался, что если бы танцы были между людьми одного пола, они бы никогда не сбили его с ног. Его привлекал именно сексуальный элемент в этом деле.

В данном случае мужчина потерял постоянную работу из-за того, что был поглощен поисками женщин, но во многих других случаях положение теряется из-за нечестности, вызванной желанием произвести впечатление на какую-нибудь девушку или обеспечить ее. Х 23 был юношей с хорошим характером, спокойным поведением, хорошим образованием и занимал доверенную должность. Он был серьезен и трезв в своих поступках и разговорах и, похоже, со временем мог стать столпом Церкви и образцовым гражданином. Его привлекала девушка с хорошей репутацией, и ни разу ни у кого из них не возникло и намек на неподобающее поведение. Она потеряла свое положение не по своей вине, и он поселил ее в доме, который обставил за счет своих работодателей, выразив намерение жениться на ней позже. Между ними не было никакой неподобающей близости. Те, кто знал его, были

удивлены тем, что он смог обеспечить ее всем необходимым, удивились его выбору в качестве жены; впрочем, такое отношение друзей не редкость, и в равной степени были удивлены и огорчены, когда выяснилось, что для создания заведения он использовал не свои деньги.

Можно было бы легко привести множество примеров, когда отношения между сторонами были менее невинными, и показать, что не только молодые люди, но и мужчины, достигшие зрелого возраста, были вынуждены жертвовать своим положением из-за влечения к другому полу.

Женщины не знают о своей власти, и преступники среди них знают, как использовать ее в своих интересах. Благодаря своему полу они могут совершать множество краж и безнаказанно скрываться; действительно, очень большая часть краж у людей совершается женщинами или при их содействии. Они привлекают мужчину, идут с ним рядом, обчищают его карман и находят какой-нибудь предлог, чтобы поскорее от него избавиться. Когда он обнаруживает свою потерю, они оказываются вне досягаемости, и в подавляющем большинстве случаев он ничего не говорит об этом полиции, так как это вызвало бы скандал вокруг него самого. Только когда потеря слишком велика, чтобы ее нести, или когда украдено что-то, что нельзя заменить, о краже сообщают; и даже в этом случае вора трудно осудить. X 24 - девушка двадцати шести лет, которая за последние восемь лет несколько раз была осуждена за кражи. Это красивая и жизнерадостная девушка, не склонная ни к пьянству, ни к разгулу, проникательная, обладающая немалой долей ума и юмора. Воспитанная в трущобах, она рано начала работать, а когда начала свою нынешнюю карьеру, то честно зарабатывала около четырнадцати шиллингов в неделю. Некоторое время назад меня попросили встретиться с ней по поручению одной дамы, которая заинтересовалась ею после ее появления в суде и хотела помочь ей изменить образ жизни к лучшему. Она была со мной предельно откровенна и отказалась от помощи, сославшись на то, что сама справится. Она сказала, что без особого труда может заработать вдвое больше, чем на работе, и при этом почти не рискует. "Вы прекрасно понимаете, доктор, что эта дама ничего не может для меня сделать. Может быть, она пристроила бы меня к своим слугам, и это было бы неплохо для слуг! Нет, нет. Когда я пойму, что не плачу, я брошу это дело. Пока выпивка не возьмет меня в руки, я буду богата, и этого можно не опасаться". Как и другие представители ее класса, она не живет проституцией, хотя ее пол - это ее приманка. У нее нет предрассудков в пользу целомудрия, но она тщательно следит за тем, чтобы не подвергать себя ненужному риску, и найдет способ уйти от мужчины, которого подцепит, - если возможно, с его кошельком, а если нет, то без него, - прежде чем дело дойдет до крайности.

Другие, действуя в согласии с сообщниками-мужчинами, заманивают мужчин в дома, где их запугивают и грабят; и это происходит с такой степенью безнаказанности, которая была бы удивительной, если бы не тот факт, что, хотя эта практика хорошо известна, мало кто из тех, кто пострадал от потери денег, заботится о том, чтобы добавить к этому потере репутации, которая может возникнуть, если им придется предстать перед судом.

Шантаж - еще одна практика, проистекающая из поведения мужчин и женщин, на которых сексуальные импульсы влияют в сторону порока и преступлений; а ревность - мощный фактор, вызывающий некоторые преступления, связанные с насилием. Ревность, как правило, не встречается у тех, кто сам распушен в своем поведении, но среди них она может существовать так же интенсивно и проявляться так же мощно, как и у любого respectable гражданина. Похоже, что это в значительной степени вопрос темперамента и в какой-то степени существует отдельно от стремления к исключительному владению. X 25 был бывшим солдатом, женатым на женщине с низкими моральными

принципами. Они оба вели себя развязно и любили выпить. Несколько раз он нападал на нее за неверность, но признавал, что не ревность была причиной его поступка; при этом он признавал, что и сам был таким же плохим. Он уехал на войну, и в его отсутствие она вела себя очень плохо и с головой ушла в выпивку. Она жила с другим мужчиной. По возвращении он поселился у нее, и этот другой мужчина стал источником ссор между ними, особенно когда они выпивали. Он, по общему признанию, ревновал, хотя, похоже, у этого чувства не было никакой, кроме ретроспективной причины. Однажды в ходе ссоры она сравнила его с другим мужчиной в невыгодную для него сторону, и он жестоко набросился на нее и убил.

X 26 - моряк, привязавшийся к женщине, которая, как он знал, была проституткой. Приехав в Глазго, он поселился у нее, прекрасно зная ее характер. Он свободно тратил на нее свои деньги, но не мог оторвать ее от своих сообщников. Однажды ночью она настояла на том, чтобы покинуть дом, где они остановились. Она была сильно пьяна, и он попытался ее задержать. Она настояла на том, чтобы пойти в дом другого мужчины, которого он знал; когда он попытался убедить ее остаться на месте, она сделала сравнение между ним и другим, что привело его в слепую ярость и ревность, и он убил ее. Эти случаи имеют схожие черты: терпимость к общей неверности, ревность к конкретному человеку и взрыв, когда другого хвалили за определенные качества.

То же самое происходило и с женщинами. Однажды во дворе тюрьмы одна женщина, обычно спокойная в своем поведении, внезапно напала на другую, которая была помещена в тюрьму накануне. Оказалось, что нападавшая слышала, что женщина, на которую она напала, живет со "своим мужчиной". Этим мужчиной был надутый негодяй, которого она отмазала, признав себя виновной в краже, в которой он был замешан. Сама она была проституткой, и когда я указал, что с моральной точки зрения он не может быть хуже ее в этом отношении, она признала этот факт, но яростно добавила, что не позволит этому отнять его у нее; хотя она была готова признать его никчемность. Было бы легко теоретизировать по поводу этих случаев, и это могло бы быть интересно; их стоит отметить, потому что они показывают, что преступление может быть результатом страсти в обстоятельствах, когда его нельзя было бы ожидать.

Дело в том, что чувства, возникающие в результате секса, гораздо глубже и шире, чем многие хорошие люди хотят признать; но на эту тему наложено табу, и по этой причине ее нельзя рассматривать так откровенно, как следовало бы. Причина ревности и возбуждения этого чувства не так проста, как многие думают. Она может отсутствовать там, где, казалось бы, есть серьезные основания ожидать ее присутствия, и проявляться при обстоятельствах, когда ее и не ждали бы; а когда она присутствует, то может побудить к преступным действиям по провокации, которая покажется незначительной.

Преступников и правонарушителей среди женщин меньше, чем среди мужчин, но они чаще, чем мужчины, продолжают идти по неверному пути, так как им труднее оправиться. Женщины гораздо жестче относятся друг к другу, чем к мужчинам, или чем мужчины - либо к своему полу, либо к женщинам. Возможно, это одна из причин, почему так мало из них сбиваются с пути, но это также способствует тому, что заблудшие овцы не возвращаются в стадо. Девочка более тщательно охраняется дома и более тесно связана со своей матерью, чем мальчик. Даже те матери, которые пошли по плохому пути, не всегда хотят, чтобы их дочери следовали их примеру; и я знал тех, кто жил в пороке и преступлении, которые отправили своих дочерей подальше от них, чтобы они были обучены религии и морали. Большинство из них не могут этого сделать, но многие делают то, что могут, до определенного момента, чтобы держать их в порядке. Девочка страдает от невнимания матери больше, чем мальчик, а если к невниманию добавляется дурной пример, это может

иметь для нее фатальные последствия. В пропорциональном соотношении дочерей преступных матерей больше, чем сыновей, которые становятся на путь зла.

Помимо матери, в городе есть районы, где девочки слышат язык и видят достопримечательности, которые вряд ли окажут на них хорошее влияние. Девочку учат подавлять себя больше, чем мальчика, и настраивают на скрытность. Мальчик скорее будет выставлять напоказ свое новообретенное озорство, а потом его проверят или выяснится, что оно не имеет особого значения. Девочка же может вынашивать это во вред себе. Ошибочно полагать, что если мужчина или женщина никогда не употребляют неприличных выражений или не повторяют неприличных историй, то они не производят впечатления, когда их слышат. На самом деле, женская часть любой психушки, как правило, более примечательна, чем мужская, по нецензурности языка заключенных и мерзости их идей. Среди здравомыслящих членов общества, как известно, наблюдается обратная картина, но безумные лишь повторяют слова, которые засели в их голове, когда они были в здравом уме. То же самое можно сказать и о женщинах-правонарушителях; они превосходят мужчин в сквернословии и непристойности их языка, когда начинают.

Когда под влиянием своего окружения девочки начинают подражать старшим в пороке, они становятся гораздо опаснее мальчиков. Каждый хирург в большом городе, если он связан с отправлением закона, знает, что очень молодые девушки иногда становятся объектами ужасных нападений; но он также знает, что другие такие же молодые девушки подстрекают и провоцируют нападения, и что некоторые из них выдвигают самые ужасные и подробные обвинения против мужчин, не основываясь ничего, кроме своего воображения, возбужденного увиденным. Когда мужчины виновны в совершении определенных преступлений в соответствии с Законом о внесении поправок в уголовное законодательство, их поведение не может быть оправдано; им нет оправдания в том, что они пользуются услугами молодых девушек; но игнорировать тот факт, что в некоторых районах города есть девочки школьного возраста, которые намеренно пристают к мужчинам, - это полная глупость. Ужасно, что так происходит, но они поступают так, как видят старшие, и игнорировать этот факт бесполезно.

Если улица - плохая площадка для мальчика, то для девочки она еще хуже. Она рискует больше, и ее невежество так же велико, как и его. Когда она идет на работу, ее подстерегают новые опасности. Ее выбор профессии более ограничен, а заработная плата, хотя и не меньшая на первых порах, не увеличивается в том же соотношении по мере взросления и становления женщины. Что бы ни говорили о высшем образовании для женщин, многим оно недоступно. Большинство девушек думают, что когда-нибудь они выйдут замуж, и часто оказываются правы. Когда эта мысль присутствует, она неизбежно влияет на их поступки. Для мужчины брак означает сохранение работы, для женщины - отказ от нее, во всяком случае, в Шотландии большинство мужчин, которые женятся, стараются держать своих жен дома. Среди более бедных рабочих это не всегда возможно, но остается правдой, что подавляющее большинство замужних женщин не заняты на производстве. У них достаточно дел по дому, а иногда и больше, чем достаточно; но тот факт, что дом должен стать их постоянной сферой деятельности, или надежда на это, делает многих девушек и женщин беспечными в выборе профессии. Кроме того, это в значительной степени препятствует объединению работников и ведет к снижению заработной платы. Как некоторые из них живут на свои доходы, остается загадкой, но они живут; и поддерживают себя в таком состоянии здоровья и физической формы, которое может сравниться с состоянием многих ученых, доказывающих цифрами и стандартами, что это не так. Однако в этом есть серьезный риск; риск, которому не следует подвергаться. Если бы они не были членами

семьи, каждый из которых вносит свой доход в общий фонд и каждый берет на себя часть работы по дому, многие из них не смогли бы существовать на ту зарплату, которую они получают. То, что большое число из них оказываются на улице из-за низкой зарплаты, по моему опыту, не соответствует действительности.

Жалуются, что дети обеспеченных людей соглашались на более низкую зарплату и мешают тем, кто вынужден зарабатывать на жизнь, получать разумное вознаграждение. Это может быть верно в некоторых случаях, но не применимо в целом. Во многих профессиях эти люди вообще не конкурируют; их родители не настолько глупы, чтобы позволять им делать многое просто так; но иногда они оказывают вредное влияние на других девочек своим присутствием. Девушки не менее тщеславны в отношении своей внешности, чем парни, и они не менее склонны к украшательству. Более того, я думаю, мужчины охотно признают, что женщины уделяют больше внимания своей одежде и больше внимания украшениям, чем они. Конечно, когда у одного появляется новый вид шляпной булавки или "шарма", другие должны приобрести что-то, чтобы уравновесить его. Если у девушки есть средства, которые она может использовать помимо своего заработка, она, скорее всего, будет одеваться дороже, чем ее соседки, и у более слабых сестер иногда возникает соблазн принять экстраординарные меры, чтобы не отстать от нее.

Если устанавливается стандарт одежды, который не под силу поддерживать работницам, то девушки, у которых есть другие средства, кроме зарплаты, могут оказывать вредное влияние на своих коллег". Х 27 была молодой женщиной приятной внешности и хороших манер. Она работала в одном из городских предприятий. Ее зарплата была небольшой, но она вела кассовые операции на значительную сумму. Она была спокойно и хорошо одета. Ее арестовали по обвинению в растрате, и она признала свою вину. Она призналась, что начала брать небольшие суммы, чтобы сохранить "респектабельность", и, не обнаружив своих проделок, продолжала помогать себе. Дома она заболела, и, чтобы снять напряжение, взяла более крупные суммы, и ее раскрыли. В ходе расследования я выяснил, что были и другие служащие, ни у кого из которых не было возможности брать из кассы, но некоторые из них одевались на "подарки" от джентльменов. Можно было заподозрить, что каждый из них знал, чем занимались другие. Несомненно, они знали, что их заработок недостаточен для того, чтобы жить и одеваться так, как они одеваются, и столь же очевидно, что в их случаях у них не было средств дома, чтобы дополнить свой заработок.

Есть некоторые мастерские, в которых моральный тон очень низок, а совместное пребывание в них молодых девушек плохо сказывается на их поведении. Поражает невежество многих мужчин и женщин в отношении самых элементарных физических фактов. Из физиологии делают тайны, как будто невинность и невежество - это синонимы. Страх заменяет просвещение, и когда видно, что девушка преступает установленные для нее границы поведения без ужасных последствий, которых от нее ожидали, остальные склонны думать, что их ввели в заблуждение; и некоторые из них легкомысленно приступают к определению поведения с уверенностью, порожденной невежеством, столь же великим, как и то, что когда-то сделало их робкими. Молодым людям лучше узнать правду о себе от тех, кого они уважают и кому доверяют, чем пребывать в неведении до тех пор, пока случай не откроет им искаженную версию. Х 28 был человеком из рабочего класса, которого обвинили в нарушении Закона о внесении поправок в уголовное законодательство. Он был очень трудолюбивым человеком, долгие годы жил на гроши и откладывал большую часть своего заработка. Затем, так же планомерно, как он откладывал деньги, он начал от них избавляться. У него было около 200 фунтов стерлингов, и он стал тратить около 2 фунтов стерлингов в неделю на свои "приступы". Он брал деньги из банка небольшими суммами и,

не делая никакой работы, продолжал пить столько, чтобы оставаться на грани опьянения. Так продолжалось более шести месяцев до его ареста. В начале своих скитаний он познакомился с двумя девушками, работавшими в одном из портняжных заведений города. Они заговорили с ним и сделали ему несколько предложений. Это было в обеденный перерыв. Со временем его знакомили с одной девушкой другую, и в течение последующих четырех месяцев он имел дело с семью девушками в одном и том же заведении, то есть семь признали факты. Их возраст колебался от пятнадцати до девятнадцати лет, и все без исключения они были дочерьми респектабельных родителей, для которых история их поведения стала сильным потрясением. Эта история не требует повторения, она была чрезвычайно грубой. Факты были обнаружены лишь случайно, во время болезни одной из девушек. Сначала она все отрицала, но под давлением призналась в части правды, и, когда обвинение было предъявлено, расследование позволило выяснить остальное.

Большое количество девушек по-прежнему занято в домашнем хозяйстве, хотя в последнее время наблюдается тенденция к поиску работы на производстве, где они часть дня являются сами себе хозяйками. В нехватке прислуги винят распространение элементарного образования, но это лишь одна из многих причин, объясняющих изменение ситуации по сравнению с тем временем, когда девушек, ищущих работу, было больше, чем мест для них; и вряд ли девушки будут искать работу под влиянием замечаний тех, кто, судя по их высказываниям, нуждается в элементарном образовании в отношении своего собственного положения. Похоже, в их головах засела мысль, что они имеют право на то, чтобы их обслуживали другие, причем на своих условиях. Если школы научили девочек, что они не рождены для того, чтобы делать для других то, что должны уметь делать сами, то в этом есть и их заслуга. К домашней прислуге слишком долго относились как к низшим существам, что привело к тому, что ее работа стала восприниматься как более низкая по характеру, чем работа фабричной или офисной девушки. У людей, занятых в промышленности, допускается большая независимость духа и поведения, чем у домохозяек, и это во многом объясняет предпочтение, отдаваемое этим занятиям.

Работа по дому - это лучшая подготовка к семейной жизни, чем работа на фабрике, но, несмотря на это, она имеет очень серьезные недостатки. Она представляет собой форму семейной жизни без ее духа. Во многих случаях она имеет все недостатки и мало преимуществ. Те, кто громче всех жалуется на вырождение прислуги, совершенно ясно показывают, что они злятся на самом деле потому, что больше не получают девушек, способных не только на разумную службу, но и на послушание прислуги. С девушками в мастерских обращаются не так, как с домработницами; они бы этого не выдержали. Их зарплата может быть ниже, но, по крайней мере, на них не смотрят как на существ другого вида, чем те, кто над ними поставлен. Когда люди избегают определенных видов работы, это, как правило, не потому, что они глупы, а потому, что они считают, что такая работа не стоит того, чтобы ее выполнять.

Служанка в доме - это слишком много. Ее хозяйка вполне готова считать, что она должна знать все, что делает девушка, но уверенность в этом должна быть только с одной стороны. Для хозяйки вмешиваться в дела девушки - значит проявлять к ней должный интерес, а для девушки отвечать комплиментом на комплимент - дерзость. Девушка часто находится под несимпатичным надзором; ей редко позволяют общаться с теми, чьей компании она желает; ее жизнь однообразна и требовательна; и во многих случаях у нее так же мало возможностей для встречи с гостями, как и для посещения. Неудивительно, что некоторые из них неблагоприятно реагируют на такие условия; и когда они выходят на улицу, они могут проявлять ту же склонность к игривости, что и другие домашние животные - семейные

собаки. У многих из них мало друзей поблизости от места работы, и их работа не дает им таких возможностей для завязывания дружеских отношений, как работа на производстве. Если они сбиваются с пути, последствия оказываются более серьезными, потому что они в значительной степени брошены на собственные силы, и у них мало тех, к кому они могут обратиться за помощью или советом.

Нет работников, которые были бы более трудолюбивыми, честными и терпеливыми и которых бы судили более строго. Только те, кто ошибается, привлекают внимание; по крайней мере, только о них и слышно; и в пропорции к большому числу занятых их немного. Их положение вдали от семьи делает их более подверженными вниманию представителей противоположного пола, чем другие девушки, и когда они поддаются, последствия могут быть более серьезными. Если их состояние подозревают или обнаруживают, то вскоре становится очевидной степень, в которой они считаются членами семьи. Девушка, находящаяся в таком состоянии, не питает иллюзий на этот счет. Она прекрасно понимает, что не получит сочувствия, и это не имело бы такого значения, если бы она не была так же уверена, что ее выкинут, как только об этом станет известно. Она не может смотреть в глаза своим людям. Она боится скандала, который навлечет на них, и что ей делать - для нее загадка. Она старается как можно дольше скрывать свое состояние. Она прекрасно понимает, что придет время, когда оно безошибочно проявится, но за это время может произойти все, что угодно. Она отказывается думать о будущем и живет настоящим. Усилия, которые должны быть потрачены на подготовку к событию, уходят на то, чтобы скрыть его приближение, пока в один прекрасный день она не обнаружит, что стала матерью. Привычка скрывать стала ее частью, и она проявляет себя в состоянии боли и паники, в котором она оказывается, что приводит к катастрофическим последствиям для ребенка. Х 29 - девушка около двадцати лет, приехавшая из шахтерского района в Глазго в качестве домашней прислуги. Она была здоровой девушкой и хорошей служанкой. Однажды у ее хозяйки появились основания подозревать, что в доме произошло нечто, о чем ей не было известно; в результате обыска в пристройке был обнаружен труп новорожденного ребенка. Девушку арестовали и отправили в больницу. Со временем ее перевели в тюрьму, где я должен был расследовать дело, чтобы определить ее психическое состояние. Она рассказала мне всю историю по частям и довольно четко. Когда ей стало известно о своем состоянии, она предприняла шаги, чтобы скрыть его, и до самого конца ей это удавалось. Она делала это для того, чтобы решить, как ей поступить. Иногда она решала пойти домой к друзьям, а иногда намеревалась подать заявление в приход. Здоровье ее все время было в порядке. В конце концов она решила вернуться домой и написала письмо, в котором изложила свое намерение, но ничего не сказала о своем состоянии и о том, что собирается там остаться. Ребенок родился накануне того дня, который она назначила для своего визита. Она была застигнута врасплох и не готовилась к его появлению. Своими действиями она показала, что знает, что необходимо для ухода за ребенком и матерью. Ребенок закричал, и она в тревоге зажала ему рот. Больше он не кричал, и она принялась за его сокрытие. Она знала, что убила его, но не считала это убийством. Она сочла бы это убийством, если бы он не был только что рожден. Она видела, как о подобных случаях писали в газетах как о "сокрытии беременности" и не считали убийством. Поскольку у нее был выходной, она навестила его. При этом она прошла не менее десяти миль. Своим друзьям она ничего не сказала. Она надеялась, что сможет избавиться от тела, но хозяйка обнаружила подозрительные признаки в своей комнате и при обыске обнаружила ребенка. Она была любопытно осведомлена в некоторых вопросах, но ее невежество было столь же необычным, как и ее знания; и у меня не было причин сомневаться в правдивости ее рассказа, который выдержал все проверки, какие только можно было к нему применить.

Этот случай в своих основных чертах весьма характерен. Есть хозяйки, которые, обнаружив своих слуг в таком состоянии, принимают меры, чтобы хоть как-то позаботиться о них. От них нельзя требовать, чтобы они оставались в доме, но они делают все возможное, чтобы мать и ребенок не страдали. Есть и такие, кто просто выкидывает их из дома и больше не проявляет к ним никакого интереса; именно страх перед этим и приводит к сокрытию. Если бы они хотя бы выступили в роли посредников между девочками и их людьми, то многие беды были бы предотвращены.

Таких случаев, как описанный выше, почти не бывает, но в газеты приходят письма с требованием посадить отца младенца на скамью подсудимых вместе с матерью. Мать находится там не за вынашивание ребенка, а за его убийство, а первое деяние еще не наказуемо законом. По общему мнению, мужчины постоянно соблазняют женщин, и я не могу сказать, правда это или нет. Судя по книгам, это является темой многих историй, но я здесь пишу только о той небольшой части мира, которая попала под мое собственное наблюдение, и по моему опыту это гротескная неправда. Я слышал показания женщины в подавляющем большинстве случаев детоубийства в Шотландии за последние шестнадцать лет и могу вспомнить лишь несколько случаев, когда она предъявляла какие-либо претензии к отцу ребенка, хотя я и пытался это выяснить. В некоторых случаях мне говорили, что отец не был поставлен в известность о состоянии женщины, хотя она знала, где его найти; и что его держали в неведении, потому что она не хотела выходить за него замуж. В других случаях зачатие, по-видимому, было результатом временной и давно закончившейся близости. Я далек от мысли, что не существует плохих мужчин, которые сбивают девушек с пути; я говорю лишь о том, что в данном случае преступницами оказываются не девушки.

Дело в том, что среди определенного класса парней и девушек существует определенная степень раскованности поведения, которая разительно отличается от официально признанного кодекса морали. Они рискуют с легким сердцем, а расплачивается за это женщина; не всегда потому, что мужчина уклоняется, а потому, что любые последствия их поведения влечет за собой ее пол. Девушка знает это так же хорошо, как и парень, но ни один из них не задумывается о последствиях в тот момент. Знакомство, начавшееся достаточно невинно, может незаметно и постепенно превратиться в нечто большее, причем не в результате размышлений, а совершенно независимо от каких-либо мыслей. Если бы последствия были определенными, все могло бы быть иначе. Трудно распределить вину, да и не очень выгодно пытаться; но совершенно точно, что женщина ведет мужчину к проступку в той же степени, в какой он ведет ее. Убийство ребенка не является необходимым следствием его поступка, и нет смысла предполагать, что он знал о состоянии девочки и бросил ее, когда этот факт можно легко установить.

Было бы большой ошибкой полагать, что девушки, не сохранившие целомудрие, обязательно плохие. Это в значительной степени вопрос манер и обычаев. Они с готовностью признают, что быть непорочной неправильно, как многие нечестные люди признают, что лгать неправильно; но, похоже, они не страдают ни от самоуважения, ни от уважения окружающих, если уступают себя парню, который на время становится их возлюбленным. Их поведение может вызывать подозрения, но в отсутствие доказательств и при соблюдении приличий их нравственность принимается как должное.

Каждый профессиональный человек знает, что в Глазго существуют самые разные стандарты поведения. Врач при всем желании не может закрыть глаза на этот факт; адвокат за то время, что он работает агентом по делам бедных, видит и слышит достаточно, чтобы убедить себя в том, что исповедуемые и действующие нормы поведения различаются; и даже среди тех, кто связан со своими церквями, священники иногда находят тех, кто вынужден жениться из-за

своего поведения. Девушек, которые ведут себя подобным образом, можно порицать как проституток, но это совершенно неверное суждение о них. То, что они не хуже мужчин, само собой разумеется; но не может быть одного стандарта для женщины и другого для мужчины, хотя на практике чаще всего моралисты пытаются создать один - не своими словами, а следствием своих суждений. Та же самая девушка, которая отдается мужчинам, иногда бывает самой горькой в своих обличениях проституток; но в тему проституции я не собираюсь вступать, поскольку любое реальное рассмотрение ее подразумевает откровенность речи, на которую было бы небезопасно отваживаться.

Однако следует сказать, что с заблудшей женщиной закон обращается позорно, что загоняет ее еще глубже в трясину и делает ее исправление более трудным, чем любого другого преступника. Любое предложение отдать эти бедные души под власть чиновников, медиков или полицейских (будь то под благовидным предлогом общественного здоровья или общественной морали), усугубит трудности и приведет, как того и следовало ожидать, к увеличению зла, которое пытаются устранить. Плохо, если кто-то из членов общества становится рабом чужих пороков, но еще хуже утверждать их в этом рабстве, чтобы защитить тех, кому они служат.

В соотношении с количеством преступлений, совершенных женщинами, двоеженство, по-видимому, более распространено, чем среди мужчин. Причина во многом экономическая, но способ ее действия зависит от пола. Женщина хочет иметь свой дом, но если бы она не была женщиной, она бы не выбрала такой способ обзавестись им. Она могла бы устроиться, но чувство приличия не позволит ей принять положение без формы брака, даже если она знает, что эта форма незаконна. Однако во многих случаях она этого не знает. У нее могут быть основания для развода по причине покинутости мужа или его неправомерных действий; но основания для развода и возможность его получить - разные вещи. Если развод должен быть разрешен, то нет никаких причин отказывать в нем тем, кто не может позволить себе обратиться в суд для его получения. Если одна из сторон брака дает повод для развода, потребность в нем будет тем больше, чем выше бедность, поскольку люди в меньшей степени способны не мешать друг другу, если они живут вместе в небольшом доме, чем если бы у них было больше места; а если они живут раздельно, экономические неудобства не становятся меньше. Однако именно эти люди в наименьшей степени способны получить облегчение; их бедность гарантирует это. Когда они вступают в брак с кем-то другим, мы оплачиваем их содержание в тюрьме. Эти деньги лучше было бы использовать, чтобы освободить их от договора, который нарушился. Некоторые из них добровольно отдают себя в руки, полагая, что тюремное заключение разрушит прежний брак. Наши судьи все больше склоняются к снисходительному отношению к таким случаям; они оставляют суровые приговоры для тех, кто демонстрирует моральную неприкосновенность, а таких немного. Для женщины в форме брака есть что-то, что позволяет ей сохранить самоуважение, а "брачные линии" являются свидетельством для других. По их мнению, это странное положение вещей, которое позволяет им жить с женщиной, если они не проходят через церемонию брака с ней, и отправляет их в тюрьму, если они это делают; ведь от них нельзя ожидать, что права собственности могут зависеть от запрета на поведение, подобное их.

ГЛАВА VII

НАКАЗАНИЕ

Универсальное лекарство - Все - Общественность и рекламный целитель - Суть всего шарлатанства - Шарлатанство наказания - Рациональное лечение - Справедливость, а не дурной нрав - Возмездие - Наши отцы и мы - Их методы не обязательно подходят для нашего времени - Смертная казнь - Неизлечимые и Возражения против смертной казни в той или иной степени относятся ко всем наказаниям - "кошка" - палач и хирург - порка и ее последствия - выпоротый преступник - действие и намерение - боль и жизненная сила - неравные последствия наказания - штрафы и их бремя - кого наказывают больше? - Наказание и искупление - Наказание и сдерживание - Общественное мнение - реальный сдерживающий фактор - Вредные социальные круги - Уважение к закону - Профилактика преступлений.

С тех пор как газеты стали прекрасным средством рекламы, их читателям с помощью картинок и рассказов навязывается информация о том, что нужно бежать от бед и искать убежища в патентованной таблетке. Здоровье - это великая вещь, о которой нужно заботиться, и есть большое количество людей, занимающихся нашим обучением. Одни хотят, чтобы мы следили за равномерным развитием всех наших мышц, хотя что мы должны делать с ними, когда они развиты, мы можем не понимать. Другие предписывают всем нам правильное питание, и хотя профессора расходятся во мнениях относительно того, что является лучшей пищей для человечества, они, похоже, сходятся во мнении, что существует универсальная пища. Если мы обнаруживаем, что их рецепты нам не подходят, это свидетельствует о вырождении с нашей стороны, которое необходимо преодолеть. Все это очень похоже на то, что выдается за образование. В школе, если мальчик проявлял способности к рисованию и не проявлял их к композиции, его отрывали от того, что он умел делать, и заставляли заниматься тем, к чему он не был приспособлен, в результате чего во многих случаях дети покидали школу, умея делать ряд вещей одинаково плохо и лишь немногие - хорошо. Попытка сделать людей амбидекстрами скорее всего приведет к тому, что они станут левшами на обе руки.

Здоровье - величайшее из благ, но человек, постоянно заботящийся о своем здоровье, не является здоровым человеком; время идет, и он может потерять свою жизнь, пока готовится жить. Его побуждают к самоанализу, описывают все возможные недуги, которые могут ему досадить, и преувеличивают их значение до нервного срыва. Для каждого недуга, которому подвержена плоть, находится свое средство, о действенности которого трубят до тех пор, пока какое-нибудь столь же безошибочное лекарство не заменит его в общественном мнении. Спасительное средство может быть названо шарлатанским препаратом, а его состав провозглашен и осужден обычным врачом, но покупателей найдется достаточно, чтобы оправдать расходы на его рекламу. Он обязательно принесет кому-то пользу, каким бы невероятным ни был этот эффект, и обязательно найдется страдалец, который будет достаточно благодарен, чтобы засвидетельствовать свое излечение. Некоторые из свидетельств могут быть поддельными, но многие из них такие же подлинные, как и те, что получают врачи. Читатель видит, что миссис Дэш уже много лет страдает от болей в спине, испытывает терпение и рецепты всех врачей, к которым она обращалась, и не получает никакого постоянного облегчения. Она была вынуждена смириться с состоянием хронического инвалида и вызывает жалость у всех, кто ее знает. От подруги она узнала о чудесном лечебном эффекте Rational Rheumatic Regimen и начала лечение, в результате чего

ее соседи не могут поверить, что это та же самая женщина, а сама она чувствует себя здоровее, чем когда-либо прежде. Далее следует список симптомов, который наверняка понравится кому-нибудь из страдальцев. Публика, зная все, что можно сказать против шарлатанских лекарств, не доверяет и покупает их. Покупатель знает, что случай миссис Дэш опубликован не из филантропических, а из деловых соображений, но он думает, что то, что вылечило ее, может помочь и ему. Может помочь, а может и нет, но он рискует.

Даже те, кто категорически осуждает шарлатанские лекарства, легко впадают в заблуждение, когда обсуждают социальные темы; ведь суть шарлатанства заключается в вере в то, что то, что хорошо для одного человека, должно быть хорошо для всех остальных. Болезни - это не сущности, а условия, которые не могут существовать отдельно от человека; точно так же и преступность не может существовать отдельно от общества. Мы можем изменить условия таким образом, чтобы уменьшить тенденцию к болезни или преступлению; но когда человек заболел, мы должны знать о нем нечто большее, чем факт наличия у него определенных симптомов, прежде чем его можно будет лечить рациональным способом и с перспективой на выздоровление. Так и в случае совершения преступления мы должны знать нечто большее, чем сам факт, прежде чем появится надежда на его исправление. В практике подгонки наказания под преступление столько же шарлатанства, сколько и в практике подгонки лекарств под болезнь.

Когда человек преступает закон, он попадает в руки служителей закона; и они пробуждаются к пониманию бесполезности своего обращения с ним, но пока что не наблюдается большого прогресса в направлении рационального метода. Проектируется больше учреждений и предлагается большее разнообразие средств лечения; но они зависят от характера преступления, а не от характера и состояния преступника. Возможно, когда-нибудь будет признано, что суд, который должен определить, виновен ли человек в инкриминируемом ему преступлении, не является, следовательно, судом, который может определить его лечение, но сначала потребуется более общее признание того факта, что, прежде чем рационально лечить человека от любого физического, психического, морального или социального недостатка, о нем должно быть известно нечто большее, чем то, что этот недостаток есть.

Я не утверждаю, что рациональное лечение будет неизменно успешным; в этом мире нет ничего абсолютного, даже наше невежество; но я утверждаю, что мы не имеем права действовать иррационально в обращении с преступниками, а именно так мы обычно и поступаем в настоящее время. За последние шестнадцать лет судебная практика изменилась гораздо больше, чем законодательство, и судьи стали чаще запрашивать информацию о тех, кто предстает перед ними, а также с большей неохотой отправлять преступников в тюрьму, если есть вероятность, что они не повторят своего преступления.

Старые теории наказания разрушились, и теперь трудно найти какую-либо последовательную теорию, лежащую в основе практики. Когда совершается преступление, шокирующее общественность своей жестокостью, раздаются требования жестокого возмездия преступнику, отчасти на том основании, что он должен пострадать, а отчасти для того, чтобы удержать других от повторения этого деяния. Кстати, те, кто больше всего настаивает на привлечении палача, показывают, что им присуща доля того же духа, который породил осуждаемое ими деяние. Они справедливо возмущаются, но, похоже, не понимают, что справедливость и дурной нрав - не одно и то же.

Мало кто станет защищать буквальное применение принципа возмездия "око за око". Они знают, что глаз человека может быть не так полезен для него, как то, что он уничтожил, могло быть полезно для его жертвы. Это все равно что взять золото и предложить взамен свинец.

Даже если глаза равны по стоимости, пострадавшему ни в малейшей степени не поможет осознание того, что человек, причинивший ему вред, так же слеп, как и он сам; а для общества это означает, что на месте одного слепого окажутся два слепых. Разумеется, никто не предлагает поступать подобным образом с человеком, ослепившим другого; но многие вполне довольны тем, что действуют по этому принципу и применяют его, убивая убийц и пороть тех, кто совершает нападения. Закон запрещает определенные действия как не соответствующие нормам поведения, допустимым для членов общества. Когда человек лишает себя жизни, чтобы показать ему святость жизни, он лишает себя жизни. Это урок для него; и еще можно сказать, что он предотвращает его от повторных преступлений.

Мы все знаем, насколько мы превосходим бедных иностранцев в наших манерах и силах, ибо, несмотря на нашу скромность, наши учителя в прессе постоянно настаивают на этом, и правда заставляет нас признать это. Однако те же самые учителя иногда сбивают нас с толку своими методами защиты, когда нас обвиняют в поступках, которые мы не можем отрицать. Некоторая необходимая суровость в войне или решительные действия со стороны тех, кто от нашего имени учит туземные расы, как жить, могут вызвать замечания со стороны других народов. Мы тут же слышим, что они поступали так же; но если мы лучше их, то, конечно, должны доказать это своими действиями? Если мы лучше тех, кого судим и осуждаем, почему мы поступаем с ними так, как они поступают с другими?

Нанимать человека для убийства другого - странный способ научить мужчин уважать жизнь. То, что наши отцы так поступали, - правда, и мы переняли эту практику у них. Я не считаю вероятным, что наши отцы были большими дураками, чем мы, но обстоятельства у них были другие; не говоря уже о том, что они передали нам накопленный ими опыт гражданской жизни, который они не успели усвоить. Возможно, мы не лучше их, но они не преминули внести свой вклад в то, чтобы нам было лучше, а их методы ведения дел не подходят к изменившимся обстоятельствам, в которых мы оказались. Они больше, чем мы, беспокоились о своих боевых людях и всегда могли подвергнуться нападению со стороны какого-нибудь лорда, чьим почетным занятием было оружие и кто усердно занимался им. Он или кто-то подобный ему, по его словам, защищал труженика и обеспечивал ему плоды его труда без всяких скидок. Боевой человек всегда занимался этим ремеслом; но он никогда не защищал рабочего от рабочего; он защищал рабочего от какого-нибудь другого воина, который может быть более неприятным - или не быть. Теперь он находится под руководством закона, и ему не позволено вести войну за свой счет. Те, кто выжил, становятся преступниками.

В старые добрые времена губернатор часто был занят и не имел времени возиться с преступниками. Их ждали яма или виселица, если только от них не требовалось воздержаться от беспокойства и заплатить ему за то, что он позволил им работать. Часть времени он сам был узником в своей замке - и это была не самая лучшая тюрьма с хорошими санитарными условиями и комфортом, - а в другое время он исполнял обязанности надзирателя над другим лордом, которого он осаждал. Самым простым способом расправиться с непокорными людьми было повесить их на дерево и оставить там; они заслуживали этого, а если и не заслуживали, то могли это сделать; в любом случае они были хорошим избавлением. Теперь мы стали более уравновешенными и менее резкими в отношениях друг с другом. Мы уже давно перестали прибегать к услугам палача, за исключением случаев убийства, да и то в Шотландии это наказание применяется редко, поскольку оно противно чувствам большинства присяжных, а они называют убийство убийством только тогда, когда их чувство негодования берет верх.

Я далек от мысли утверждать, что в настоящее время нельзя привести ни одного довода в пользу смертной казни; я утверждаю, что она является выдающимся примером применения принципа возмездия; и все же на практике ее обычно защищают на том основании, что преступник настолько плох, что его следует убить - это совсем другое основание. "Что вы можете сделать с человеком, который так поступил?" - задают вопрос те, кто утверждает, что самое худшее применение, к которому можно применить человека, - это убить его. А так ли уж он плох? Я видел несколько очень крепких экземпляров, приговоренных к смерти, и наблюдал, как близкое общение с ними сказывается на надзирателях. Им приходилось постоянно находиться в компании приговоренного, поскольку, хотя его и должны убить, ему нельзя давать возможности покончить с собой; и почти в каждом случае после тесного общения с преступником у них складывалось только одно мнение - что, несмотря на все зло в нем, он все-таки не такое уж плохое существо. В некоторых случаях мнение о его характере было гораздо более благоприятным; но во всех случаях это мнение было результатом встречи с человеком, когда он находился под гнетом закона. Это такое же верное наблюдение, как и то, что приговор был результатом поведения, когда он бежал на свободе. Именно тот человек, который совершил злодеяние, произвел на людей благоприятное впечатление, хотя их официальное мнение было против него; и он не смог бы этого сделать, если бы в нем не было этих качеств.

Возможно, среди нас есть люди, которые настолько плохи, что все, что государство может с ними сделать, - это убить их, чтобы обеспечить безопасность других, но я таких не видел. Есть люди, настолько пораженные болезнью, что их невозможно вылечить, и болезнь может быть такого характера, что она может заразить или пагубно повлиять на тех, кто их обслуживает, но врачам не разрешается их убивать. В этих случаях можно привести не менее веские аргументы в пользу смертной казни, чем в случае с преступниками; есть и те, кто выступает за смертельную камеру для определенных категорий больных и "непригодных". В каждом случае сторонники этого предложения должны быть первыми, кто отправится туда, поскольку само их выступление показывает, что они сами не способны достаточно широко смотреть на благо государства.

Мы слишком мало знаем о возможностях жизни, чтобы обрекать кого-то на смерть. Медик говорит о некоторых болезнях как о неизлечимых; но он далеко не всегда понимает свои слова буквально, вся его жизнь уходит на поиски лекарств. Знания расширяются медленно, и ложный свет выдается за истинный, но, несмотря на все неудачи, прогресс налицо; и сегодня болезни, с которыми не могли справиться наши отцы, могут быть облегчены, а во многих случаях и вылечены. На самом деле доктор имеет в виду, что существует множество болезней, для которых он еще не нашел подходящего средства; и когда мы говорим о неизлечимых людях, мы вправе использовать это слово в том же ограниченном смысле, означаящем, что мы пока не в состоянии их исправить.

Применение смертной казни не оказывает никакого хорошего влияния на тех, кто ею занимается. Я не видел ни одного человека, имевшего к ней отношение, который не стал бы от этого хуже. Что касается врача, который должен присутствовать при этом, то это оскорбляет все его профессиональные, а также личные чувства. Врача учат, что его долг - спасти жизнь, не считаясь с ее личной ценностью. Когда его вызывают к пациенту, не имеет значения, святой это человек или грешник; его долг - сделать для пациента все возможное, независимо от характера, и рисковать заражением ради злого так же легко, как и ради доброго. По требованию закона он должен принять участие в убийстве человека, которого ему поручили обслуживать, чтобы в нужное время предать его смерти в добром здравии.

Я не говорю, что не бывает людей, которые могут казаться настолько развращенными и мерзкими, что любое исправление представляется лишь отдаленно возможным; но хотя их следует винить за их злодеяния, мы не свободны от вины за то, что позволили им дорасти до такого состояния, прежде чем взять их в руки. Ни в одном из случаев, которые я видел, такое вмешательство было невозможно, если бы наша система была такой, которая способствовала бы предотвращению преступлений и перевоспитанию преступников; но поскольку им было легче и выгоднее делать плохо, чем делать хорошо, они пошли по ложному пути с катастрофическими результатами как для других, так и для себя. Обвиняйте их во что бы то ни стало; но давайте будем справедливы и, выяснив, насколько они виноваты - не слишком выгодное занятие, - давайте выясним, насколько виноваты мы сами; наказав их, как насчет того, чтобы наказать себя? Наше наказание установлено законами, которые ни один парламент не в силах изменить; наше собственное пренебрежение к преступнику гарантирует его.

Возражения против смертной казни применимы ко всем наказаниям до определенного момента, ведь если неправильно убивать человека, то неправильно и калечить его; и в той мере, в какой наше поведение по отношению к нему делает его менее эффективным членом общества, оно калечит его. Есть многие, кто настолько возмущен нарушителем закона, что не может терпеть никого, кто сомневается в том, что наши методы обращения с ним - это все, что можно пожелать. Они возражают против того, чтобы его памперсировали - что бы это ни значило, - и называют сентименталистами всех, кто не выступает за "энергичные средства подавления". Жестокость не менее опасна, чем жалость, и гораздо более вредна; но жалость к преступнику должна играть очень малую роль в его исправлении. Он может быть, и часто бывает, далеко не самым приятным и привлекательным человеком, и последнее, в чем он нуждается, - это жалость. Человек может быть хорошим врачом или хирургом и не проявлять ничего, приближающегося к сентиментальности; но независимо от того, полон он жалости или нет, он должен быть сочувствующим, то есть уметь оценить точку зрения тех, с кем он имеет дело. Так же должен поступать и человек, который будет иметь дело с правонарушителями; если он не справится с этим, то не справится со всем. Можно, конечно, назвать некоторых из них грубиянами и сказать, что с ними следует обращаться как с грубиянами, но это ни в малейшей степени не поможет продвинуться в вопросе обращения; ведь даже с грубиянами нельзя обращаться одинаково, и если с человеком обращаться как с грубияном, это вряд ли заставит его вести себя как человек. "Единственный способ сделать человека мужчиной - считать его таковым, Дж. Б., так же, как ты или я".

Кошка - это специфическое средство для "грубиянов", которые не квалифицированы для "веревки". Аргумент выглядит так: раз человек совершил жестокое преступление, значит, он скотина; раз он нанес серьезные телесные повреждения своему согражданину, значит, нужно нанять человека, который нанесет ему серьезные телесные повреждения. Но не окажется ли человек, которого вы нанимаете для выполнения этой похвальной работы, тоже скотиной? Отменяет ли ваш официальный штамп жестокость его поступка? Если нет, то в итоге у вас будет два грубияна вместо одного.

Никогда не было притворства, что профессия палача не является унижительной; во всяком случае, во всей этой стране на протяжении многих лет. На него не смотрят свысока, потому что своей работой он причиняет боль. Хирург в процессе своей работы причиняет боль, но никто не считает его от этого менее достойным. Любой из них может отрезать руку при исполнении своих обязанностей, но, хотя результат для владельца руки может быть одинаковым, цель была разной. Хирург ампутировал руку, чтобы спасти человеку жизнь; палач отрубал ее, чтобы покалечить. Не может быть возражений против причинения боли

преступнику в большей степени, чем другим, если это связано с курсом лечения, который, как есть веские основания полагать, приведет к его исправлению; но нет таких оснований для веры в эффективность порки.

Я не утверждаю, что никто не стал лучше от порки. Есть много мужчин, которые обычно скромны, как обычно скромны представители нашей расы, и которые говорят, что в детстве их пороли с большой пользой. Небезопасно было бы предположить, что этот аргумент не так убедителен, как может показаться тем, кто его выдвигает. Иногда возникает соблазн подумать, что если бы это лечение действительно было таким эффективным в деле воспитания добродетели, его можно было бы с пользой продолжить; но нет сомнений, что они твердо убеждены, что без порки им было бы хуже, чем сейчас. Это едва ли касается сути дела, ведь одно дело - быть выпоротым чиновником, не имеющим никакого интереса к выпоротому человеку, и совсем другое - быть выпоротым родителем или опекуном, или даже по его просьбе. Воздействие на внутренние органы в обоих случаях может быть одинаковым, но психологический эффект разный. Дети знают, что проступок с их стороны иногда является поводом и оправданием для проявления вспыльчивости со стороны родителей; и они принимают наказание с максимально возможным изыщством и в следующий раз не лезут на рожон. Хладнокровная порка не воспринимается ими в том же духе, и они правы.

Главное возражение против любого произвольного наказания заключается в том, что оно может принести больше вреда, чем пользы. Предположим, ребенок непослушен и упрям, и отец начинает бить его розгами, чтобы добиться послушания. Если ему это удастся, ребенок, возможно, под влиянием страха избежит подобного поведения в будущем; но если ребенок будет упорствовать в своем упрямстве, несмотря на порку, и войдет в то тупое унылое состояние, в котором он, вероятно, впадет в припадок, если порка будет продолжаться, ботинок окажется на другой ноге. Отец вынужден отступить из-за страха, а ребенок, встретив силу с пассивным сопротивлением, становится хозяином, и у него остается впечатление о жестокости и бессилии родителя. В случае с детьми, да и с мужчинами, никогда не стоит начинать курс лечения, который нельзя продолжать до тех пор, пока не будет достигнута цель.

Возможно, в порке мужчин с целью управления ими с помощью страха и была какая-то причина, но успех этой политики зависел бы от тщательности ее проведения. Всегда есть риск, что наказание сделает людей более свирепыми, если оно станет вероятным результатом их проступков, ведь если страх может помешать людям совершить желаемое, он также заставит их искать безопасности, пытаясь уничтожить доказательства своих проступков. Сделайте смерть наказанием за грабеж, и у грабителя появится прямой стимул убить свою жертву и лишиться ее возможности рассказывать сказки. Выпороть людей за нарушение закона, и если они будут бояться боли, то тем охотнее станут безрассудными, по принципу: за овцу можно повесить и ягненка.

То, что в обществе существует сильное чувство против порки, неоспоримо, и это не столько результат рассуждений, сколько чувств. Этот процесс шокирует их чувство приличия. Большинство людей не только не желают испытывать боль, но и не желают, чтобы страдали другие, и они менее склонны верить в эффективность порки как средства исправления. Человек, которого в прежние времена выпороли бы и отправили на работу, теперь отправляется в больницу, если кнут задел его плоть. Хирург стоит рядом и следит за тем, чтобы его жизненные силы не были снижены до определенного предела при исполнении приговора; для него это приятное занятие - наблюдать за ухудшением здоровья человека, а в качестве компенсации негодяй может стать пациентом, а врач - получить привилегию залечивать любые раны, нанесенные под его наблюдением. Теперь пациент может творить

любые злодеяния по своему усмотрению; вы сделали с ним все, что могли, и не имеете права убить его. Если бы в причинах проступков людей разбирались так же строго, как в вопросе их личной вины, то поводов для наказаний было бы меньше, чем сейчас.

Мальчиков по-прежнему бьют розгами за некоторые проступки и в определенных случаях. Сказать, что лучше выпороть мальчика, чем отправить его в тюрьму, значит лишь признать, что порка - менее серьезный из двух способов причинить ему вред; а в некоторых случаях мальчиков пороли и вовсе без всякой причины. Существует вполне обоснованное нежелание приговаривать их к заключению в любом существующем учреждении в сочетании с убежденностью в необходимости наложить на них какое-то наказание за их проступки. Мальчик поступил неправильно и должен за это заплатить. Мир устроен так, что все мы - дети своих поступков; расплата может быть отсрочена, но она должна быть когда-нибудь произведена, если каждый поступок несет в себе наказание; но такая вера вполне согласуется со скептицизмом в отношении необходимости правовых наказаний, которым многие придают большое значение. В самом деле, то, что они также влекут за собой последствия, видно всем, и нет никаких сомнений в том, что те, на кого они обрушиваются, становятся от них худшими гражданами. Это могло бы быть незначительным, если бы их деградация не сказывалась пагубно на обществе, членами которого они являются, но, причиняя им боль, мы причиняем боль самим себе.

Беда не столько в том, что мы делаем, сколько в том, в каком духе это делается. Больной человек, лежащий в постели, может быть таким же заключенным, как и человек в камере. Его врач может не пускать к нему посетителей и назначить ему срок, очень похожий на одиночное заключение, но он знает, что это делается не с намерением причинить ему вред, а потому, что это необходимо в интересах его здоровья или здоровья других людей. У заключенного нет такого мнения о цели своего заключения, как и у тех, кто его исполняет. Может быть, ему и лучше от этого, хотя это исключительный случай, но дискомфорт и боль - неотъемлемая часть любого лечения. Помню, когда я был студентом, один достойный старый врач-практикант считал своим долгом выбирать самые болезненные средства для людей, страдающих определенными заболеваниями, поскольку придерживался мнения, что их нужно заставить страдать за свои проступки. Он, конечно, заставлял их страдать, но, поскольку они не были вынуждены его посещать, они выбирали других, которые излечивали их быстрее и с меньшей болью.

Сейчас общепризнано, что боль или все, что снижает жизненную силу, действует пагубно и замедляет выздоровление пациентов; и принимаются все меры, чтобы предотвратить страдания, но не потому, что они заставляют пациента чувствовать себя плохо, а потому, что они заставляют его быть плохим. Предположим, хирург сказал бы человеку, который предстал перед ним с раной на голове, полученной в результате падения на бордюр в нетрезвом состоянии: "Вы поступили глупо и нечестно, так как опьянели и потеряли контроль над своими чувствами. Твоя голова ранена, и только благодаря счастливой случайности ты не погиб. Вы опозорили себя в глазах тех ваших друзей, у которых есть хоть какое-то представление о респектабельности, и рискуете потерять работу из-за своей неводержанности. Я не могу допустить, чтобы это осталось безнаказанным. Вы должны стать примером, чтобы удержать других от следования тому же пагубному курсу. Вы лишились права на рассмотрение вашего дела, но, хотя вы должны помнить, что такое поведение, как ваше, нельзя оставлять без внимания, я буду обращаться с вами как можно мягче ради вашей жены и семьи. Вы приложите к ране микроб, который вызовет эризипелас, после чего я займусь вашим излечением". Врач, попробовавший применить этот метод, был

бы отправлен в психушку; но именно так поступают в наших судах. Заключенному говорят, что он плох - и он плох; затем его отправляют, чтобы он исправился? Ничуть.

Что бы ни говорили против тюрем, невозможно доказать, что они когда-либо были предназначены для исправления тех, кого в них отправляют, и если они не справляются с этой задачей, то, следовательно, не справляются с целью, ради которой они были построены, - содержать под стражей и наказывать преступников. Степень, в которой они наказывают, сильно варьируется в зависимости от предшественников человека, которого в них отправляют. Физическое воздействие на клерка и рабочего, получивших одинаковый приговор, может сильно отличаться. Если их обоих заставляют выполнять тяжелую работу, что вполне возможно, то в конце дня человек, привыкший к ней, будет менее изранен и утомлен, чем тот, кто привык к другой работе. Если цель состоит в том, чтобы сделать их всех одинаково неудобными, то клерк должен копать траншею, а рабочий - писать, и к концу дня руки одного будут испачканы чернилами, а у другого они будут болеть или покрываться мозолями. Как бы то ни было, работа, выполняемая рабочим, для него - детская забава, но она утомительна для человека, чье занятие - сидячий образ жизни; для общества же она в любом случае не приносит особой пользы.

Распространенным методом наказания правонарушителей является наложение на них штрафов, так что если у человека есть деньги, он может совершить любое из большого количества правонарушений без риска оказаться в тюрьме. Это может быть даже выгодно для него, ведь штрафы за совершение некоторых незаконных действий, на которых можно заработать деньги, в некоторых случаях меньше, чем прибыль, которую можно получить, нарушив закон. Это странное положение дел. Принцип реституции можно легко понять и одобрить, но штрафы не являются попыткой применить этот принцип. Они идут не тому, кто пострадал, а по большей части в местную казну. Это порочная схема, поскольку она подстрекает местные власти к тому, чтобы как можно больше заработать на правонарушителях в своем районе; и независимо от того, движет ими это или нет, не следует, чтобы они были заинтересованы в пополнении своей казны подобными средствами.

Штрафы очень неравномерно ложатся бременем на тех, кто им подвергается. Сумма штрафа, хотя и небольшая, может быть совершенно несоразмерна со средствами нарушителя; полкроны - это немного, но для человека, у которого их нет, это очень много. В одном и том же суде могут оказаться два человека, обвиняемые в аналогичных правонарушениях. Один из них - автомобилист, превысивший скорость; другой - водитель легкого фургона, который, пытаясь успеть на поезд, проявил неосторожность при движении. Автомобилист может быть оштрафован в пять раз больше, чем водитель фургона, но для одного эта сумма является лишь небольшим ущемлением его средств, в то время как для другого она составляет что-то вроде недельной зарплаты. Не существует одного закона для богатых и другого для бедных; если бы он существовал, с ними нельзя было бы обращаться так неравноправно. Закон для тех и других один и тот же, но по своему действию он благоприятствует богатым за счет бедных, а это в конечном итоге не идет на пользу обществу.

Штраф является альтернативой тюремному заключению, и на практике это особенно яркий пример всей нашей системы наказаний. Магистрат от имени общественности фактически говорит преступнику: "Ты нарушил законы государства, в котором живешь, и поэтому должен быть наказан. Я не хочу быть к вам слишком строгим, но вы должны либо заплатить нам пять шиллингов, либо мы оставим вас в тюрьме на три дня". Так как людей нельзя держать в тюрьме без затрат, следствием этого предложения является то, что если преступник не

заплатит полиции пять шиллингов за свой счет, то налогоплательщик заплатит пять шиллингов тюрьме. Преступник страдает от того, что его отправляют в тюрьму; но общество также страдает от того, что ему приходится платить. Это очень похоже на операцию, известную как отрезание носа назло лицу. Именно таков эффект большинства наших наказаний; они наносят вред не только преступнику, но и другим людям, и можно сильно сомневаться в том, что они приносят кому-либо пользу. Предполагается, что, понеся наказание, преступник искупает свой проступок; но поскольку не существует положительного искупления за прошлые проступки, за исключением тех, которые могут быть совершены в будущем, это фикция.

Неразумно учить невежд тому, что они могут заплатить за любой причиненный ими вред; и уж тем более учить их тому, что они искупают тюремным заключением вред, причиненный другим. Для человека, которому причинили вред, не является компенсацией знание того, что его обидчика содержат и кормят за его счет, и что когда-нибудь он выйдет оттуда не лучше, чем когда заходил в свое убежище. Когда человек становится инвалидом из-за полученных травм, страдает его семья, а если он работающий человек, то они могут оказаться в опасности остаться без средств к существованию. Его обидчик находится в заточении, и его семья тоже может пострадать, причем в равной степени. Закон позаботится о том, чтобы о преступнике позаботились, но пострадавшему и семьям обеих сторон остается только бороться изо всех сил. Какой вред они причинили? Они обделены вниманием и могут страдать от голода, если не причинят вреда, в то время как преступник "искупает" свой проступок за государственный счет.

В той мере, в какой наказание является возмездием, оно глупо и неоправданно, нанося вред не только тем, кому оно причиняется, но и тем, кто его причиняет. Если мы, как частные лица, не имеем права поощрять дух мести, то мы также не имеем права поощрять этот дух в нашем корпоративном качестве. Их действия показывают, что некоторые люди способны на очень злые поступки, и это очень веская причина для вмешательства в их дела; но это не причина для вмешательства таким образом, что мы все обременены этим, в то время как нет никаких разумных ожиданий, что они будут приведены в лучшее расположение духа.

До конца прошлого века королевский прокурор требовал наказания для тех, кто совершил преступления, подлежащие обвинению, "чтобы удержать других от совершения подобных преступлений в будущем". От этой формы отказались, но по-прежнему широко распространена теория о том, что наказание сдерживает не только осужденных, но и других. Данные о состоянии тюрем показывают, что нет никаких оснований утверждать, что наказание удерживает многих из тех, кто был наказан, от повторения своего оскорбительного поведения. "Другие" в некотором количестве всегда пополняют ряды тех, кто привычно совершает проступки, но подавляющее большинство наших сограждан избегают тюрьмы. Можно ли считать, что это происходит потому, что наказание заключенных, отправленных туда, удерживает их от совершения преступлений? Возможно, причина в этом; но даже если это так, доказать ее невозможно. Со своей стороны, я никогда не видел оснований полагать, что мои знакомые и друзья воздерживаются от избиения своих жен и от захвата чужого имущества потому, что если они сделают это, то могут попасть в тюрьму; и я заметил, что те, кто больше всего теоретизирует о поведении других и его причинах, часто совершенно не в состоянии выдвинуть никаких доказательств из своих собственных наблюдений и опыта, которые могли бы подтвердить их теории.

Нет сомнений, что достойные юристы, принимающие точку зрения Мэнсфилда (что человека следует повесить не потому, что он украл лошадь, а для того, чтобы другие не крали лошадей), возмутились бы предположением, что они сами честны только из страха перед

законом, и проявили бы меньше самомнения и больше знания своих соседей, если бы предположили, что большинство их сограждан ничуть не хуже их.

В мое время в школе некоторых мальчиков нещадно били, когда учитель приходил в ярость из-за их проступков. Теория гласила, что это удерживает других от совершения таких же проступков; но поскольку мальчиков так же часто наказывают за глупость их самих или учителя, как и за умышленные проступки с их стороны, теория не соответствовала практике. Когда вызывали какого-нибудь несчастного преступника, чувства остальных были смешанными. Отчасти нам было жаль его, но степень этого зависела от нашего личного отношения к нему; отчасти мы чувствовали презрение к нему, поскольку он был настолько неосторожен, что позволил себя поймать; отчасти нам было любопытно, как он себя поведет; а в основном мы благодарили себя за то, что не оказались на его месте. Наказание не удержало никого из нас от подобного поступка, но заставило быть осторожнее в делах, а некоторым дало тренировку в двуличии, которая, похоже, пригодилась им в их деловой карьере.

Если учитель считался тираном, то непослушание, особенно если он сбегал, было для мальчика скорее плюсом, чем минусом. Даже если его ловили, это не считалось позором, а если его сурово наказывали, то неуклюжесть, которую он проявлял в своих шалостях, не принималась во внимание, и к нему относились с уважением, причитающимся мученику. Нарушить правила хозяина было делом незначительным, хотя никто не заботился о том, чтобы быть пойманным; но для мальчика было серьезным делом нарушить нормы поведения, принятые у его соседей. Учитель, знавший это, мог добиться послушания, пока отработывал полученные знания; с мужчинами дело обстоит так же, как и с мальчиками. Они сильнее всего реагируют на мнение круга, в котором движутся; если бы это было не так, они бы вскоре перестали быть его членами. Кто устанавливает стандарты, обычно сказать невозможно, но каждый влияет на другого, хотя одна личность может быть более доминирующей, чем любая другая. Он плохой, когда есть плохой; не потому, что он хуже других в моральном плане, а потому, что он обычно более смелый и активный; и поскольку заповеди, которыми управляют мальчики, в основном негативные, его позитивная личность приводит его в конфликт с ними и ведет за собой других.

Но в нашей среде есть социальные круги, где мужчины находятся в таком же отношении к закону, как мальчики в школе. Им говорят уважать его, и они знают, что должны подчиняться ему на свой страх и риск; но он представляется им как ряд бессмысленных и несправедливых запретов, которые мешают их комфорту и не дают им никакой защиты от врагов. Им не нужны полицейские для защиты их собственности, потому что у них ее нет, и они чувствуют себя вполне способными позаботиться о своей личной безопасности. Что бы они оценили, так это защиту от того, что они считают поборами со стороны фактора и сборщика налогов, а такой полиции пока нет. Они не уважают закон так же, как я уважаю паровоз, хотя и держусь от него подальше. Если закон - это нечто, что защищает других людей от них, но не защищает их от других людей, нельзя ожидать, что они будут относиться к нему с большим уважением; они могут смотреть на него как на своего врага. Многие не заходят так далеко, хотя и не доверяют ему и его служителям; но есть группы, которые считают закон чем-то, что похвально нарушать. Я имею в виду не человека, зарабатывающего на жизнь воровством, а молодых людей, которые воспитываются в некоторых трущобных районах и приобретают там извращенные представления о морали. Если допустить существование таких кружков, то легко понять, как пренебрежение законом может вызвать у молодого человека восхищение его товарищей; и поскольку есть районы города, где воздается должное тому, кто наиболее

часто и ловко нарушал закон, воруя или обманывая его представителей, где честность не считается добродетелью, а высмеивается; где целомудрие в почете, а вор, грабитель и хулиган - идеал характера - нет причин удивляться тому, что перед лицом наказаний нет недостатка в преступниках. Эти люди не видят причин уважать наши правила поведения. Наши наказания могут оказать на них сдерживающее воздействие, заставив их изменить свои методы поведения, но тот гопник, которого мы придумываем для их предупреждения, не сделает их добродетельными и не заставит их изменить установленные ими стандарты.

Наказание не удерживает огромную массу наших сограждан от совершения преступлений. Они законопослушны, потому что у них нет склонности нарушать закон и нет побуждений к этому. Пусть на них надавят, и мы услышим другую историю. Я достаточно стар, чтобы помнить, как в 1886 году было предложено предоставить Ирландии внутреннее право; тогда у нас были профессора и видные граждане, угрожавшие взяться за оружие, чтобы не допустить реализации этого предложения. Они искренне опасались за безопасность своих друзей, и уважение к закону на время отошло на второй план. Многим из нас легко стоять на страже законов, поскольку мы не ощущали их на себе. Возможно, именно поэтому их всегда так трудно изменить и почти любое изменение поддерживается беднейшими слоями населения. Несомненно, что даже среди честных и добропорядочных бедняков существует подозрение к закону и нежелание иметь с ним ничего общего. Те, кто определенно враждует с ним, и те, кто может поддаться искушению присоединиться к ним, - единственные люди, которых мы можем обоснованно надеяться удержать от совершения определенных преступлений путем произвольного наказания тех, кого мы поймали; и даже в их случае нет оснований полагать, что сдерживающий эффект будет таким, что заставит их изменить свой образ жизни, а только модифицировать свои методы. Настоящим сдерживающим фактором является общественное мнение, и когда кто-то из них выходит из тюрьмы, совершенно очевидно, что его заключение ни на йоту не опустило его в оценке тех, чьим добрым мнением он дорожит.

Серьезная преступность в Глазго неуклонно снижается по мере того, как разоряются гнезда преступников. Они гораздо менее способны на зло, когда разделены друг от друга, чем когда собраны вместе; но время от времени случаются вспышки жестокости и насилия, за которыми следуют требования более сурового обращения с теми, кто попадает в плен. Во Франции, , в последнее время снова начали применять гильотину, чтобы запугать бандитов. Я ничего не знаю об условиях там; но совершенно очевидно, что у нас такое требование может возникнуть в результате вспышки преступности, вызванной не снисходительным обращением с заключенными, не тем, как действует любая часть нашей пенитенциарной системы, а безнаказанностью, с которой у нас орудуют остряки и преступники. До тех пор, пока не будет существовать положение, по которому человек может получить возможность честно трудиться и гарантию того, что плоды его труда не будут у него отняты, будет существовать множество безработных. Большинство из них - вполне доброжелательные люди, но некоторые из них - нет. Мы не сможем правильно бороться с халтурщиками и точильщиками, пока не отделим просто несчастных. Когда мы увидим, что у людей есть возможность содержать себя, мы будем вправе спросить человека, у которого нет видимых честных средств к существованию, о том, как он добывает себе пропитание, и, не получив удовлетворения, разобраться с ним. Пока же они смешиваются с честными и законопослушными, но несчастными гражданами, усугубляя те беды, которые на них обрушили честность и бедность вместе взятые.

Пусть они объединяются и действуют сообща, и неизвестно, как далеко они могут зайти; не потому, что наши тюрьмы слишком удобны, не потому, что там что-то происходит или не

происходит, а потому, что наши города не управляются должным образом, потому что мы позволили объединить людей в условиях, благоприятных для роста антиобщественных настроений, потому что мы породили монстра, который вселяет в нас страх.

Обращение с преступником может быть мудрым, а может быть и глупым, как мне кажется; но вы с таким же успехом можете обвинить метод лечения больного тифом в больнице в распространении этой болезни в антисанитарном районе, как и снисходительность судов в любой вспышке преступности, которая может произойти в районах, заведомо кишмя кишящих преступниками. Все элементы для такой вспышки есть, и если она произойдет, то это будет, потому что мы позволили им объединиться. Насколько оправданно делать одного человека козлом отпущения за грехи другого, даже если бы мы могли это сделать, - это вопрос для обсуждения теми, кто занимается подобными проблемами. Со своей стороны, я не считаю справедливым ставить кого-либо в пример, как это называется, и не верю, что это служит какой-либо благой цели, которая не может быть достигнута более рациональными средствами.

ЧАСТЬ III

ОБРАЩЕНИЕ С ПРЕСТУПНИКОМ

ГЛАВА I

МЕХАНИЗМ ЗАКОНА

Полиция и ее обязанности - Разделенный контроль - Необходимость знания местных особенностей - Боязнь "коррупции" - Полицейская камера - Чистота и дискомфорт - Недостаточное питание и т.д. - Пострадавший хирург - Полицейский суд - Необученный магистрат - Оценщик - Заявления "виновных" - Дело - Сочувствие общественности - Агенты для бедных - Тюремный фургон - Суд шерифа - Прокурор-фискал - Процедура в высших судах - Шотландские присяжные.

Для большинства людей живым представителем закона является полицейский. Его обязанность - защищать граждан от злодеев и арестовывать преступников. На него сыплются ушаты грязи, но в целом его положение вызывает уважение; и хотя в полицию попадают люди, которые по характеру и опыту совершенно не подходят для работы, подавляющее большинство выполняет возложенные на них обязанности на удивление удовлетворительно, если принять во внимание предъявляемые к ним требования.

Предполагается, что они должны знать закон, а для практических целей - разбираться в медицине, чтобы оказывать первую помощь пострадавшим; от них ожидают, что они смогут ответить на вопросы самого разного характера, заданные проходящим мимо незнакомцем; от них требуется постоянное хладнокровие и ясное мышление, готовность к любой чрезвычайной ситуации и спокойствие, которое ничто не может пошатнуть. Если они обладают достаточной квалификацией, чтобы удовлетворить власти, они могут получать за свои услуги зарплату, которая будет выше, чем у неквалифицированного рабочего.

То, что предпринимаются усилия по привлечению хороших людей на эту должность, не вызывает сомнений. Но то, что эти усилия всегда столь просвещенны и успешны, как могли бы быть, не столь однозначно. В Глазго, например, установлен стандарт роста, который исключает из этой профессии подавляющее большинство уроженцев Глазго. В некоторых частях страны мужчины идут в плоть и кость, они крупнокалиберные и мускулистые, но в городе это не так. И все же рост человека не дает оснований полагать, что он подходит для любой должности, связанной с рассудительностью. Минимум 5 футов 6 дюймов включает в себя всех мужчин ростом 5 футов 7 дюймов и 5 футов 8 дюймов; а минимум 5 футов 9 дюймов исключает всех этих людей и сильно ограничивает выбор кандидатов. На роль стража общественного спокойствия претендуют не лучшие люди, а лучшие среди людей определенного роста; а это неизбежно снижает стандарт эффективности. Действительно, чем выше стандарт роста, тем ниже стандарт эффективности, поскольку подразумевается ограничение выбора.

Полиция - это гражданская сила, и она должна быть полностью под контролем граждан через их представителей, но эта гражданская сила не формируется на основе какой-либо концепции гражданских потребностей. Она организована по военному образцу и подлежит проверке военным, на основании отчетов которого госсекретарю принимаются решения о ее эффективности. Похоже, никому не приходит в голову поинтересоваться, что знает такой инспектор о потребностях района, полицию которого он инспектирует. Его подготовка позволяет ему определить, когда человек хорошо держит себя и красиво выворачивает пальцы ног, а способность полиции делать это способствует тому, что они приходят на инспекцию в новой форме; таким образом, инспектор видит несколько человек в новой одежде и по их повадкам определяет, насколько они подходят для работы в качестве полицейских. Такое положение вещей позволяет получать зарплату человеку, который в противном случае мог бы остаться без работы, и если бы на этом все остановилось, то абсурд мог бы стоить денег; но когда полицейские силы должны оцениваться, а их гранты должны градуироваться, не в соответствии с их знанием работы, а в соответствии с невежеством их инспекторов, то, скорее всего, возникнут проблемы. Если полиция должна уделять больше внимания инспектору, который может остановить ее грант, чем представителям граждан, на службе которых она должна действовать, это плохо и для полиции, и для граждан.

Каждый район имеет свои особенности, которые не замечаются теми, кто там живет, в силу обычая, но замечаются чужаками и иногда не одобряются ими. Поэтому очень полезно, чтобы люди, занимающие руководящие должности, были знакомы с обычаями и нравами народа, среди которого они живут. Полицейский будет выполнять свои обязанности с большим комфортом для себя, с большим доверием к службе и с большей пользой для общества, если он знает жителей района, в котором он работает. Если он не общается с законопослушными жителями, не знает их, не пользуется их доверием и поддержкой, то во многих случаях он не сможет отличить безобидное поведение от преступного. Например, хорошо известно, что успех профессиональных воров во многом зависит от их хладнокровия и смелости. Если бы на них было написано "вор", они бы умерли с голоду, а зарабатывают

они на жизнь только потому, что для тех, кто с ними лично не знаком, они не отличимы от честных людей. Полицейский знает об этом; и если он видит человека, выходящего из коммерческого помещения далеко за пределами рабочего дня, он вполне естественно расспрашивает его взглядом или словом. Если он не знает, имеет ли этот человек право находиться там, он может выставить себя дураком, либо арестовав человека, у которого были законные дела в этом помещении, либо позволив вору уйти. Он оказывается на пороге дилеммы, в которую не должен попадать.

Опять же, предположим, что поступают жалобы на парней, слоняющихся возле определенных домов или углов, и полицейскому поручено пресечь это. Если он знает жителей своего участка, то сможет отличить тех, кто имеет определенное право находиться в этом месте, от тех, на кого направлена жалоба. Если же он их не знает, то может сделать замечание или арестовать совсем не тех людей, что приведет к неприятностям для него самого и вызовет всеобщее раздражение, которое не должно было возникнуть. Те, кто был оскорблен или обижен, не принимают во внимание его трудности; и, возможно, те, кто ответственен за то, чтобы поставить его в положение, которое, в конечном счете, является ложным, недостаточно учитывают плохие результаты, вызванные этим.

Военная привычка считать, что каждый человек похож на другого человека, и переставлять людей, как кукол, имеет свои недостатки и в гражданской жизни. Имеет значение, знаком ли человек, поставленный выполнять определенный долг, с условиями, в которых он находится, или не знает о них. Даже у дверей суда от привратника требуется не только благоразумие, но и знание, и из-за неумения признать этот простой факт шериф был остановлен у дверей Высокого суда; прокурору-фискалу после тридцати лет работы в суде было отказано в приеме; а присутствующему врачу пришлось потребовать встречи с суперинтендантом, прежде чем он смог попасть внутрь. Если подобное возможно в подобных случаях, то совершенно очевидно, что в кварталах, которые нельзя назвать влиятельными, может возникнуть много проблем и раздражения, а возможно, и несправедливости.

Говорят, что целесообразно перемещать людей из одного района и от одной обязанности к другой, чтобы предотвратить их возможную коррупцию; но люди не так глупы и не так плохи, как можно предположить по этой причине. Коррумпированный человек перенесет свои коррупционные наклонности на более обширную территорию и будет там не менее опасен; ведь чем меньше его знают, тем легче его личные недостатки ускользнут от контроля и критики со стороны тех, среди кого он работает; и лучше, чтобы его обнаружили и уволили, чем огромная масса полицейских, которые не глупы и не коррумпированы, а честно стремятся выполнять свой долг так, чтобы завоевать расположение своих сограждан, чтобы их работа была излишне тяжелой и трудной. От них ожидают слишком многого, учитывая предоставленные им возможности, и их недостатки связаны скорее с системой, по которой они управляются, чем с какими-либо личными недостатками людей. Все, что позволит этой системе более тесно соприкасаться с потребностями общества и с большим сочувствием относиться к трудностям бедных слоев населения, будет способствовать повышению эффективности и комфорта работы полиции.

Когда человека арестовывают по какому-либо уголовному обвинению, его сначала доставляют в местный полицейский участок, где ему предъявляют обвинение. Его обыскивают и помещают в камеру, и если в обвинении, выдвинутом против , или в его внешности и поведении есть что-то особенное, обращение с ним может быть соответствующим образом изменено. В подавляющем большинстве случаев арестованный является лишь мелким правонарушителем. Если у него достаточно денег, он может внести их в качестве залога и быть освобожденным с уведомлением о том, что если он не явится в

указанное время и место, деньги будут конфискованы, а сам он может быть снова взят под стражу. Если он или его друзья не могут оставить залог за свою явку, то он знакомится с распорядком дня. Он становится жильцом камеры, где остается до заседания суда на следующее утро. Если место в камере полностью занято, то у него может быть компания; и хотя делается все возможное, чтобы старые преступники не оказывались в одной камере с теми, кто попал сюда впервые, лучшее, что можно сделать, - это плохо.

Хотя заключенные считаются невиновными, пока их не признают виновными, во многих отношениях с ними обращаются хуже, пока они ожидают отправки в тюрьму, чем после того, как они туда попадают. В этом виновата не столько полиция, сколько власти, ответственные за размещение или отсутствие такового. Пьяный человек может быть очень беспомощным или очень несговорчивым, и мало что можно сделать для него, пока он не протрезвеет. Его состояние таково, что поместить его в камеру и оставить там - явно не лучшая практика. Нередко выясняется, что пьянство скрывает какое-то более серьезное заболевание; но даже если за опьянением ничего не стоит, человек более подвержен болезням, чем трезвый. В менее просвещенных странах, чем наша, таких заключенных не оставляют в покое, а держат в тепле и наблюдают за ними до тех пор, пока они не протрезвеют. В нашей стране к ним относятся менее внимательно. Пьяный или трезвый заключенный находится в неудобном положении.

Полиции приходится сталкиваться с трудностями, которых нет в тюрьмах. Арестованные заключенные не намного грязнее, чем те, что попадают в тюрьму, но в полицейских камерах нет таких условий для наведения и поддержания чистоты. Здесь нет ни бесплатной рабочей силы, ни щедрой оплаты труда уборщиков, а камеры в некоторых случаях, похоже, построены скорее для того, чтобы сэкономить на уборке, чем для обеспечения разумного содержания заключенных. Деревянные полы чистятся хуже, чем асфальтовые или цементные, и в тюрьмах и полицейских камерах это, похоже, определяет их конструкцию. В таком климате, как наш, это бессмысленная жестокость, в чем каждый может легко убедиться сам, если захочет попробовать. В таком месте даже в теплую погоду трудно держать ноги в тепле, а холодные ноги не улучшают самочувствие человека.

Новые камеры облицованы глазурованным кирпичом в соответствии с некоторыми санитарными представлениями. Очень жаль, что апостолы санитарии не могут быть вынуждены жить в тех местах, которые они проектируют. Несомненно, глазурованные стены чистятся легче, чем побеленный кирпич, но они вызывают холод у обитателей заведения, и влага конденсируется на них так, как не конденсируется в других местах. Чистота должна быть обеспечена всеми разумными средствами, но чтобы быть чистым, не обязательно быть неудобным; и таких методов достаточно, чтобы отвратить от чистоты тех, кто вынужден подчиняться их результатам. Еще одна неприятная особенность камеры - наличие в ней шкафа с водой. Несомненно, санитарный эксперт дремал, когда это было устроено; но здесь дело опять-таки, похоже, в расходах. Разумным решением было бы сопровождать заключенных в случае необходимости, но это означало бы предоставление соответствующего персонала надзирателей. В остальном камера не обставлена, если не считать деревянной приподнятой плиты, которая заменяет кровать. Постельное белье не предусмотрено. Это варварское положение для человека, который, как предполагается, невиновен. Что касается питания, то оно не предусмотрено. Ему могут прислать еду или у него есть деньги, чтобы ее купить. В противном случае ему придется довольствоваться хлебом и водой, поскольку его вина не доказана. Утром его приведут в суд, и, если он попросит, ему дадут воды, чтобы помыться перед явкой. Чистота не принуждается, хотя и

поощряется; но, судя по их внешнему виду при поступлении в тюрьму, не многие искали умывальник во время пребывания в полицейской камере.

Законом о суммарной юрисдикции 1908 года было предусмотрено, что лица не должны содержаться в полицейских камерах более одной ночи, и все арестованные были отправлены в тюрьму, к их явному преимуществу, поскольку там персонал и условия содержания заключенных организованы, и они свободны на время от шума, связанного с арестом и содержанием пьяных, а также имеют больше шансов на то, что их потребности будут удовлетворены. Эта процедура потребовала от чиновников большего объема работы, что можно было легко преодолеть небольшим увеличением штата. Это означало не больше хлопот, чем требуется в случае с лицами, переданными в вышестоящие суды, и если бы учитывались интересы заключенных, которые считаются невиновными, закон остался бы в силе; но их интересы были представлены не так убедительно, как интересы чиновников, и произошел возврат к старому, плохому плану содержания заключенных под стражей в полиции. Их могут держать в полицейских камерах в течение сорока восьми часов.

Некоторые из арестованных могут страдать от травм или болезней. Для оказания помощи таким людям нанимается хирург. Когда его просят об этом, он обязан вызвать и осмотреть заключенных, которые жалуются или явно больны. Его жалование невелико, и до недавнего времени он должен был обеспечивать все необходимые перевязки и лекарства. В его обязанности не входит осмотр каждого заключенного до начала суда. Иногда в тюрьму попадают люди, которые вообще не должны были предстать перед судом. И полиция, и хирург поставлены системой в очень сложное положение. Полиция может ошибиться в своем суждении о состоянии заключенного и не обратить на него внимание врача. С другой стороны, если они слишком часто вызывают хирурга к людям, которые не нуждаются в его услугах, он может обоснованно жаловаться, и на этой почве могут возникнуть разногласия, которые сделают работу системы раздражающей для всех сторон. Для удобства хирург и полицейский вынуждены делать друг другу поблажки и поддерживать друг друга, что, скорее всего, не приведет к такой эффективности обслуживания населения, как хотелось бы. Когда какой-нибудь экстраординарный случай привлекает внимание, на полицию выливается упрек; и он, как правило, незаслужен, по крайней мере, в той форме, в которой его принимают. Они не виноваты в том, что не могут делать то, для чего не приспособлены. Они могут быть виноваты в том, что не протестуют против возлагаемых на них обязанностей, которые должны выполнять другие. Недоплачивать медикам - это неправильная экономия, и до тех пор, пока это не будет признано, можно искать несчастные случаи и происшествия, которые будут шокировать общественность из-за травмы, которую случайно получил человек.

В суде обвинение может предъявить фискальный прокурор бурга, или его заместитель может действовать от его имени. В Глазго со всеми его полицейскими судами есть только один квалифицированный адвокат, который ведет судебное преследование. Большую часть обвинений ведут его заместители, которые неизменно являются офицерами полиции. Единственными свидетелями во многих случаях выступают констебли, а прокурор - один из их начальников. Такое положение дел не впечатляет постороннего человека своей мудростью, а те, кто попадает в его сферу, не считают его справедливым. На полицию возлагается слишком много обязанностей.

На скамье подсудимых в подавляющем большинстве случаев находится неподготовленный судья. В Глазго есть только один магистрат, который является квалифицированным юристом. Остальные - городские магистраты, которым приходится выполнять множество обязанностей, в том числе и судить своих сограждан. Они избираются в городской совет,

чтобы служить своим избирателям в качестве членов этого органа, а со временем становятся бейли. Никто не утверждает, что таким образом они наделяются знанием закона, опытом взвешивания доказательств или судебским умом; но они наделены судебными полномочиями и в некоторых случаях могут отправлять людей в тюрьму на двенадцать месяцев. Обычно это люди с прекрасным характером и намерениями, но, к сожалению, оба эти качества могут сочетаться с абсолютной некомпетентностью с точки зрения судебной практики. Драпировщик не признает, что бакалейщик может обмениваться с ним товарами, и их дела будут идти как по маслу. Каждый человек знает, что для обучения своему ремеслу требуется время, не говоря уже ни о чем другом; но они, похоже, считают, что все, что требуется для того, чтобы они могли исполнять то, что в законе означает справедливость, - это обладание служебной цепью. Если бы такая идея имела под собой хоть какую-то основу, многие изнурительные годы учебы были бы сэкономлены; ведь получить цепь легче, чем лицензию на практику. То, что они обычно вполне уверены в своей пригодности к работе, само собой разумеется; и это было бы тщеславием, столь же безобидным, сколь и глупым, если бы свобода многих не была поставлена им под угрозу. В качестве аргумента против назначения квалифицированных юристов приводился тот факт, что решения судебных приставов обжаловались реже, чем решения профессиональных юристов. Предполагается, что это свидетельствует об их более высокой квалификации; ведь из этого утверждения можно сделать лишь один вывод: судебный пристав обладает лучшей квалификацией для работы в качестве судьи, чем человек, получивший образование в этой области. Это поразительное свидетельство превосходства вдохновения над разумом. Однако здесь нет свидетельств тех, кто предстал перед судом в качестве заключенных или агентов, и это утверждение не является убедительным. То, что она вообще была сделана, является поразительным комментарием о профпригодности тех, кто ее сделал, или об их скромности.

Апелляция на решения полицейского суда может быть подана только по делу, изложенному судьей, чье решение обжалуется. Тренированные люди не могут не ошибаться, и они признают этот факт. Если дело излагается таким образом, что вопрос остается неясным, нет смысла пытаться его обжаловать; так что свобода от обжалования может с равным успехом свидетельствовать как о неэффективности судьи, так и о его эффективности. Это может свидетельствовать о том, что он не только не годится для рассмотрения дела, но и не заслуживает доверия при его рассмотрении. Предполагать, что это свидетельствует о превосходстве способностей драпировщика и бакалейщика над способностями юриста в вопросах права, - значит слишком полагаться на доверчивость публики. Если они действительно так великолепно одарены, то удивительно, что они не предоставляют свои услуги в распоряжение друг друга, когда возникает спорный торговый вопрос. Можно было бы ожидать, что в этом они, по крайней мере, разбираются; но хотя бейлисы имеют право отправлять людей в тюрьму, они не уполномочены рассматривать гражданские дела, касающиеся собственности их сограждан. Иными словами, они имеют власть над жизнью, но не над имуществом своих сограждан. Это, безусловно, большая несправедливость: либо по отношению к ним, либо по отношению к заключенным.

В каждом суде, где председательствует судебный пристав, ему помогает и советует заседатель, чья обязанность - держать его в рамках закона. Это несколько фарсовая ситуация. Заключенный находится там, потому что его обвиняют в нарушении закона; судебный исполнитель судит его по этому обвинению; а за его спиной стоит джентльмен-юрист, который следит за тем, чтобы судья сам не нарушил закон в процессе! Он может прислушаться к совету заседателя или проигнорировать его, но он - ответственный судья. Если он последует совету заседателя, то этот чиновник будет пользоваться властью без ответственности, а это не то положение, в которое следует ставить кого бы то ни было; если

он последует внутреннему свету, то "защита", которой должен быть заседатель, окажется бесполезной.

Многие считают, что это очень незначительное дело, весь этот вопрос о полицейском суде, но на самом деле это очень большое дело и очень важное. Полицейские суды - это те, где большинство правонарушителей появляются в первый раз, и из них они сначала отправляются в тюрьму. Поскольку от первого шага зависит очень многое, крайне важно, чтобы дела тех, кто предстает перед этим судом, были тщательно рассмотрены. Этого невозможно добиться, если разбирательство происходит в спешке, а ведь известно, что судебные приставы "разбирают" десятки заключенных за день, и эта работа, похоже, не мешает им заниматься своими обычными делами. Многие из заключенных признают себя виновными; но хорошо известно, что среди рабочих классов широко распространено убеждение, что если признать себя виновным, то можно получить более короткий срок. Чем обосновано это убеждение, я сказать не могу, но в его существовании и действительном эффекте сомневаться не приходится. Они, похоже, не учитывают, что регистрация обвинительного приговора может обернуться против них в будущем, и дают такие показания, которые не посоветовал бы ни один адвокат.

Я не хочу сказать, что люди в большом количестве признают себя виновными, когда они не знают о преступлении, но что совершенное ими деяние могло иметь иную, нежели уголовно-правовую конструкцию. Х 30, девушка, обвиняется в мошенничестве, которое является достаточно серьезным преступлением. Ранее она не имела судимостей. Ее помещают в тюрьму, и там она заявляет, что ей посоветовали признать себя виновной, и она отделается легким испугом. Ей объясняют тяжесть преступления и оказывают юридическую помощь. Выясняется, что она - своенравная девушка, покинувшая свой народ и приехавшая в Глазго. Она устроилась на работу в магазин и сняла жилье в не самом благополучном районе Глазго у людей, которые вряд ли будут держать ее в узде. Она потеряла работу и продолжала жить в своем доме, но тут произошло событие, которое заставило ее переехать в другое место, и она переехала в дом дочери своей хозяйки. Пробыв там две недели, она встретила знакомую женщину и через нее добилась положения. Она оставила свое жилье и ушла жить к этой женщине. По просьбе бывшей хозяйки она была арестована за получение питания и жилья под ложным предлогом. Было доказано, что она выплатила свой долг, когда работала; она заявила, что не притворялась, а собиралась выплатить остаток, когда сможет. Рассмотрение дела было отложено, чтобы дать ей возможность сделать это. Если бы она не получила юридическую консультацию и помощь, то, без сомнения, на эту девушку был бы записан приговор за мошенничество. Она попала в плохую компанию и была на пути в сточную канаву, но благодаря действию закона ее бы туда не загнали. Чтобы правильно разобраться с большим количеством дел, поступающих в полицейские суды, потребуется много времени, но это не повод торопиться с их рассмотрением.

Если у человека есть средства на оплату услуг адвоката, то он находится в более выгодном положении, или если он совершил преступление, достаточно серьезное для того, чтобы его поместили в вышестоящий суд, поскольку там он получит юридическую помощь бесплатно; если же он просто мелкий преступник, которому некому помочь, то с ним, скорее всего, разберутся без потери времени и вынесут приговор по шкале.

Пора принять меры к тому, чтобы полицейский суд стал не столько полицейским, сколько судом справедливости. В нем слишком много полиции, что не соответствует интересам общества. Любой желающий может посетить суд, но мало кто это делает; и в практических целях разбирательства могут проводиться в частном порядке, если речь идет о городах. Об этих делах редко пишут, а если газеты и замечают их, то, как правило, в шутливой форме; но

для заинтересованных лиц они не являются шуткой. Сенсационное убийство подробно описывается и обсуждается, как будто единственным важным делом для страны является повешение негодяя, попавшего в центр внимания. Каждый истерический теоретик стремится вынести на суд общественности свое мнение о том, как следует обращаться с преступниками; и все это время мы заняты тем, что помещаем в нашу машину молодых и старых, сделавших первый шаг вниз, и поздравляем себя с плавностью, с которой она работает. Не жестокость заставляет нас вести себя подобным образом, а обычная глупость и отсутствие воображения. Время от времени человек, у которого есть глаза, чтобы видеть, становится бейли, но из него получается плохой полицейский судья. Те, кто смотрит на себя со стороны и, по мнению других, наделен небесным инстинктом, с такой же вероятностью окажутся людьми, которым никто не доверит быть судьей в своем собственном деле; и вполне возможно, что человек узколобый, мстительный и черствый вверит в свои руки судьбу своих более бедных сограждан и, поскольку ему нравится эта работа, будет продолжать работать в суде еще долго после истечения срока его полномочий в качестве бейли. Если важно разобраться с правонарушениями в самом начале; если желательно предотвратить отправку людей в тюрьму, когда этого можно избежать, то очевидно, что мы должны позаботиться о том, чтобы наши малые суды были так устроены и так официозны, чтобы те, кто приходит в них, имели по крайней мере столько же шансов на то, что их дела будут взвешены, сколько получают старые мастера, которые обращаются в высшие суды.

Шериф может рассматривать дела в порядке упрощенного судопроизводства, как и бейли; но суд устроен по-другому. Прокурор-фискал не связан с полицией. Они сообщают ему о деле, а он проводит собственное расследование и может вообще прекратить разбирательство. Шериф - опытный юрист, и он следит за тем, чтобы дело заключенного было представлено должным образом. Заключенный, если пожелает, может пригласить адвоката, который будет выступать от его имени, а в делах, рассматриваемых судом присяжных, тюремная администрация обязана позаботиться о том, чтобы у адвоката была защита.

В Шотландии принято, чтобы все обвиняемые заключенные, у которых нет средств на оплату юридической консультации, получали компетентного адвоката. Агенты для бедных предоставляют свои услуги бесплатно и безвозмездно. Они ведут себя с бедным человеком, обвиняемым в преступлении, так же, как врачи в больнице ведут себя с больными, которые к ним обращаются. В ходе своей работы им приходится уделять значительное время делам тех, чья защита им поручена; а если обвинение приводит обвиняемого в Высокий суд, они выступают от его имени в качестве адвоката. Ни один человек не оказывается на скамье подсудимых Высокого суда Шотландии, если его не защищает квалифицированный член коллегии адвокатов; отсутствие финансовых средств не влияет на эту привилегию. Предоставление юридических консультаций и помощи осуществляется не за счет общества, а за счет профессии; и в своем роде оно приносит такую же пользу, как и помощь больным, оказываемая представителями медицинской профессии. Я никогда не видел, чтобы молодые медики работали с большим энтузиазмом, чтобы вырвать пациента из пасти смерти, чем адвокаты в своих попытках вырвать обвиняемого беднягу из рук обвинителя. В обоих случаях энергия могла бы быть потрачена с большей пользой; ведь больных часто возвращают к здоровью только для того, чтобы они стали еще большей помехой для своих соседей, а некоторых обвиняемых оправдывают и отправляют на пожизненное общество; но когда все скидки сделаны, остается много хорошей работы, которую вполне стоило сделать. Что касается работы врачей и адвокатов, то когда-нибудь мы сможем принять меры к тому, чтобы люди, которым вернули здоровье, не использовали свои силы во вред обществу, а те, кому вернули свободу, не использовали свою свободу для того, чтобы вредить другим. В настоящее время

мы не обращаем на них никакого внимания, как только они перестают быть делами, - к нашему и их ущербу, - и никто не осознает яснее, чем адвокат, что иногда он участвует в попытке выпустить на свободу человека, который не намерен подчиняться законам общества. С другой стороны, каждый, кто принимал участие в этой работе, знает, что если бы не его действия, то, скорее всего, имела бы место серьезная несправедливость.

Если бы для защиты заключенных, которые предстают перед полицейскими судами, были созданы такие же условия, как и для защиты тех, кто предстает перед высшестоящими судами, это было бы одинаково выгодно и чиновникам, и заключенным, и общественности; но требовать, чтобы такое положение было создано исключительно за счет адвокатуры, значит требовать слишком многого. В особых случаях к ним никогда не обращались безрезультатно, и им приходится уделять одному делу больше времени, чем медику на двадцать. Их услуги недостаточно оценены и известны широкой общественности, иначе было бы признано, что они способствовали спасению многих бедных людей от деградации и помогли предотвратить пополнение рядов закоренелых преступников. Никто не предложит, чтобы заключенные, которые предстают перед высшими судами, были лишены квалифицированной консультации и защиты, если они не в состоянии заплатить, и все же в этих судах существует меньшая потребность, чем в полицейских судах, в тех услугах, которые существуют.

Когда заключенного возвращают из полицейского суда, его перевозят в фургоне в тюрьму, чтобы дожидаться дальнейшего разбирательства. Часто отмечают, что различные отделы корпораций действуют независимо друг от друга. Санитарный департамент в некоторых обстоятельствах энергично работает над предотвращением переполненности тюрем, но фургон, используемый для доставки заключенных в тюрьму, кажется, ускользнул от их внимания. Это доисторическое транспортное средство в виде автобуса без окон. Он разделен на отсеки, каждый из которых вмещает несколько заключенных, а перегородки препятствуют нормальной вентиляции. Он освещается несколькими стеклами в крыше. В жаркий день в нем душно. Современная санитарная служба никогда бы не выдала лицензию на перевозку обычных пассажиров, животных или людей.

Председательствующим судьей в высших судах является либо шериф, либо лорд юстиции. Шериф обладает юрисдикцией над графством и может заседать как в качестве судьи, так и в качестве присяжных; то есть он может рассматривать дела в упрощенном порядке; но его суд существенно отличается, даже когда он это делает, от суда магистрата бурга. Во-первых, к разбирательству приковано больше внимания общественности, ведь чем выше суд, тем больше интереса проявляется к его работе. В небольших сельских бургах это правило может не работать, поскольку там жители больше знают о том, что происходит в их округе. Они могут быть лично знакомы с полицией, судьей и преступником, и в этом случае, скорее всего, проявят живой интерес к разбирательству, свободно критикуя все стороны и оказывая сильное влияние на тон суда; но в большом городе полицейские суды могут с тем же успехом проводиться где угодно, если за ними осуществляется эффективный общественный контроль и обоснованная критика. Кроме того, полиция не является обвинителем в судах шерифа. Обвинение ведет фискальный прокурор, назначаемый лордом-адвокатом, который занимает свою должность пожизненно и ни в коей мере не подчиняется полиции. Шериф - человек опытный в своей профессии, он постоянно занимается судебной работой, в основном гражданского характера. Он не занимается исключительно или преимущественно делами преступников и не может приобрести подсознательное предубеждение против обвиняемого.

Лорд-адвокат является главой департамента, занимающегося судебным преследованием в Шотландии, и без его указания или согласия не может быть предпринято ни одно уголовное

действие. Частные судебные преследования по общему праву практически неизвестны. Его заместители действуют от его имени в высших судах и получают инструкции от прокуроров-фискалов, которые являются солиситорами и сами ведут дела в судах шерифа. В их обязанности входит проведение расследований по всем обвинениям, которыми не могут заниматься полицейские суды, и эти расследования проводятся в частном порядке. С момента передачи им заключенного и до его появления в суде для предъявления обвинений или для рассмотрения дела против него не ведется никаких публичных разбирательств. Его приводят в суд на ранней стадии, зачитывают ему обвинение и просят сделать заявление. В помощь ему предоставляется адвокат, и ему говорят, что все, что он скажет в ходе заявления, может быть использовано против него. Агент может посоветовать ему ничего не говорить, и он обычно так и поступает: его заявление сводится к отрицанию обвинения. Оно подписывается им и зачитывается на суде, обычно закрывая дело для Короны. На время принятия заявления публика в суд не допускается. Если фискальный прокурор считает, что его расследование не оправдывает дальнейшего разбирательства, обвинение снимается, если с этим согласен лорд-адвокат; если же власти убеждены, что дело подлежит рассмотрению в суде, вручается обвинительный акт.

В Шотландии, когда заключенному предъявляется обвинение, чтобы предстать перед судом присяжных, ему за семнадцать дней до суда должна быть вручена копия обвинительного акта, содержащая обвинение, перечень предъявленных ему обвинений и список свидетелей, которые будут вызваны для обвинения. Через семь дней после этого он предстает перед судом, чтобы признать себя виновным в предъявленном обвинении. Если он признает себя виновным, с ним могут покончить в тот же день. Если он не признает себя виновным, его признание записывается, и он отправляется обратно до второго заседания суда. Если он намерен выдвинуть особую защиту, такую как невменяемость или алиби, уведомление о такой защите должно быть сделано на заседании суда; но свидетели, которых он намерен вызвать, не должны сообщаться Короне до трех дней до суда присяжных. Обвинение не может добавлять какие-либо версии или свидетелей к списку, представленному в обвинительном заключении; но если будет решено, что требуются дополнительные свидетели, то заседание может быть прекращено и составлено новое обвинительное заключение. Однако ни в коем случае нельзя держать заключенного с висящим над головой обвинением более ста семнадцати дней со дня его задержания. По истечении этого срока он имеет право на освобождение, и в любой момент против него не может быть возбуждено дальнейшее дело по обвинению.

Корона обычно проводит тщательное расследование в интересах общества, когда выдвигается специальное заявление о невменяемости; и если она убеждается, что заявление обоснованно, то за государственный счет предоставляет экспертное свидетельство от имени заключенного. В высших судах тщательно следят за тем, чтобы заключенные не страдали от недостатка средств, и прокурор никогда не стремится к тому, чтобы добиться обвинительного приговора. Прокурор не произносит никаких речей, открывая свое дело. Суд считает, что присяжные приступают к делу без предубеждения против заключенного, и по мере того, как приводятся доказательства, они получают свои знания о деле. В большинстве случаев прокурор вообще не обращается к присяжным. Он ограничивается приведением доказательств. Характер заключенного раскрывается присяжным только после вынесения ими вердикта. Если в ходе судебного процесса обвинение ссылается на предыдущие приговоры, заключенный имеет право оправдательный приговор по предъявленному ему обвинению. Присяжные должны определить, совершил ли человек инкриминируемое ему преступление, и вынести свой вердикт только на основании представленных доказательств.

Шотландские присяжные состоят из пятнадцати человек, и для вынесения вердикта необходимо большинство. Они могут не высказывать своего мнения о виновности заключенного, а вместо этого признать обвинение недоказанным. Это наиболее практичное положение, позволяющее дать заключенному право на сомнение, возникшее у суда после заслушивания доказательств. Каким бы ни был вердикт, заключенный, будучи однажды судимым, не может быть снова обвинен в том же преступлении. Трудно представить себе систему, при которой к заключенному, обвиненному в преступлении, можно было бы относиться более справедливо; и если бы в судах по делам несовершеннолетних правонарушители получали такое же внимание, число отправленных в тюрьму значительно сократилось бы, а ряды закоренелых преступников не пополнились бы таким количеством новобранцев.

ГЛАВА II

ТЮРЕМНАЯ СИСТЕМА

Централизация - Учреждение Комиссии по тюрьмам - Парламентский контроль - Комиссары - Правила - Комитет по посещению - Начальник и матрона - Капеллан - Медицинский работник - Персонал.

До 1877 года все шотландские тюрьмы, за исключением пенитенциарного учреждения в Перте, находились под контролем и управлением местных властей. В результате существовало множество стандартов обращения с заключенными, и парламент решил, что, поскольку преобладающие методы были неудовлетворительными, обращение с заключенными и управление тюрьмами должны быть переданы центральному совету.

Изменения, внесенные Комиссией по тюрьмам, были многочисленными, и современная тюрьма значительно отличается от той, что была сорок лет назад; но прежде чем приписывать все улучшения новой системе, справедливо принять во внимание прогресс, достигнутый за это время в местном управлении. Сравнивать нужно не тюрьмы сорокалетней давности и сегодняшние, а тюрьмы и местные учреждения сегодняшнего дня. Централизованное управление, скорее всего, приведет к единообразию распорядка и лечения во всех тюрьмах, но сомнительно, что это будет преимуществом. Оно может привести к более экономичному управлению, если критерием является расходование денег, но это сильно затрудняет эксперименты на пути реформ. Не только нет двух одинаковых людей, но и нет двух одинаковых районов; и методы работы с людьми, принадлежащими к одной части Шотландии, не обязательно лучше применять к жителям другой части. Не стоит привозить заключенных из отдаленных районов в центры; всегда есть опасность, что они останутся там после освобождения и получают знакомства, которые вряд ли помогут им, кроме как в совершении правонарушений. Большое учреждение может стоить меньше денег, но в нем никогда не будет такого тщательного надзора, как в маленьком.

Тюремная комиссия Шотландии состоит из двух членов по должности и двух оплачиваемых членов. Членами по должности являются королевский агент и шериф Пертшира. Агент короны отправляется вместе с правительством дня, но обычно он не является членом парламента. Шериф Пертшира в силу своей должности входил в совет, который управлял старой тюрьмой в Перте; вероятно, именно поэтому он является комиссаром тюрем в соответствии с Актом 1877 года. Это, конечно, не потому, что Пертшир - графство, которое поставляет в тюрьмы много преступников из своих судов.

Таким образом, в Совете два юриста, один из которых - судья, а другой - солиситор, в чьем ведомстве ведутся государственные обвинения. Остальные комиссары - постоянные гражданские служащие, назначаемые министром по делам Шотландии.

Сначала было два инспектора, которые посвящали все свое время посещению различных тюрем и отчитывались о состоянии и управлении ими перед государственным секретарем, но со временем ситуация изменилась, и теперь секретарь Комиссии является единственным инспектором.

Комиссары сами посещают тюрьмы и инспектируют их; но поскольку они несут ответственность за управление, то можно критиковать то, что они отчитываются о своей собственной работе без независимой инспекции.

Государственный секретарь является главой Совета и несет ответственность перед парламентом за работу департамента; но единственным средством ознакомления с этой работой являются отчеты, которые он получает от Комиссии. Вопрос о том, не должны ли члены парламента иметь свое место и полномочия во всех советах, подобно тому, как члены городского совета формируют надзорный орган за работой своих департаментов, требует обсуждения. В настоящее время член парламента может только доставлять себе неудобства, задавая вопросы; именно к этому все и сводится, поскольку, каким бы ни был ответ, он оставляет его на прежнем месте. В конце он обычно остается таким же невежественным, как и в начале. Какой-нибудь обиженный избиратель, имея больше веры, чем знаний, делает заявление *ex-parte* своему представителю, тот задает вопрос министру, который передает его в соответствующий департамент, который передает ему ответ, данный человеком, на которого жалуются, из которого следует, что для жалобы нет никаких оснований. Это может быть неудобно для кого-то, но это не бизнес. Если жалобы слишком часты или жалобщики слишком влиятельны, чтобы их можно было игнорировать, министр формирует комитет по расследованию, который на время поднимает ситуацию, порицает кого-то, кто слишком мал, чтобы причинять неприятности, делает несколько извиняющихся предложений по изменению ситуации, отбеливает с либеральностью тех, кто больше всего в этом нуждается, и представляет очередной отчет для корзины с макулатурой.

Спазматические расследования никогда не смогут компенсировать систематическое пренебрежение, а их эффект редко вызывает не столько улучшение, сколько раздражение. Опасность для государственной службы заключается не в коррупции, а в том, что чиновничий разум теряет связь с духом времени и потребностями общества.

Правила управления тюрьмами устанавливает министр по делам Шотландии, и эти правила приобретают силу закона после того, как они в течение определенного времени лежат на столе Палаты общин. Они определяют обязанности различных должностных лиц, устанавливают правила обращения с заключенными и подробно рассматривают вопросы управления тюрьмами.

В руках комиссаров находится все управление, подчиненное правилам. Они назначают всех низших офицеров, переводят и повышают их в должности или увольняют, если их поведение неудовлетворительно. Они не назначают высших офицеров, но следует ожидать, что их советы будут рассматриваться государственным секретарем, которому и принадлежит назначение. Поскольку комиссар не может находиться одновременно в нескольких местах, нельзя ожидать, что он будет иметь глубокое представление о способностях людей, от которых зависит его продвижение по службе; и его задача в этом вопросе нелегка. Что касается знания заключенных из первых рук, то это невозможно; ведь заключенных так же трудно узнать, как и других людей, и один человек не может много знать о другом в результате случайного короткого разговора. Если бы они могли ошибаться, их нельзя было бы эффективно критиковать; ведь любой чиновник, который мог бы критиковать, рисковал бы остаться в этой должности ненадолго; на любого заключенного могли бы смотреть как на предвзятого человека; и ни один представитель общественности не может выступить с критикой, поскольку не знает фактов. Такое положение дел вызывает сожаление, ведь даже самые способные умы становятся лучше от того, что вступают в конфликт с другими людьми и соприкасаются с другими идеями, а система, препятствующая независимому мышлению, вряд ли приведет к быстрому прогрессу. Однако у нее есть свои преимущества: знание правил и привычка всегда их выполнять обеспечивают заключенному мир, а офицеру - хорошую репутацию и лучшие перспективы, чем те, на которые он мог бы надеяться, если бы был достаточно глуп, чтобы заставить свои мозги работать.

В частном бизнесе, когда человек получает должность, он не может ее удержать, если не использует свои суждения таким образом, чтобы убедить работодателя в том, что он стоит своей соли; если он не справляется с этой задачей, то подлежит увольнению. На государственной службе дело обстоит иначе. С одной стороны, здесь нет вопроса о банкротстве, с другой - есть гарантия пребывания на службе. Нельзя рассчитывать на то, что на должности всегда будут работать способные люди, но с помощью правил можно научить человека с умеренным талантом справляться со своей работой. Пренебрежение правилами может быть оправдано в каком-то конкретном случае и до тех пор, пока этот случай имеет значение, но это может вывести из строя всю машину.

Во всех отраслях государственной службы есть много способных людей, и этот факт часто упоминается министрами кабинета министров под громкие возгласы публики; но они признают необходимость рутины и следуют ей. В противном случае у них было бы меньше времени на литературную работу, в которой они могли бы использовать свои оригинальные способности с большей пользой. Государственные ведомства породили больше поэтов, романистов, критиков и драматургов, чем любой другой крупный бизнес, например, железные дороги или машиностроение. В них тоже работают талантливые люди, но их таланты направлены в деловое русло. Если бы их работа была прописана в правилах и нормах, они могли бы внести свой вклад в веселье наций.

Комиссары всегда назначаются из числа людей, занимающих хорошее положение, чей разум не искажен предыдущими связями с тюрьмами. Таким образом, они могут подходить к своим обязанностям без предрассудков; и чиновники, и заключенные могут быть уверены, что находятся в руках джентльменов.

Каждая тюрьма имеет свой комитет по посещению, состоящий из членов, назначенных различными местными властями, с добавлением дам, назначенных государственным секретарем. В соответствии с правилами для тюрем он обладает значительными полномочиями по критике, но они мало используются. В Глазго комитет собирается раз в год, и тогда его члены договариваются о посещении тюрьмы парами раз в месяц. На практике это

означает, что каждый член комитета проводит в тюрьме в среднем два-три часа в год. Можно предположить, как много члены комитета успевают узнать о работе тюрьмы за это время. Они обходят тюрьму и спрашивают каждого заключенного, есть ли у него жалобы, и редко получают их. Они следят за чистотой помещения и его обитателей, за тем, чтобы питание было хорошим, за тем, чтобы за больными ухаживали; иногда они могут выслушать жалобу на нарушение дисциплины и назначить за это наказание. Они записывают свои посещения и вносят любые предложения, которые могут прийти им в голову. При желании они могут напрямую общаться с государственным секретарем.

Они могли бы сыграть очень полезную роль в управлении тюрьмой, если бы их полномочия использовались в полной мере, а их встречи были бы более частыми. Они не имеют права производить расходы по адресу, но и без этого вполне можно представить, что, приглашая чиновников для разъяснения вопросов и обращая их внимание на особые случаи, они могли бы многое сделать, чтобы предложить улучшения, с целью предотвратить отправку некоторых людей в тюрьму и обеспечить других после их освобождения.

У них есть право разрешать или отказывать в определенных привилегиях неопробованным заключенным. Все они согласны с тем, что тюрьма - это прекрасно управляемое учреждение, настолько свободное от недостатков, насколько это вообще возможно; но задавались ли они когда-нибудь вопросом, в чем ее польза, сомнительно. В ней чисто, как и должно быть; в ней царит порядок, что не вызывает удивления, хотя заключенные находятся там потому, что "не умеют себя вести"; жалоб нет, и в конце посещения они знают о заключенных столько же, сколько можно узнать о естественной истории, обойдя зоопарк.

Можно было бы поручить им выяснить от имени местных властей, которые они представляют, почему заключенные находятся там и почему так много из них возвращаются; не пора ли нам искать другие средства борьбы с ними и какие; нельзя ли сделать больше и ничего другого, чем делается сейчас, чтобы помочь им при освобождении. У комиссаров достаточно дел; и по природе вещей они не так хорошо квалифицированы для решения этих вопросов, как местные власти, поскольку они не могут так близко соприкоснуться с местными условиями. Но члены комитетов по посещению обычно заняты в местных советах, и у них мало времени на тюремные дела, что может быть очень хорошей причиной для того, чтобы советы выдвигали других людей, которые могли бы найти время. Пока они просто следят за тем, чтобы заключенного не использовали не по назначению, они лишь частично заботятся об интересах заключенных и общества. Когда они начнут рассматривать вопросы с точки зрения общественного благосостояния, когда они поймут, что лечение преступника - это такой же вопрос общественного здоровья, как и лечение больного, и что в интересах общества, чтобы оно осуществлялось таким образом, чтобы привести к его исправлению, - это будет лучше для всех, включая заключенного.

Я могу себе представить, как местные комитеты делают для себя открытия в отношении причин преступности, которые окажут мощное влияние на всю их администрацию; оказывают давление в рамках закона там, где оно наиболее необходимо, и ослабляют давление там, где оно вредно; используют те полномочия, которые у них есть, вместо того чтобы сетовать на отсутствие власти, которая, как нет доказательств, могла бы быть использована, если бы она была им предоставлена; но для этого нужно начать.

Каждая тюрьма находится под руководством губернатора, который ежедневно поддерживает связь с офисом в Эдинбурге. Он посещает заключенных раз в день и выслушивает все жалобы от них или по их поводу. Он имеет право налагать определенные наказания за нарушение дисциплины, но если они связаны с сокращением рациона, то должны быть

подтверждены медицинским работником, который может отказать в их применении по медицинским показаниям. Он отвечает за выполнение правил, и его дискреционные полномочия очень малы. Для назначения на эту должность не предусмотрено никаких квалификационных требований, что дает государственному секретарю право назначить любого, кто, по его мнению, сможет удовлетворительно выполнять свои обязанности, и предотвращает превращение этой должности в заповедник для представителей какой-либо профессии. В Шотландии на должность губернатора назначались военные, а члены канцелярии и надзиратели получали повышение, но ни один профессионал никогда не занимал столь важный пост. Когда губернатор отсутствует или находится в отпуске, его место занимает старший надзиратель, который выполняет обязанности этой важной должности в дополнение к своим собственным.

При достаточном количестве заключенных-женщин за них отвечает матрона, которая посещает их так же, как губернатор посещает мужчин, и выполняет по отношению к ним аналогичные обязанности.

Тюремный капеллан должен быть рукоположенным священником, и в больших тюрьмах он еженедельно проводит службы и ежедневно читает молитвы. Он посещает заключенных в их камерах и дает духовное утешение и советы; он также делает все возможное, чтобы помочь им при освобождении. Заключенные, исповедующие римско-католическую и епископальную церкви, посещаются священнослужителями этих церквей аналогичным образом.

Медицинский работник должен быть зарегистрированным практикующим врачом, и его обязанность - следить за здоровьем персонала и заключенных. Из всех должностных лиц он обладает наибольшей свободой действий, поскольку до сих пор не было возможности руководить лечением больных из центрального офиса; но сама свобода, которой он обладает, может привести его к неприятностям, если он обратит внимание на различия в темпераменте заключенных и выйдет за рамки рассмотрения только физических признаков. Если он направит все свои силы на выполнение правил, ему не нужно бояться смерти от работы или беспокойства. Он может надеяться, что станет весьма уважаемым ископаемым и будет пользоваться уважением всех, кому он не доставлял неприятностей. Он может сделать многое, чтобы помочь заключенным, но не тем, что потакает им, а тем, что в какой-то степени очеловечивает это место и задает тон. Он не обязательно должен быть лучше своих коллег, но он в меньшей степени является частью рабочей машины, и это должно изменить его отношение. Его не касается дисциплина, поскольку больные свободны от нее, так что в каком-то смысле это его дело - вмешиваться в дисциплину. Его работа заключается в том, чтобы приносить пользу заключенным в понятной им форме; и у него даже есть преимущество перед капелланом, которого они также признают как человека, оказывающего на них влияние, поскольку люди обычно гораздо больше беспокоятся о своих телах, чем о своих душах. Губернатор может быть лучшим человеком, чем доктор или капеллан, но его положение главы системы, которую заключенные не считают направленной на их помощь, мешает ему влиять на них.

Когда-то канцелярский персонал тюрем состоял из клерков, но теперь люди, поступившие на работу надзирателями, получают должность клерка, часть дня проводя в тюрьме, а часть - в офисе. Все претенденты на должность надзирателей должны сдать ряд экзаменов и пройти испытательный срок в течение двенадцати месяцев, прежде чем их окончательно примут на службу. Строго проверяется их родословная, тщательно исследуется здоровье, сдается экзамен по общему образованию. После всего этого они получают зарплату, которая, мягко говоря, невелика. Это стабильная работа, и поэтому ее предпочитают те, кто предпочитает

небольшую зарплату с гарантированным сроком службы, чем рисковать в тяжелых условиях производственной жизни. Женщинам-надзирательницам платят больше, чем мужчинам, если говорить о женской зарплате. По сравнению с работой, которую они выполняют в других учреждениях, они хорошо обеспечены, но ажиотажа на вакансии не наблюдается. И мужчины, и женщины-надзиратели в шотландских тюрьмах выгодно отличаются от любых других служащих, а преобладающий дух, проявляемый ими по отношению к заключенным, - доброжелательность и человечность.

ГЛАВА III

ТЮРЬМА И ЕЕ РАСПОРЯДОК

Прием заключенных - чистота и порядок - план тюрьмы - камеры - их мебель - питание - одежда - работа - мастерские - раздельное содержание и объединение - гратуации - тюремные правонарушения - жалобы - камеры для наказаний - визиты капеллана - визиты представителей церквей - пропасть между посетителем и посетителем - часовня - Армия спасения - отдых - тюремная библиотека - лекции - проветривание - физические упражнения.

Как только заключенные оказываются в тюрьме, их состояние становится гораздо более комфортным, чем когда они находились под присмотром полицейского. Когда они выходят из фургона, у них проверяют документы, подтверждающие их личность, и проверяют ордера на их задержание. Затем их пропускают в приемную и помещают каждого в отдельную коробку. Их берут по одному и расспрашивают о некоторых деталях, которые отмечаются для идентификации и статистического учета. Затем наступает черед ванны. Заключенный снимает с себя всю одежду, и ее инвентаризируют. Когда он выходит из ванны, его собственная одежда заменяется платьем, предоставленным государством. Одежду дезинфицируют и складывают в пачку, чтобы не забыть о времени освобождения. Теперь он получает экземпляр тюремных правил, которым он должен подчиняться; Библию, которую он может изучать; сборник гимнов; промышленную карточку, на которой будет отмечаться его заработок, и некоторые другие предметы; и его передают в тюрьму. Там его жизнь превращается в однообразную рутину, независимо от того, короткий или длинный срок заключения.

Тюрьма удивляет посетителей своей тишиной и бросающейся в глаза чистотой, которая является ее характерной чертой. Впрочем, нет ничего удивительного в том, что люди способны поддерживать чистоту и порядок, когда у них мало других дел и нет возможности сделать ее грязной и неубранной. Чистота и опрятность в тюрьме отличается от чистоты и опрятности в домашнем хозяйстве. Это не чистота и опрятность здоровой жизни. Содержать свою камеру и мебель в порядке - часть работы заключенного.

Одну вещь посетители не могут не заметить, но не замечают, хотя она имеет гораздо большее значение, чем чистота, которой они восхищаются: добрый нрав и покладистость заключенных. То, что заключенные должны быть чистыми, - это замечательно; то, что люди,

совершавшие нарушения общественного порядка, нападения, кражи и вообще доставлявшие неудобства или наводившие ужас на общество, должны тихо и мирно передвигаться по работе или во время занятий, быть настолько послушными и послушными, что один надзиратель может присматривать за двадцатью из них и редко может сообщить о чем-либо, порочащем их, - гораздо более замечательно. Этих людей отправляют в тюрьму, потому что они не могут подчиняться закону, но, находясь в тюрьме, они не бунтуют; так что вполне разумно предположить, что в условиях их жизни вне тюрьмы было что-то, что привело их к проступкам, а не то, что они по своей природе неспособны вести себя хорошо.

Современная тюрьма построена по простому плану. В общих чертах ее можно описать как два блока камер, соединенных фронтоном с каждого конца и покрытых крышей; между блоками оставлен колодец, освещаемый с крыши. Все кельи имеют окна во внешних и двери во внутренних стенах. Вокруг этих внутренних стен проходят балконы, с которых можно попасть в камеры в каждой квартире. Камеры, в которых содержатся заключенные, представляют собой квартиры размером примерно 10 футов на 7 футов и 10 футов в высоту. Перегородки и крыши камер выполнены из побеленного кирпича, а пол - из камня и асфальта. В каждой камере есть небольшое окно в стене рядом с дверью, застекленное с затемненным стеклом, а на внешней стороне этих окон установлена газовая скоба. Ночью камера освещается таким образом, что уменьшает количество света и фиксирует его источник в углу. Это сделано для того, чтобы предотвратить попытку самоубийства путем вдыхания газа; но в учреждениях, где попытки самоубийства более вероятны, были найдены другие средства, чтобы предотвратить применение этого метода. В результате сто тысяч человек испытывают неудобства ради того, чтобы помешать одному человеку покончить с дискомфортом. Есть и другие способы разбить грецкий орех, кроме как раздавить его паровым молотком.

В тюремной камере не так много мебели. Кровать - это деревянная ставня, прикрепленная к стене, чтобы ее можно было складывать днем. Когда она не используется, постельные принадлежности сворачиваются в рулон и ставятся в угол квартиры. Осужденным мужчинам моложе шестидесяти лет в первые тридцать дней заключения не полагается матрас, они просто ложатся на доску. Я не думаю, что кто-то воображает, будто у человека будет больше шансов начать новую жизнь, если его заставят спать на голой доске, чем если бы ему дали матрас. Он предназначен для причинения боли, и он причиняет боль более чувствительным людям в большей степени, чем тем, кто имеет более грубую конституцию. Это часть системы, и она уйдет вместе с ней, когда люди осознают, что раздражать и досаждать другим - бессмысленное занятие.

В последние годы было обнаружено, что вероятность побега заключенных при хорошем освещении камер так же мала, как и при плохом. Поэтому окна были увеличены, и никто от этого не проиграл. Камера и в лучшем случае не внушает оптимизма, но были предприняты усилия, чтобы сделать ее менее голой. Несколько лет назад во многих камерах к стене был прикреплен шестидюймовый круг из стекла. Стекло было из тех сортов, которые искажают все, что сквозь них видно, когда используются для окон, а когда они посеребрены и превращены в зеркало, эффект получается особый.

Стены некоторых камер украшены хромолитографией - такой, какую многие владельцы магазинов дарят покупателям на Новый год в качестве календаря. Зеркало и гравюра, пусть плохая работа и плохое искусство, облегчают голые, уродливые стены камер и свидетельствуют о том, что нынешняя система не так уж совершенна, как могла бы быть. Заслуживают ли такие смягчения (если можно назвать смягчением то, что ты видишь свое перекошенное лицо и смотришь на сентиментальную хромоту) того шума, который вокруг них

поднят, - другой вопрос, ведь главный вопрос не в том, следует ли смягчать тюремное заключение, а в том, какова его цель.

В Шотландии предписанная диета очень проста. По количеству она вполне удовлетворяет потребности подавляющего большинства заключенных. Действительно, значительная часть получает больше, чем они могут потреблять. Медицинский работник может уменьшить рацион, чтобы предотвратить растраты; или он может увеличить рацион, если, по его мнению, заключенный нуждается в большем количестве пищи. Поскольку я считаю, что почти каждый человек знает свои потребности гораздо лучше, чем специалист по питанию, просьба заключенного о большем количестве пищи никогда не отклоняется при условии, что он потребляет все, что получает. Совсем другое дело - просьба о смене пищи; но человек, который ради обжорства наедается рационом, предусмотренным для заключенных, был бы в диковинку.

Еда отличного качества, но разнообразия мало. Ежедневно в тюрьме три приема пищи. Утром и вечером - каша и кислое молоко с хлебом, а ужин обычно состоит из бульона и хлеба. Это обычная рутинная диета, и можно понять, что через некоторое время неестественно возникает желание перемен. Это простая диета, и ее вполне достаточно. Уровень смертности в тюрьмах невелик. Улучшение здоровья сломленных и привычно развратных людей за время заключения заметно, и нет сомнений, что режим спасает многих из них от смерти и продлевает им жизнь.

В наши дни о пользе кислого молока проповедуют ученые, а выращивание молочнокислой палочки стало признанной отраслью промышленности. В шотландских тюрьмах заключенные уже много лет пользуются ее благотворным действием, хотя и не знают ее названия и были бы рады видеть сладкое молоко, а не кислое. Состояние их здоровья - весомый аргумент в пользу сторонников простой жизни, но большинство из них предпочли бы большее разнообразие в еде, даже если бы умерли на несколько лет раньше.

Одежда заключенных по покрою и материалу не похожа ни на что, что можно увидеть снаружи. Неосужденный мужчина официально одет в коричневый вельвет, а когда его осуждают, он меняет его на белую кротовую кожу. Поверхность ткани раньше украшали широкими стрелками, так что заключенный выглядел как человек в доисторическом платье, по которому прошлась гигантская курица после того, как вымазалась в типографской краске; но это было отменено.

Покрой одежды, похоже, призван экономить ткань, и пока заключенному тепло, он не беспокоится о том, что его одежда немодная. Что касается женской одежды, то, будучи простым человеком, я не могу ее описать; но дамы, посещающие тюрьму, сходятся во мнении, что она простая и аккуратная. Оно, конечно, разительно отличается от того, что носят они.

По правилам, все осужденные должны носить тюремную одежду. Среди них не так уж много тех, чья собственная одежда достаточно чиста, чтобы ее можно было носить, и не так уж мало тех, кто одет в лохмотья больше, чем нужно. Не лучше ли будет заняться чисткой и починкой собственной одежды, чем делать многие вещи, которые они должны делать, - вопрос, который можно рассмотреть. Конечно, не кажется разумным, что из-за того, что человек обиделся, мы должны навязывать ему свое гостеприимство, заставляя его пользоваться одеждой, предоставленной нами, если у него есть своя собственная одежда, которую он может носить достойно. Его собственная одежда была отложена в сторону, пока он находился под нашей опекой, и по истечении срока наказания она может быть возвращена ему в том виде, в каком была взята у него, за исключением складок, которые она

приобрела за это время. Заставить заключенных улучшать свой внешний вид обойдется чиновникам дороже, чем заставить их разбивать камни, и все же, возможно, не так уж плохо ничего не делать для человека, даже не обеспечивать его одеждой, если он может сделать это сам[2].

Когда срок заключения превышает определенный срок, их одежду стирают, а по окончании заключения она возвращается им чистой. Это учит их тому, что если они не будут содержать свою одежду в чистоте, то она будет выстирана за них. Во всяком случае, это не учит их делать необходимую работу самостоятельно; но в таком случае гораздо проще делать что-то за людей, чем учить их делать это самостоятельно.

В разных районах заключенным предоставляется разная работа, но у нее есть одна общая характеристика: мало кто мог бы зарабатывать на жизнь этим трудом вне тюрьмы. Те, кому следовало бы знать лучше, утверждают, что тюрьмы не могут заниматься ничем, кроме самых низких видов неквалифицированного труда, из-за возражений профсоюзов. Эти общества не более непогрешимы в своей мудрости, чем их критики, но они не придерживаются той глупой позиции, которую им приписывают. Как и работодатели, они возражают против недобросовестной конкуренции со стороны тюрем и вполне обоснованно принимают меры по предотвращению занижения цен со стороны властей. Тюрьмы не являются самокупаемыми учреждениями, и, соответствии с существующей природой вещей, их нельзя заставить покрывать расходы, связанные с их содержанием. Большинство заключенных вполне могут заработать на еду и одежду, но расходы на надзор за ними значительно превышают стоимость их питания. Для содержания заключенного требуется не так уж много, но для содержания меня и моих коллег - очень много, и это необходимая часть расходов, которые несет учреждение.

Тюремная отчетность, опубликованная, показывает прибыль в некоторых отделах тюремного труда, но она получена бесхитростным способом, когда не учитывается все, кроме стоимости материалов и (если работа не для внешнего заказчика) столько-то в час на каждого заключенного, занятого в ней. Если бы производитель учитывал только эти статьи расходов, было бы меньше банкротов и больше богатых людей; и если бы цена товара определялась на основе сметы, включающей только эти статьи плюс разумную прибыль, совершенно очевидно, что труд заключенных мог бы превзойти бесплатный труд. Профсоюзы и частные работодатели просто настаивают на том, чтобы тюремные товары продавались по ценам, не снижающим рыночную стоимость.

Тюремный труд никогда не будет столь эффективным, как свободный, и хотя использование заключенных для выполнения тюремных работ может быть оправдано по другим причинам, его нельзя защищать на экономической основе. Часто высказывается мысль о том, что осужденным ремесленникам следует разрешить работать по своей специальности во время тюремного заключения; таким образом, они не потеряют практику и не смогут вернуться к своей обычной работе по истечении срока наказания; но небольшое рассмотрение фактов покажет, что, как бы это ни было желательно, это неосуществимо. В тюрьме в любой момент времени может находиться несколько ремесленников, но их профессии очень разные; и во многих случаях они имеют такой характер, что даже если бы для них можно было найти работу, ее нельзя было бы выполнить из-за необходимости установки дорогостоящего оборудования.

Даже если работа такого рода, что ее можно выполнять в тюрьме, она не может быть выполнена по другим причинам. В тюрьме Глазго, где женщин больше, чем мужчин, несколько лет назад была открыта прачечная, и клиентам было предложено присылать свои

вещи для стирки по обычным внешним расценкам. Стирка осуществляется вручную, и ни одна современная стиральная машина не используется. В результате вещи не подвергаются такой нагрузке и служат дольше. Вскоре возникли трудности, и стало совершенно ясно, что они вызваны не действиями внешних прачечных, с которыми конкурировала тюрьма, а недостатками, присущими тюремной прачечной. Ни один бизнес не будет успешным, если он не соблюдает требования своих клиентов, которые требуют, чтобы их работа была выполнена и сдана в надлежащем состоянии в установленный срок. Иногда среди заключенных есть опытные прачки, а иногда их нет. Стирка может быть очень простым процессом, не требующим особой подготовки (хотя многие профессии, по мнению тех, кто за них не брался, довольно просты, но трудны для тех, кто пробует их впервые), но для того, чтобы накрахмалить и прогладить одежду удовлетворительным образом, требуется определенный навык. Заказчики убедились в этом на собственном опыте. Такую работу, а она кажется простой, трудно получить не потому, что конкурирующие фирмы снаружи ставят препятствия, а потому, что у заказчика нет гарантии, что она будет регулярно выполняться к его удовлетворению.

В разных тюрьмах мастерские различаются по типу, но их объединяет то, что они отличаются от любой мастерской за пределами тюрьмы. Способности и опыт, которыми обладают менеджеры в тюрьмах, не такие, как у менеджеров мастерских за их пределами. Обучение было совершенно иным. Человек, работающий вне тюрьмы, может гордиться своими рабочими механизмами, но если его баланс неудовлетворителен, то его гордость эффективно проверяется. У тех, кто управляет тюрьмами, такой проверки нет. Если помнить, что они являются единственными уполномоченными критиками своей собственной работы, то неудивительно, что ее характер должен отличаться от той, которую производят промышленные предприятия за пределами тюрьмы. Как правило, заключенные заняты неквалифицированным трудом. Некоторые из них работают вместе, но всегда под наблюдением офицера, который следит за тем, чтобы они не вступали в разговоры друг с другом.

Общественность обратила внимание на жестокость одиночного заключения, и ничто из сказанного или написанного на эту тему не может быть слишком сильным в своем осуждении. Термин "одиночное заключение" обычно вызывает возражения и заменяется термином "раздельное заключение"; но общественность не должна беспокоиться о различиях, которые носят чисто технический характер. Практика жесткого соблюдения тишины и попыток предотвратить любые, кроме самых простых официальных бесед или ассоциаций между заключенным и другими людьми, принесет столько же серьезного вреда, под каким бы названием она ни называлась. Опыт показывает, что общение заключенных друг с другом в отсутствие строгого надзора может привести к всеобщей коррупции, но рациональные усилия по предотвращению этого зла могут быть предприняты без риска побудить к большему.

Заключенным запрещено разговаривать друг с другом, а офицеры не в состоянии много общаться с ними, кроме как по делу, даже если бы у них была к этому склонность.

Заключенные могут быть не самой подходящей компанией друг для друга; но в случае с большинством из них замыкание в себе, не допускающее никого, кроме самого себя, может привести только к ухудшению психического состояния, и нет никаких сомнений в том, что некоторые из них доведены до безумия таким обращением.

Нередко старые заключенные страдают манией подозрительности и преследования, и этому не приходится удивляться, если принять во внимание узость их жизни в тюрьме и то, что

человек, лишенный разумного общения с другими людьми и подавляющий свое природное любопытство, склонен придавать мелочам чрезмерное значение.

Чем однообразнее его жизнь, тем больше его ум вынужден заикливаться на мелочах, которые происходят вокруг него; чем больше он замыкается в себе, тем больше тенденция к его умственному извращению. Чем более свежим и разнообразным будет его интерес к вещам вне себя, тем лучше для него и для других.

В последние годы наблюдается тенденция к менее строгому применению правил, призванных обеспечить тишину, и в настоящее время заключенные объединяются в более разумные группы, чем когда-либо, и их внимание меньше напрягается в попытке одновременно следить за своей работой и надзирателем, который за ней наблюдает.

Когда они находятся под присмотром здравомыслящего человека, очень мала опасность того, что они сделают или скажут что-то вредное; а поскольку ночью все они находятся в отдельных камерах, разврат, который иногда происходит в учреждениях, где используется система общежития, невозможен.

Среди заключенных в Глазго, по моему опыту, никогда не было возможности для развития задумчивости, подозрительности и вредных привычек. Тот факт, что здесь содержится так много неиспытанных заключенных, обязательно в более благоприятных условиях, чем осужденные, делает это место таким, где жизнь более разнообразна и где правила могут менее легко соблюдаться, чем в некоторых других учреждениях. На глазах заключенных происходит больше событий, и им есть чем заинтересоваться.

Большая часть работы выполняется совместно, а той, что делается в камерах, обычно занимаются заключенные, задержанные на короткий срок; но даже в этом случае их не оставляют одних надолго. Их часто навещают с той или иной целью, и нет никаких попыток притеснить или загнать их. И все же, в лучшем случае, эта жизнь не является здоровой с точки зрения психики.

Работа и хорошее поведение поощряются отметками. Заключенные, чей срок превышает четырнадцать дней и которые не находятся на каторжных работах, могут зарабатывать четыре марки в день. За каждые шесть заработанных марок полагается один пенни в качестве вознаграждения заключенному по истечении срока наказания, которое может быть выплачено ему при освобождении, или он может получить его через то или иное общество помощи после освобождения. Заключенные, занятые тяжелым трудом, могут получать вознаграждение в размере одного шиллинга в месяц, если их поведение и работа были удовлетворительными.

Губернатор ежедневно встречается с каждым заключенным, чтобы выслушать любую жалобу, которая может возникнуть либо со стороны заключенного, либо со стороны надзирателя; но в остальном посещение носит формальный характер, как это обычно бывает при инспекции. Если у заключенного есть жалоба или просьба, она рассматривается или удовлетворяется. Если есть жалоба на заключенного, стороны заслушиваются, и выносится решение. Существует множество действий, которые являются правонарушениями в тюрьме, и губернатор имеет право в незначительных случаях рассматривать их и назначать наказание по своему усмотрению; но ни в коем случае изменение диеты или причинение любого физического дискомфорта не может быть исполнено наказанием, пока заключенный не будет признан медицинским работником в состоянии выдержать его.

Заклученный может провиниться самыми разными способами, например, по неосторожности разбить посуду; из-за безделья не выполнить свою задачу; из-за неопрятности содержать свою камеру в неудовлетворительном состоянии; он может быть наглым и непокорным по отношению к офицерам; он может быть осужден за разговор с другим заключенным или за несанкционированное общение. В большинстве случаев эти правонарушения носят пустяковый характер и не являются преступлениями за пределами тюрьмы, но для сохранения системы необходимо бороться с нарушителями.

В более серьезных случаях преступника судит член Комитета по посещению тюрьмы или тюремный комиссар. В некоторых случаях нельзя не прийти к выводу, что правонарушения вызваны скорее несовместимостью темперамента заключенного и тех, кто над ним работает, чем чем-либо еще. Заключенный может хорошо себя вести и работать под надзором одного офицера и плохо - под присмотром другого. Некоторые люди могут управлять подчиненными лучше, чем другие; но нередко заключенный не является ни злобным человеком, ни глупым надзирателем, и все же они не могут ужиться вместе. Очевидная вещь - разделить их; простая вещь - наказать заключенного.

Иногда заключенные нападают на надзирателей. За шестнадцать лет работы я видел очень мало таких случаев, и обычно нападавшие были полубезумными существами, у которых возникла неприязнь к человеку, на которого они нападали, не имеющая под собой никаких веских оснований. По моему мнению, такие дела никогда не должны рассматриваться в тюрьме. Преступления, совершенные в тюрьме, которые были бы подсудны уголовным властям, если бы совершались на свободе, должны рассматриваться в открытом суде. Я не предполагаю, что с заключенным обойдутся несправедливо, если его будут судить в тюрьме, но нельзя отрицать, что атмосфера не благоприятствует тому, чтобы у сложилось впечатление, что он получает то, что он назвал бы "честным шоу"; и суд над человеком перед судом, состоящим из лиц, заинтересованных в управлении тюрьмами, по жалобе тюремного чиновника и без присутствия представителей общественности, не может внушать доверия.

Заключенные имеют право обратиться с любой жалобой к тюремным комиссарам в письменном виде, и начальник тюрьмы обязан переслать ее; или же они могут напрямую обратиться к министру по делам Шотландии, не видя письма тюремных служащих. Такие жалобы могут быть переданы тем, на кого жалуются, для ответа, а если результат не удовлетворит, может быть проведено специальное расследование.

В каждой тюрьме есть карцеры - места для содержания непокорных заключенных. При рациональном управлении они не нужны, разве что временно, и то только для того, чтобы заключенный не нанес себе или другим увечья, не раздражал других заключенных шумом, находясь в припадке, напоминающем безумие.

В обязанности капеллана входит посещение заключенных, и хотя предполагается, что он должен служить им духовным утешением, на практике этот термин может означать что угодно. Человек, будь то священнослужитель или нет, который ставит себя в положение цензора нравственности для своих товарищей, не вызывает у них ни симпатии, ни уважения, если только он не останавливается на достигнутом. Мало кому нравится, когда с ним разговаривают свысока, будь то в тюрьме или за ее пределами. Превосходное отношение к некоторым скорее привлечет их злые качества, возбудит в них дурное настроение и гнев, чем поможет им. Я не думаю, что тюремные капелланы в Шотландии, независимо от того, принадлежат они к той или иной конфессии или нет, склонны считать, что на тех, к кому они

обращаются, обязательно лежит вся вина за их положение. Здесь больше склонности к жалости, чем к порицанию, хотя отношение жалости иногда является большим оскорблением, чем порицание, и может вызывать такое же глубокое раздражение.

В последнее время растет стремление говорить заключенным добрые слова. Мы можем поверить, что добрым взглядом можно добиться большего, чем грубым словом, и упустить из виду тот факт, что жалость и сочувствие - две совершенно разные вещи. Дело в том, что никто не в состоянии справедливо оценить степень вины, которую следует возложить на человека за его проступки, и степень дискредитации общества; но мало кому помогает то, что его убеждают, что он свободен от вины, что он не мог поступить лучше, чем поступил.

Заклученные ничем не отличаются от других людей в своем стремлении придать собственному поведению наилучший вид. Поразительно много заключенных сидят в тюрьме, потому что у них были плохие соседи. По их словам, они могли бы прекрасно жить, если бы не люди, живущие по соседству. В какой-то степени это может быть правдой, но внимание к недостаткам соседей не поможет им исправить собственное поведение. Я не предполагаю, что такое отношение с их стороны, эта склонность доказывать, насколько они сравнительно благополучны, и насколько предосудительны те, с кем они вступили в контакт, вызваны служением духовенства, но лишь то, что оно влияет на их оценку служителей религии.

Отношение заключенного к священнику - это одно, а его отношение к врачу, например, - совсем другое. Капеллан хочет, чтобы его считали другом заключенного, и то, что многие его так считают, не вызывает сомнений; но, к сожалению, некоторые из них, похоже, измеряют дружбу способностью охмурить друга, а ценность священника - тем, что они могут вложить в него, что может сказать в их пользу при оценке его характера, и тем, что они могут получить от него в виде материальной помощи. Капеллана иногда обманывают, впрочем, как и всех нас; его должность и его послание делают его мишенью для козней нечестивцев. Он видит одну сторону заключенного лучше, чем любой другой чиновник, и если у него есть поддельные кающиеся, то есть и настоящие. Его визиты могут быть источником ободрения и силы для заключенного; но какой бы духовный эффект ни имело его учение - большой или малый, - если он проявляет человеческий интерес к тем, кого посещает, то в той мере, в какой его характер вызывает уважение, его служение не позволяет заключенному погрузиться в монотонность дисциплины, которой он подвергается.

Представители различных религиозных организаций посещают заключенных. Они отличаются искренностью и усердием, но часто между посетителем и посещаемым существует фатальная разница в позициях. Девочка, воспитанная в трущобах, видящая и слышащая виды и звуки, возмущающие приличия; работающая долгими часами, чтобы заработать на скудную жизнь; содержащаяся хуже многих лошадей и собак; плохо обученная и неухоженная; преступила закон и была отправлена в тюрьму. Она знает, что виновата в том, что поступила так, как поступила, но она и такие же, как она, считают свое заключение в тюрьму в какой-то степени случайностью. Трудно описать эту точку зрения. На оживленной улице, где постоянно движется поток лошадей и механического транспорта в разных направлениях и с разной скоростью, всегда есть опасность для пассажира, который пытается перейти дорогу; и время от времени кого-то сбивают и причиняют боль. Пострадавший всегда в той или иной степени виноват, потому что не смог точно оценить опасность и успешно ее избежать; но могут быть виноваты и другие. Вина никогда не лежит полностью на одной стороне. Для девушки закон похож на уличное движение, и когда ее сбивают, она и ее друзья считают ее жертвой несчастья.

Но это не точка зрения посетителя. Она может ничего не знать об испытаниях и искушениях бедняков, кроме того, что видела со стороны. Голод никогда не был ее спутником, бедность была ей незнакома. Она получала внимание и заботу в раннем возрасте; ей не поручали ничего сверх ее сил; она могла сама выбирать себе работу и делать ее в свое время; она была хорошо устроена и сыта, и ей было легко подчиняться закону. Между ними лежит огромная пропасть. Их мировоззрение столь же различно, как и их опыт.

Большая ошибка полагать, что богатые знают о бедных больше, чем бедные о богатых. Уличный болтун может осуждать роскошь богатых и подвергать себя их насмешкам. Они знают, что они не такие, какими он их рисует, и смеются или издеваются над его невежеством; но они так же мало компетентны судить о нем, как и он о них. Каждый видит пороки другого; и каждый посетитель - такой же объект критики со стороны заключенного, как и он сам.

Ожидать, что женщина в тюрьме доверится незнакомцу, который ее навещает, так же неразумно, как заключенной ожидать, что посетитель будет отвечать на ее вопросы. Одно можно сказать с полной уверенностью: посетители не приносят той пользы, которую они воображают, переходя из одной камеры в другую и увещевая заключенных к лучшему поведению. Они будоражат эмоции тех, кому служат, и некоторые женщины находят большое утешение и облегчение в добром плаче. Есть, однако, и те, кто научился не верить в возможность массового исправления заключенных, и кто выделяет какую-то одну, которой кажется возможным помочь, держится за нее, навещает и ободряет ее после освобождения, получая в награду сознание того, что они действительно оказали действенную помощь там, где она была необходима.

Идеал, которого придерживаются посетители в своих советах заключенным, слишком часто кажется недостижимым для тех, кому его преподносят. Есть те, кто не стремится жить в рамках закона, но есть и те, кто предпочел бы сделать это, если бы мог. Большинство из нас не обладает способностью стать великими святыми; и требовать от обычного человека соответствовать стандарту, который представляет для нас трудности, не представляется разумным. Что-то выигрывает тот, кто, хотя и не может убедить человека быть хорошим, может побудить его стать лучше, чем он был. Подобно тому, как многие люди шаг за шагом вступают на путь зла, их можно постепенно привести к лучшему образу жизни. Внезапные обращения - не редкость, но они не являются правилом. Посещения заключенных людьми со стороны приносят огромную пользу; все, что угодно, нарушает монотонность дня; и если посетители восприимчивы, они могут многому научиться у заключенных и стать лучше от своего визита, даже если им не удастся произвести желаемое впечатление на тех, с кем они разговаривали.

В тюрьме признаны три формы религии: пресвитерианская, римско-католическая и епископальная. Раз в неделю священнослужитель каждой из этих церквей проводит службу, а пресвитериане ежедневно ходят на молитву.

Часовня имеет более или менее церковный вид и разделена таким образом, что заключенные мужского и женского пола не видят друг друга, хотя проповедник может видеть оба отделения. Большинство заключенных не посещают религиозные службы, когда находятся на свободе, но некоторые проводят гениальное различие между религией и поведением. Я помню одну пожилую женщину, которая поседела и почти ослепла после долгого порочного и преступного поведения. Она красноречиво отзывалась о человеке, который, по ее словам, был "ничем не лучше неверного". Я ответил, что "по крайней мере, он

избежал тюрьмы", а она ответила: "Да; но хотя я была пьяницей, негодяем и вором, слава Богу, я никогда не пренебрегала своей религией".

Я не знаю, являются ли представители Армии спасения более эффективными религиозными агентами, чем другие посетители. Их работа, безусловно, лучше рекламируется, и они обычно принадлежат к тому же социальному слою, что и многие заключенные. Религия, которую они преподают, если она выражена более эмоционально, не отличается от той, которую преподают другие посетители; но они могут обратиться к заключенному более эффективно, потому что они лучше, чем многие другие, могут оценить трудности и искушения, под которые попал правонарушитель, и сочувствовать им.

Многие из тех, кто находится в тюрьме, попали туда не из-за безделья. В свое время они трудились больше, чем те, кто красноречиво говорит о достоинстве труда. Они также не находятся там потому, что, подобно язычникам, никогда не слышали Евангелия. На самом деле, большинство из них никогда не могут надолго оторваться от голоса проповедника, потому что евангелисты по ночам поют гимны и увещевают публику во всех бедных рабочих районах. Они тяжело трудились, чтобы заработать деньги, и оказались в тюрьме, потому что не знали, как их разумно потратить. В тюрьме их не учат полезному труду, и так же мало их учат тому, как отдыхать после работы. Их день можно разделить на четыре части: Есть время для еды; есть время для работы; что они делают и чем питаются, уже было показано. Есть время для сна: они ложатся спать рано вечером и встают рано утром. "Рано ложиться и рано вставать, делает человека..." ну, не делает. Во всяком случае, заключенные тюрьмы до сих пор не привлекали внимания ни своим богатством, ни своей мудростью. Тогда остается время для медитации.

У каждого заключенного есть Библия и молитвенник. Я далек от мысли, что это положение не должно быть выполнено, но сейчас уже общепризнанно, что простое чтение Библии или молитва, когда заключенный в какой-то мере вынужден к этому, вряд ли окажут самое благотворное влияние. Иногда полезно уметь цитировать Священное Писание, и некоторые из тех, кто провел значительную часть своей жизни в тюрьме, накопили в памяти большой и разнообразный набор текстов, которые они готовы использовать, когда считают, что это принесет пользу. Заявление об исправлении кажется более действенным, если оно подкреплено текстами из Священного Писания, а призыв о помощи со стороны кающегося имеет больше шансов на успех, если он услышан благочестивыми, многие из которых очень добры к тем, кто проявляет склонность соответствовать их богословским стандартам.

Лица, чей срок заключения превышает четырнадцать дней, могут получить книги из тюремной библиотеки, чтобы скоротать время. Выдаваемые книги похожи на одежду, в том отношении, что во многом зависит от случая, подойдут ли они тому, кто их получит. Я видел, как неграмотный парень из трущоб безнадежно бился над элементарным пособием по электричеству и магнетизму. Полагаю, это можно рассматривать как образовательную работу. Библиотека тщательно отбирается с намерением исключить всю вредную литературу - конечно, сенсации пропускаются, но у всех нас разные представления о ценности книг; я бы сам назвал некоторые популярные произведения вредной литературой; и многие из тех работ, которые одни люди ценят и могут читать без видимого вреда, не приносят пользы другим. Жалобы на то, что в тюремных библиотеках много плохой литературы и недостаточно представлены классические писатели, не учитывают того факта, что об этих классических писателях больше говорят, чем читают. Популярный романист наших дней имеет большую аудиторию в своем поколении, чем когда-либо имел Шекспир. Одного писателя читают при жизни, другой находит свою аудиторию на протяжении всех веков. В тюрьме, как и во всех других учреждениях, пытаются работать на средний уровень. Когда в тюрьме появляется

образованный человек, давайте воздержимся от оскорбления его интеллекта, давая ему читать книги, которые он презирает; но он должен помнить, что другие не такие, как он, и что они могут даже получить стимул и пользу от тех произведений, которые могут только раздражать его.

Неиспытанному заключенному могут присылать газеты и журналы, а также книги, если, конечно, Комитет по посещению не откажет ему в этом. Он может сам выбирать подходящую литературу, если его друзья готовы присылать ее ему, но сразу после осуждения у него нет выбора в этом вопросе. Государство - его библиотекарь; и кажется немного абсурдным, что налогоплательщик должен платить за предоставление ему вещей, которые ему не нужны и которые не могут принести ему никакой пользы, если он или его друзья могли бы за свой счет достать ему книги, которые бы ему понравились.

В последние годы для заключенных читаются лекции, а иногда для них устраиваются концерты. Лекции были на самые разные темы. Некоторые из них были посвящены путешествиям и иллюстрировались видами из окна; другие касались санитарии, физиологии и лечения обычных недугов; третьи проходили в форме кулинарных демонстраций; и тюремная публика неизменно оказывается более благодарной, чем большинство слушателей на воле. Им нравится все, что нарушает скуку их рутинной жизни. Никто из здравомыслящих людей не ожидает, что лекции сделают их путешественниками, физиологами или поварами, хотя интерес к этим предметам лектор может разжечь. Мало кому удастся с помощью лекций изменить свою жизнь, но все, что не дает им погрузиться в апатию, задумываться о мелких происшествиях, из которых складывается их жизнь в тюрьме, биться о прутья клетки, - полезно.

Есть те, кто протестует против создания слишком комфортных условий в тюрьме и, похоже, считает, что люди хотят туда попасть. Не стоит этого бояться. Клетка есть клетка, даже если она позолочена, и мало кто стремится к заключению. Время от времени некоторые говорят, что предпочитают тюрьму богадельне. Я работал в обоих местах и полностью согласен с их предпочтениями, но это не свидетельство желательности жизни в тюрьме, а упрек в адрес богадельни. Те, кто поддерживает усилия по уменьшению монотонности тюремной жизни, не движимы никаким желанием, чтобы заключенные хорошо проводили время. Со своей стороны, я стремлюсь сделать их участь менее механической не только ради них самих, но и ради общества, частью которого они являются. Я считаю, что тюремное заключение плохо влияет на тех, кто его переносит, и поскольку в один прекрасный день они выйдут на свободу, желательно не допустить, чтобы их освободили в состоянии, которое сделает их более опасными для сограждан или более хлопотными, чем они были до ареста".

За пределами блока камер находится проветриваемый двор, состоящий из пространства, вокруг которого проходят две узкие мощеные дорожки. На них заключенные совершают свои физические упражнения, каждый из них гуляет по часу ежедневно для пользы своего здоровья; они отделены пространством от заключенного впереди и заключенного позади него, и за ними следит надзиратель, чтобы между ними и их товарищами не возникало никаких разговоров или признаков узнавания. Пожилые или физически неполноценные заключенные идут по внутреннему кольцу, где темп медленнее.

Некоторые заключенные-женщины проходят курс обучения шведской гимнастике. Их мнение выражается в названии, под которым известно это упражнение. Оно называется "Час дрифта", и они получают от него удовольствие. Что касается его пользы с промышленной точки зрения, то чем меньше сказано, тем лучше. Она не приносит вреда и является

приятным перерывом в течение дня. Короче говоря, заключенным лучше проходить через учения, чем заниматься чем-то худшим.

ГЛАВА IV

ВАРИАЦИИ РАСПОРЯДКА ДНЯ

Больные - Тюремные больницы - Вывоз больных во внешние больницы - Мудрость этого курса - Существенное различие между тюрьмой и другими государственными учреждениями - Лечение непримиримых заключенных - Глупость предположения, что правила более священны, чем люди - Положение медицинского работника по отношению к заключенному - Опасность разделения ответственности - Неиспытанный заключенный - Его привилегии - Гражданские заключенные - Заключение за неуважение к суду - Приговор - Короткие и длинные приговоры.

Система не учитывает индивидуальные различия между заключенными и не принимает во внимание прошлое обучение, которое сделало их такими, какие они есть, но признает физические различия. В обязанности медицинского работника входит следить за тем, чтобы никто не перегружался, не недоедал и не был недостаточно одет, а также оказывать помощь при любом недомогании. Если заключенный невменяем, его отправляют в приют для умалишенных. Если он болен, его помещают на лечение.

В большинстве случаев тюремные больницы - это просто более просторные и лучше освещенные камеры. В них нет ничего, кроме грубейшей имитации современного больничного оборудования; но поскольку в них нет необходимости лечить заключенных, страдающих острыми серьезными заболеваниями, их вполне достаточно для тех нужд, которые они должны удовлетворять. Для лечения больных требуется не столько камень и известь, сколько плоть и кровь. Не новые больницы, а квалифицированные медсестры.

Когда заключенному сообщают о болезни или он просит показать его врачу, он автоматически освобождается от обычных правил. Если медик решит, что в его состоянии нет ничего такого, что бы оправдывало внесение его в список больных, он снова попадает под тюремную дисциплину. Однако, если ему требуется лечение, медицинский работник может назначить любой режим, который он считает применимым в данном случае, а губернатор распоряжается о его выполнении. В целом можно сказать, что случаи, требующие постоянного присутствия квалифицированной медсестры, и случаи, требующие серьезного оперативного лечения, не нуждаются в лечении в шотландских тюрьмах. Раздел 72 Закона о тюрьмах (Шотландия) 1877 года позволяет губернатору в определенных случаях ходатайствовать перед шерифом о выдаче ордера на перевод больных заключенных в больницы за пределами страны. Он должен представить два медицинских свидетельства о том, что заключенный (1) страдает от болезни, которая угрожает непосредственной опасностью для жизни и не может быть вылечена в тюрьме, или (2) от болезни, которая

делает его перемещение необходимым для здоровья других заключенных тюрьмы, или (3) что дальнейшее содержание в тюрьме будет угрожать его жизни. Это одно из самых мудрых положений Закона. Могут возникнуть случаи, когда требуемое лечение будет иметь такой характер, что его проведение в тюрьме будет нецелесообразным.

Если предположить, что опыт и квалификация тюремных врачей и их персонала не отличаются от опыта и квалификации соответствующих должностных лиц в больнице общего профиля, условия содержания в тюрьме существенно отличаются. В общей больнице пациентами являются самые разные люди, и их друзья имеют к ним доступ; по сравнению с тюрьмой это общественное место. Персонал подвергается постоянной критике, не всегда просвещенной, а иногда и несправедливой, но она оказывает здоровое влияние на их действия. Нет большей опасности для общества, чем бесконтрольный специалист; и для него плохо, если его заставляют верить в непогрешимость своих суждений или в их необходимую применимость к случаю, с которым он имеет дело. Он не может проводить операцию без согласия пациента или его друзей, даже если он считает, что операция необходима для спасения жизни. Бывают случаи, когда в этом разрешении отказывают, несмотря на все уговоры врача; и в некоторых из них, вопреки ожиданиям, пациент выздоравливает. В других случаях смерть наступает там, где жизнь можно было бы спасти, если бы было получено согласие на необходимое лечение; однако было бы невыносимым положением вещей, если бы медик отдавал своих пациентов на усмотрение своего суждения; и никто не предложит, чтобы обитатели больницы были вынуждены подчиняться любому лечению, которое врачи в своей мудрости сочтут нужным назначить.

В соседней стране недавно был поднят вопрос о принудительном лечении. Вся информация, которой я располагаю по этому поводу, получена из опубликованных официальных и иных заявлений. Эти заявления, возможно, несовершенно, но только на их основе общественность может составить свое мнение. Заявления противоречат друг другу, а поскольку они касаются инцидентов, произошедших в тюрьме - месте, куда обычные люди не имеют доступа, - они не могут не оставить тревожного чувства в голове беспристрастного наблюдателя.

Некоторые женщины, движимые желанием продвинуть политические меры, вели себя так, что вступили в конфликт с властями. От их имени утверждалось, что они совершили политическое преступление и в этом отношении отличаются от других преступников; но все преступления являются политическими преступлениями. Независимо от того, ударяет ли женщина мужчину, потому что злится на него, или потому что злится на незнакомого ей министра кабинета министров, она совершает нападение, которое является преступлением с точки зрения закона. Ее мотив может отличаться в одном случае от другого, но его результат не имеет разницы; и в обоих случаях, в той мере, в какой государство обращает на это внимание, это является политическим преступлением. Различия между преступлениями могут привести только к путанице; различия между преступниками никогда не признавались в достаточной степени; и никакой реальный прогресс в обращении с преступником не может быть достигнут до тех пор, пока не будут приняты во внимание различия между одним человеком и другим. Нет никаких сомнений в том, что по характеру, воспитанию и предыдущей истории эти женщины сильно отличались от обычных заключенных, и все проблемы, которые возникли в результате, были вызваны тем, что люди, наделенные властью, не смогли принять меры в связи с этим фактом. То, что поведение, за которое многие из женщин были отправлены в тюрьму, было неразумным, мало кто будет отрицать; но оно было не более неразумным, чем обращение с ними. Если они вели себя как сумасшедшие, то и чиновники вели себя так же.

Единственный способ, которым один человек может проявить большую мудрость, чем другой, - это поведение. Если женщины бились в истерике, то и чиновники не блистали спокойствием. Взынченный человек, который превозносит то, что считает мученичеством, который видит все в свете своих идеалов, вряд ли придет в другое состояние духа, получив обращение, которое он расценивает как преследование. Эти женщины вызвали необходимость ограничить их от раздражающего других поведения; но для общества не имело никакого значения, что их определенным образом ограничивать; важно было, чтобы это раздражение было эффективно прекращено. То, что метод борьбы с ними усугубил неприятности, не подлежит сомнению; и нет никакого оправдания для вмешательства в чьи-либо дела, кроме как в той мере, в какой принятый метод приводит к желаемому результату.

Глупо, если не сказать хуже, начинать любой курс, который нельзя продолжать бесконечно. Если ваше лечение не достигает цели, это плохо; если оно приводит к тому, что человек, с которым вы имеете дело, избивает вас, это еще хуже". Закон пытался запугать женщин, а женщины, продолжая сопротивляться, запугали исполнителей закона. Что представляло собой более печальное зрелище, сказать трудно.

По всей видимости, неприятности начались из-за отказа властей разрешить женщинам носить свою собственную одежду. Какой вред принесло бы кому-либо это разрешение, трудно понять. Если бы они сами себя кормили и одевали, это сэкономило бы расходы общества. Они считали, что одежда должна была унижить их; и они могли бы спросить, если это не было намерением, почему на этом настаивали? Конечно, если бы они позволили государству сэкономить на их содержании под стражей, это нарушило бы систему; но те, кто отвечает за ее управление, далеко не считают эту систему чем-то приближающимся к совершенству, поскольку среди них модно просить о ее улучшении и оправдывать изменения, когда они их вносят, тем, что они были необходимы. Оппозиция росла вместе с репрессиями, неразумие провоцировало неразумие, и общественность с немалой тревогой узнала, что проводится голодовка и что бастующих кормят искусственно.

При некоторых физических заболеваниях искусственное питание может быть необходимо, но заключенные, страдающие этими заболеваниями, не пригодны к тюремной дисциплине и должны лечиться в больнице за пределами тюрьмы. Среди сумасшедших есть те, кто упорно отказывается принимать пищу и поэтому нуждается в кормлении; но сумасшедший отличается от заключенного в том важном отношении, что в глазах закона он свободен от ответственности и не имеет собственной воли. Его друзьям разрешен доступ к нему. Они могут, а иногда и вмешиваются в действия медицинского персонала, и в любом случае его действия находятся под их наблюдением и критикой.

Медики считают, что самосохранение - это первобытный инстинкт, и что человек, который сознательно идет на то, чтобы искалечить себя или уничтожить свою жизнь, является сумасшедшим, даже если в интеллектуальном плане он может казаться вполне здоровым. Если человек одержим религиозным рвением и стремится обратить своих соседей в свою веру, он может стать для них серьезной помехой. Он может стоять на углах улиц и досаждать окрестным жителям своими увещеваниями; но, во всяком случае, в Глазго они мирятся с этим из-за добрых намерений, которые они ему приписывают. Если же он бросает свои дела и мешает другим людям заниматься своими, зазывая их и споря с ними, люди начинают подозревать его в здравомыслии; и человек, который бросит кирпич в чужой офис, рискуя причинить вред некоторым работающим там людям, чтобы убедить их директора, что если он не примет религию, которую проповедует миссионер, то попадет в ад, вероятно, будет считаться сумасшедшим. Поведение некоторых женщин было не менее эксцентричным, но люди могут совершать безумные поступки, не будучи сумасшедшими. Однако это не повод

игнорировать их эксцентричность, которая должна учитываться при общении с ними. Если женщины нуждались в искусственном питании, из этого отнюдь не следует, что это было правильно делать в тюрьме. Это, безусловно, было неосмотрительно, и трудно понять, как, если оправданно прибегать к этой мере для спасения жизни заключенного, можно утверждать, что медицинский работник не будет столь же оправданно отрезать раненую или больную руку заключенного, несмотря на его протесты, для спасения его жизни. Одно дело - предоставить свободу людям, и совсем другое - отдать их жизнь в руки чиновников.

Нет ни одного чиновника и ни одной группы чиновников, как бы они ни назывались, которые были бы достаточно хороши, чтобы без контроля со стороны общественности доверять им жизни своих сограждан; и нет ни одного преступника, который был бы настолько плох, чтобы быть скрытым от глаз общественности и полностью отданным под чей-либо контроль. Дело не в том, что чиновники плохи; они не хуже неофициальных лиц и не лучше, и гораздо большую опасность представляют те, кто приобрел репутацию гуманных и просвещенных людей, даже если они заслужили эту репутацию, чем другие, потому что первые, скорее всего, будут более предоставлены сами себе благодаря своему доброму имени". Мало кто из тех, кто читает это, мог бы рассчитывать на то, что в конце года они сделают работу так же хорошо, как в начале, если бы не было человека, который бы их проверял и критиковал.

То тут, то там раздаются бурные крики и волнение из-за какого-нибудь административного скандала, и в этом редко есть что-то особенное; но нет постоянного и разумного интереса к администрации со стороны общественности. Если человек не выполняет свой контракт, его работодатель может принять оправдание один или даже два раза; но если его неудачи продолжаются, он окажется без работы, и на его место будет найден и поставлен кто-то менее некомпетентный или неудачливый. На государственной службе оправдания и исключения являются настолько распространенным правилом, что можно было бы легко создать библиотеку синих книг, содержащих их, напечатанных и оплаченных за государственный счет.

В тюрьме нужно лечить только обычные случаи бытовых болезней, а такие недомогания или травмы лечатся в открытом отделении больницы общего профиля. В Шотландии у заключенных мало стимулов симулировать болезнь, поскольку в результате занесения их в больничный лист не происходит автоматического изменения их рациона или места пребывания. Врач может вывести их из камеры и изменить рацион питания, а может и не выводить. В соответствии с Парламентским актом лечение больных полностью зависит от его усмотрения, и ни один орган власти не вправе вмешиваться в его решение или отменять его. Его могут спросить о причинах его поведения; и если он достаточно глуп или слаб, чтобы убедить его изменить его, чтобы угодить какому-то вышестоящему чиновнику, он может это сделать; но Акт Парламента абсолютно конкретен в этом вопросе, и направляет больных не к комиссарам, а к хирургу тюрьмы.

Человеку гораздо проще выполнить полученную сверху инструкцию, чем утверждать и действовать в соответствии с полномочиями, предоставленными ему законом; но это неправильно, и в той мере, в какой он подчиняется, он неверен своему доверию. Пациентов нельзя лечить по переписке. Ни один человек, какое бы высокое положение он ни занимал, не является непогрешимым. Лучше, чтобы человек на честно признавал свою ответственность, даже если он совершает ошибки, чем чтобы он надеялся на кого-то, кто не присутствует рядом, чтобы направить его в случае затруднений. Ни один медик не нуждается в помощи своих соседей, и он может легко найти кого-нибудь, обладающего необходимыми навыками, чтобы помочь ему в диагностике или лечении сложного случая. Вполне правильно, что его действия должны тщательно проверяться, но совершенно неправильно,

что проверка должна происходить в частном порядке. Закон признает этот принцип и предписывает проводить общественное расследование по случаю смерти любого заключенного в тюрьме. Родственники заключенного имеют право задавать любые вопросы должностным лицам, лично или через представителя, а шериф должен убедиться, что в деле были проявлены все разумные забота и умение.

Частные официальные расследования дают возможность для мелких преследований со стороны любого "валета", который воображает, что его способности соответствуют его положению, и чья ярость может быть поднята против более достойных людей, чем он сам. Ни один человек, выдающийся в своей профессии, вряд ли будет виновен в таком поведении, но занятие некоторых должностей не обязательно предполагает профессиональное превосходство, хотя и может указывать на социальное влияние.

У медицинского работника нет сложной задачи по лечению больных. Его работа практически сводится к тому, чтобы латать старых преступников, зная, что он продлевает их жизнь и делает их бесполезными, нанося вред обществу. Многие из них давно бы уже умерли в результате своих излишеств, если бы им не помешали. Хорошо, что их жизнь должна быть продлена, а здоровье улучшено, но только при условии, что в будущем они будут использовать свои способности с большей пользой, чем в прошлом. Государству нет смысла делать что-либо для кого-либо без разумной гарантии того, что человек, получивший помощь, не будет использовать ее во вред обществу. Многие люди излечиваются от болезней в различных государственных учреждениях и до конца жизни живут за счет других. Растет число молодых людей, которые, перенеся тяжелую болезнь, были спасены от смерти, но навсегда остались калеками в том или ином органе. Они не пригодны для работы, которой когда-то занимались, но они пригодны для какой-то работы, но, насколько можно судить, они не намерены ее выполнять. Некоторые из них попадают в тюрьму и, ссылаясь на свою немощь, пытаются получить специальное лечение. Специальное лечение, в котором они нуждаются, здесь невозможно, да и нет в настоящее время места, где его можно было бы получить.

Неосужденному заключенному разрешается носить собственную одежду, если она чистая и если он может менять ее достаточно часто. Он может нанимать мебель и оплачивать уборку своей камеры. Он может иметь свидания с друзьями, которых он желает видеть; он может переписываться с ними, при условии, что в разговорах и переписке не будет сказано или написано ничего, касающегося предъявленного ему обвинения. Все письма к нему и от него читаются и цензурируются от имени губернатора. Заключенным не разрешается видеться и общаться со своими друзьями без присутствия тюремного чиновника. Заключенного сажают в бокс с решетчатым фасадом, а его посетителя - в другой бокс напротив. Между двумя боксами есть пространство для передвижения надзирателя. Он может видеть обитателей обоих боксов, каждый из которых может видеть только человека, находящегося в боксе напротив. Когда к нескольким заключенным одновременно приходят посетители, раздаются крики и говор, что затрудняет беседу. Осужденные и осужденные первого класса могут получать письмо и визит от друга раз в три месяца при условии удовлетворительного поведения и работы. До поступления в первый класс осужденные могут получать одно, два или три письма и свидания в год, в зависимости от класса, в который они попали. После года пребывания в первом классе они могут быть переведены в специальный класс, получая письмо и свидание раз в два месяца.

Заключенный встречается со своим агентом в присутствии, но вне пределов слышимости надзирателя. Ему могут присылать еду его друзья, если она достаточна по качеству и количеству, но ему нельзя присылать часть еды. Он также может получать газеты, журналы

или книги. Любая из этих привилегий или все они могут быть предоставлены или отменены по усмотрению Комитета по посещению. Возникает вопрос, правильно ли, что они предоставляются как привилегии. В глазах закона предполагается, что человек невиновен в инкриминируемом ему преступлении, и его содержание под стражей оправдано только на том основании, что он может не явиться в суд для разбирательства. При этом он не должен требовать разрешения от какого-либо комитета или должностного лица, прежде чем ему будет позволено питаться, одеваться и развлекаться; ему должно быть отказано в этом только в том случае, если его действия наносят ущерб его собственному здоровью или здоровью других заключенных в тюрьме. Это может доставить больше хлопот соответствующим должностным лицам, но главной целью системы не должно быть избавление их от проблем.

Неискушенный заключенный может ежедневно выпивать пинту вина или пинту пива, но ему ни в коем случае нельзя курить. В наше время это очень любопытное ограничение, и для его применения нет ни малейших оснований. Правильное отношение к неиспытанному заключенному - это не то, что подразумевается в вопросе "Почему ему должно быть позволено это делать?". Вопрос всегда должен звучать так: "Почему ему нельзя позволить делать то, что он хочет?" И именно таким будет вопрос, если теория, предполагающая невиновность неосужденного заключенного, будет реализована на практике. Он содержится под стражей для удобства общества, а не для своего собственного, и его свобода должна быть ограничена настолько, насколько это возможно в рамках хорошего порядка.

В Шотландии очень мало гражданских заключенных. Неуплата алиментов может повлечь за собой заключение заключенного в тюрьму по требованию и за счет его кредитора на срок шесть недель. По истечении этого срока заключенный освобождается от аналогичных процедур на шесть месяцев, но расходы добавляются к его первоначальному долгу. Он имеет некоторые привилегии неосужденного заключенного. Неуплата налогов может привести к тюремному заключению на аналогичных условиях. По такому же правилу поступают с людьми, отправленными в тюрьму за отказ от вакцинации детей, и с теми, кто приговорен к бессрочному заключению за неуважение к суду.

В Шотландии мы утверждаем, что не сажаем в тюрьму за долги, кроме алиментов, тарифов или налогов; но это правило обходится в судебном порядке, а тюремные комиссары в некоторых случаях используются в качестве сборщиков долгов. Формально это не так, но на практике это имеет место. Женщина X 31 приобрела ювелирные изделия по системе рассрочки. Она - жена рабочего, и есть основания подозревать, что она подверглась соблазну со стороны продавца. Проходит несколько платежей, затем муж теряет работу, и она не только лишается возможности выплачивать взносы, но и не имеет денег на еду. Она закладывает или иным образом распоряжается драгоценностями, и ее призывают либо заплатить за них, либо вернуть. Возможно, она намерена заплатить, но не может. Ее вызывают в суд, чтобы она явилась в суд, но она этого не делает. В ее отсутствие выносятся постановления, обязывающие ее передать драгоценности тому, у кого она их получила, в соответствии с заключенным между ними договором. Если она этого не делает, ее хватают и увозят в тюрьму по ордеру, полученному за неуважение к суду, поскольку она не подчинилась его постановлению. Все ее друзья встревожены, и совместными усилиями удается раздобыть деньги для удовлетворения требований кредитора. Если этого не произойдет, она может быть заключена в тюрьму на неопределенный срок за его счет. Если бы она взяла долг у бакалейщика за продукты или у портнихи за одежду, они не смогли бы заключить ее в тюрьму, если бы она не расплатилась с ними, даже если бы они этого хотели. Таким образом, по сравнению с торговцем по найму они оказываются в невыгодном

положении в плане оказания давления; но изобретательные люди, сожалеющие об отмене тюремного заключения за долги, могут возродить его в действии, продавая продукты и одежду по договору найма.

Рутинное обращение, которому подвергается осужденный, гораздо более сурово, чем то, которое применяется к обычному заключенному, и приносит так же мало пользы.^[3] В основном это система подавления; сидение на предохранительном клапане, которое склонно провоцировать вспышки темперамента и насилия, приводящие к нападению. За это можно наказать плетью. Полномочия, которыми не обладают судьи Высокого суда, предоставлены тюремным комиссарам. Считается, что это необходимо для поддержания системы, но поскольку никто не утверждает, что эта система в какой-либо степени является исправительной, возникает вопрос, стоит ли ее поддерживать.

Один и тот же человек, который в одно время является осужденным заключенным в обычной тюрьме, в другое время может находиться на каторге. Пока он находится в обычной тюрьме, нет ни власти, ни возможности назначить ему суровые наказания, которые могут быть применены к осужденным. Если он нуждается в ударах плетью, когда его отправляют на каторгу, можно предположить, что причина этого кроется не только в характере жизни, которую он вынужден вести, но и в характере самого человека. Чем больше наказаний обрушивается на заключенных в тюрьме, тем больше вероятность того, что это место плохо управляется. Репрессии, несомненно, необходимы, но репрессивная власть должна сосуществовать только с властью вознаграждения. Даже осел пойдет дальше за морковкой, чем за палкой. Обращение с человеком как с машиной никогда не приносит пользы, а тенденция делать это под предлогом дисциплины - коренной порок системы. В тюрьме для осужденных, как и в обычной тюрьме, за последние несколько лет была ослаблена механическая рутина, и было сделано удивительное открытие, что управлять людьми легче и лучше, если признать, что они люди, а не рассматривать их как простое количество. Поговаривали даже о реформации в результате произошедших перемен, и, судя по некоторым журнальным и газетным статьям из-под пера восторженных и невежественных посетителей, можно было подумать, что тюрьма превратилась в подобие рая.

То, что поведение других людей по отношению к нам во многом зависит от нашего поведения по отношению к ним, не является новым открытием, и то, что более внимательное отношение со стороны чиновников должно привести к лучшему поведению заключенных, никого не должно удивлять; но то, что это лучшее поведение обязательно подразумевает, что после освобождения они будут жить в соответствии с законами, вовсе не следует. Вы можете улучшить поведение человека в тюрьме, как и улучшить его психическое состояние в психушке, но вы никогда не знаете, как он будет вести себя на свободе, пока не поместите его туда; и если бы мы действовали, зная этот факт, мы должны следить за тем, чтобы люди, освобожденные из любого учреждения, занимали надлежащее положение на свободе, чтобы их направляли и помогали им в той мере, в какой они нуждаются в руководстве и помощи, чтобы было меньше поводов для их возвращения к старым привычкам и поведению, и меньше шансов на их возвращение в состояние и действия, за которые мы с ними боролись.

В последние годы короткие сроки заключения обычно осуждаются на том основании, что нет времени на исправление заключенного, который находится под воздействием системы всего несколько дней. Это было бы разумным возражением, если бы те, кого отправляют в тюрьму на длительные сроки, таким образом становились лучше, но именно этого и нельзя доказать; ведь чем дольше человек находится в тюрьме, тем менее он готов после освобождения занять свое место в обществе. Таким образом, если короткие сроки

заклучения плохи, то длинные, с точки зрения реформатора, еще хуже. Человек, которого отправили в тюрьму на несколько дней, обычно становится чище благодаря своему опыту. Тюремное заключение на некоторое время ограждает его от улиц. Оно также заставило его потерять работу, а так как обычно заключенный на короткий срок не является человеком со средствами, его положение после заключения хуже, чем было до него. Он должен зарабатывать на жизнь своей работой, если хочет избежать конфликта с законом; а если у него нет средств к существованию, легко понять, что ему будет трудно избежать повторного приговора.

В этом отношении заключенный, отбывающий длительный срок, похож на него, но, кроме того, в тюрьме он приобретает привычки, которые мешают ему на свободе.

ГЛАВА V

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Его состояние - Его нужда - Предполагаемое преследование бывших заключенных - Общества помощи освобожденным заключенным - Работа - Искушения - Освобожденная женщина-правонарушитель - Отношение женщин к ней - "Дома" - Возражения женщин против них - Оплата - Религиозная атмосфера и вредные ассоциации - Последствия тюремного заключения.

Находясь в тюрьме, человек отрезан от жизни мира. Его не навещают друзья, разве что раз в три месяца, а поскольку нет газеты, которую ему разрешено просматривать, он не знает ни о каких изменениях, которые могли произойти за время его заключения. Те, кто хоть раз был прикован к дому по болезни, могут смутно представить себе его состояние. Хотя их могли навещать друзья, поддерживать связь с общественными движениями, которыми они интересовались, и в целом помогать узнавать о проходящих событиях, представляющих интерес, они наверняка обнаружили что-то странное в происходящем, когда им впервые разрешили выйти на улицу.

Даже после отпуска человеку требуется некоторое время, чтобы освоиться с работой. В случае с освобожденным заключенным эта трудность значительно усугубляется. Он может обнаружить, что за время его уединения друзья умерли или уехали из района, а если он впервые совершил преступление и чувствует, что сам себя унижил, то, скорее всего, будет чувствителен к тому, как к нему относятся другие. Ему нужна помощь; он боится отпора; и он не знает, где искать помощи. Он легко может неправильно истолковать отношение к нему окружающих и подумать, что люди, которых он знал, относятся к нему свысока, хотя на самом деле они его не видели. Он был отгорожен от общества других людей и чувствует потребность в общении с кем-то. Он всегда может получить его от тех, кто, как и он сам, прошел через мельницу; и они могут подтолкнуть его к дальнейшим злоключениям.

Наше вмешательство в дела преступника приводит к тому, что он на время лишается ассоциаций и привычек, к которым он привык; в этой степени власть над ним этих

ассоциаций и привычек может быть ослаблена; но куда бы мы его ни поместили, мы не можем помешать ему выработать новые привычки, которые могут пригодиться ему при освобождении, а могут и не пригодиться. Чем сильнее влияние его последующих интересов, тем меньше вероятность того, что он будет стремиться вернуться к своим старым занятиям. Без чего не может обойтись ни один человек, так это без общения или товарищества. Он будет стремиться к нему, даже если в процессе ему будет нанесен ущерб; и именно потому, что выпивка делает компанию некоторых мужчин более терпимой друг к другу, многие принимают ее. Дело не столько в том, что они хотят напиться - это они могут сделать и в одиночку; и поначалу, во всяком случае, напиток принимается не только для опьянения, но в значительной степени для стимулирования общительности. Человек, который долгое время находился в заведении, не приобрел привычек общительного характера, а совсем наоборот; и когда он выходит на свободу, то знает, что ему будет легче стать частью хорошей компании, если он выпьет, потому что таким образом он освободится от чувства сдержанности, которому был подвержен.

В последнее время много говорят о преследовании освобожденных заключенных полицией. В некоторых случаях служебное рвение полицейского может заставить его действовать по отношению к бывшему заключенному с жестокостью, которой он не предполагал, но в большинстве случаев преследование существует только в воображении его жертвы. Мало кто из нас видит все вещи такими, какие они есть. На нас влияют наши убеждения, не имеющие под собой фактической основы, и это проявляется во всех наших поступках. Мы видим, как люди верят в других, несмотря на доказательства, которые, по нашему мнению, должны их обмануть; и известно, что люди вступают в брак, имея совершенно ошибочную оценку характера друг друга.

Пока освобожденный заключенный верит, что мир против него, что рука представителя закона поднята, чтобы угнетать его, его действия будут зависеть от этого убеждения; и, как следствие, он может дойти до отчаяния. Я не думаю, что полицейские в целом испытывают какие-то недобрые чувства к правонарушителям; но официально они не поощряют никаких личных чувств с их стороны, хороших или плохих. Их положение незавидно.

Мы не предпринимаем никаких реальных попыток расследовать причины правонарушений и предотвращать преступления рациональными методами. Если полицейский вмешивается до совершения преступления, мотивы его вмешательства чаще всего будут истолкованы неверно, а сам он будет осужден как суетный человек. На практике мы убеждаем его в том, что его главная обязанность - арестовывать преступников, и он делает все возможное для выполнения этой обязанности. Слишком много ожиданий, что между ним и теми, на кого он должен охотиться, может возникнуть взаимное уважение. Будучи врагами, каждый из них может испытывать уважение к другому, но о дружбе и дружеской помощи не может быть и речи. К сожалению, этот факт остался без внимания в некоторых последних предложениях по предотвращению преступлений и перевоспитанию преступников.

При всех тюрьмах существуют общества помощи освобожденным заключенным, которые стремятся помочь тем, чей срок заключения истек. Число таких обществ растет, но в Глазго, как бы ни были похвальны их усилия, они не в состоянии выполнить всю работу, которую необходимо сделать. На практике общества состоят в основном из своих служащих, а их немного, и они трудолюбивы. Они пытаются найти положение для освобожденных заключенных и повлиять на них в сторону лучшего образа жизни. Иногда их усилия увенчиваются успехом, но им приходится делать слишком много. Их ресурсы невелики, и им мешает недостаток средств, но еще больше - недостаток помощников. Они мужественно

борются, несмотря на уныние, и делают все, что в их силах, чтобы не допустить, чтобы тем, с кем они контактируют, стало хуже, чем было бы в противном случае.

Когда заключенный освобождается, ему не всегда легко найти работу. Тот факт, что он находился в тюрьме, не является рекомендацией для тех, кто хочет его нанять. Если работу для него находят представители одного из обществ, помогающих освобожденным заключенным, его положение может быть несколько затруднительным. Не в каждом месте его могут взять на работу без возражений со стороны сослуживцев. Как люди они признают необходимость милосердия и терпимости по отношению к ближним, но тюрьма имеет для них такое злое звучание, что они предвзято относятся к человеку, побывавшему там. Когда это предубеждение преодолевается, обычно возникает реакция в пользу бывшего заключенного, что приводит к поведению по отношению к нему, которое может быть столь же постыдным, как и любое другое, проистекающее из предубеждения против него. На самом лучшем сайте он может оказаться в атмосфере подозрительности, которая не способствует его успешной работе. Сознание того, что его унизили, вредит его чувству самоуважения, и в целом ему нелегко найти подходящее окружение. Мудрость посоветовала бы ему избегать общества тех, кто был связан с ним в поведении, приведшем к его падению, но советам мудрости не всегда легко следовать.

Есть очень много тех, кто готов оказать помощь человеку, стремящемуся перевернуть новый лист, но они ожидают, что он будет указывать им, что написать на следующей странице. Если порицание и избегание могут раздражать и ранить человека, осужденного за проступки, то покровительство может вызвать в нем дух противостояния. Он не хочет, чтобы на него смотрели свысока, будь то с презрением или с сочувствием. Конечно, он должен быть наказан своим несчастьем; он должен раскаяться и покориться; он должен делать то, что ему говорят; но если мы хотим помочь ему стать лучше, то нужно думать не о том, что должно быть, а о том, что есть. Несмотря на их порочные поступки, никогда нельзя считать доказательством мудрости, что порочные люди глупее других. То, что они ведут себя глупо, с точки зрения их собственных и наших интересов, совершенно верно и настолько очевидно, что не нуждается в подчеркивании. Вопрос в том, проявляем ли мы, которые намного мудрее их, эту мудрость в своем отношении к ним? И ответ, подтверждаемый результатом нашего отношения к ним, не дает веских свидетельств в нашу пользу.

Когда человек поступает неправильно, можно предположить, что в нем есть что-то, что сделало его неспособным противостоять искушениям, свойственным его положению. Если это предположение верно, то из него следует, что мы не вправе ожидать от него такой же силы сопротивления, какую проявили другие. Мы не вправе предполагать, что при надлежащей помощи его характер и силы не улучшатся, но вряд ли разумно ожидать от него поведения более святого, чем наше собственное; и очень много разочарований постигло искренних людей, стремящихся поднять падших, только потому, что они ожидали слишком многого. Когда попытки помочь человеку приводят к неудаче, безопасным рабочим правилом является предположение, что вина в этом, по крайней мере, в характере использованных средств, а не в самом человеке. Возможно, это были очень хорошие средства, но они оказались неприменимы в данном случае; это означает, что результат является проверкой их пригодности. Все это настолько очевидно, что на практике этим пренебрегают, и мы упорно придерживаемся глупого предположения, что люди, на которых наши патентованные таблетки не действуют, неисправимы; хотя на самом деле преступник не более неисправим, чем реформатор, и иногда не так уж глуп.

Положение мужчины, побывавшего в тюрьме, не так плохо, как положение женщины, побывавшей там. Не подлежит сомнению, что женщины реже нарушают законы, чем

мужчины. Это может свидетельствовать или не свидетельствовать о большей добродетели женщин, но сам факт делает положение оступившейся женщины более трудным для восстановления. Она более заметна, чем мужчина-нарушитель, хотя бы потому, что таких, как она, меньше, и отношение женщин к ней менее терпимо, чем отношение мужчин как к ней, так и к провинившимся представителям своего пола. Соответственно, когда женщина однажды теряет свою репутацию, она в большей степени, чем мужчина, готова смириться с этим положением и прогнуться под свой позор; поэтому падшая женщина рассматривается многими как самое униженное существо, а ее спасение привлекает тех, кто стремится помочь худшим. Эта концепция абсурдна, как известно всем, кто изучал эту тему с открытыми глазами, но этот вопрос не может быть достоверно рассмотрен здесь. Экономическое положение женщины, оторвавшейся от установленных законом норм, не обязательно должно быть, а зачастую и не хуже того, которое она занимала до своего бунта. Все зависит от того, какой она была и как восстала. Порок, как и добродетель, определяет экономическое положение тех, кто ему подвержен. Нарушительница своим проступком отрывается от своего класса и рискует не закрепиться ни в одном другом. Она может, и в большинстве случаев так и происходит, выйти из своего безрассудства так же, как и впала в него; но когда ее публично клеймят, ее шансы на восстановление меньше, чем у мужчины. Отношение мужчин к женщине может быть наглым, но оно редко бывает таким жестоким, как у женщин; и нередко бывает, что наиболее эффективную помощь в восстановлении женщины оказывают те из ее друзей-мужчин, чей характер менее всего выдерживает проверку цензором морали.

Отношение представителей своего пола к опустившейся женщине, как правило, враждебное. Влияет ли на это инстинкт самосохранения, обсуждать не будем; но совершенно очевидно, что женщина, чье падение было публично признано, не может надеяться вернуть себе прежнее место, даже если бы она захотела к нему стремиться. Ее признание в качестве респектабельной женщины слишком часто зависит от принятия ею такой формы религии, которая позволяет постоянно ссылаться на ее прошлое, а ее саму держать как клеймо, вырванное из огня. На ее отношение к женщинам влияет это знание, и их обращение к ней теряет из-за этого. Нет ничего более сложного, чем обращение с этими женщинами. Предвззудки против них настолько сильны, что лишь в отдельных случаях семья готова принять одну из них и заботиться о ней.

Попытки повлиять и направить тех женщин, у которых нет друзей, предпринимаются путем помещения их в дома престарелых. Несомненно, там им гораздо лучше, чем на улицах или в обычных ночлежках; но они не нравятся тем, кого пытаются спасти, поскольку большинство из них откровенно говорят, что "недостаточно хороши". Они предпочитают бороться изо всех сил, а не соглашаться на предложенную им жизнь. Критиковать работу тех, кто искренне старается помочь другим, всегда некрасиво, но будет справедливо, если мы представим точку зрения тех, кому они пытаются помочь. Их мнение может быть ошибочным, но пока оно не изменится, оно будет влиять на их поведение; и нельзя слишком категорично настаивать на том, что мнения тех, кому мы стремимся помочь, должны быть учтены и, по возможности, учтены, если мы надеемся оказать эффективную помощь. Первое возражение девушки против поступления в дом спасения заключается в том, что она должна связать себя обязательствами оставаться там в течение длительного времени. Она рассматривает дом не как желаемое место жительства, а как шаг к восстановлению достойного положения в обществе. Она не согласна работать, скажем, в течение двенадцати месяцев, не получая никакой другой оплаты, кроме питания, одежды и жилья, если она не останется в учреждении на это время. Она утверждает, что с таким же успехом может находиться в

тюрьме. Девушку не волнует вопрос, платит ли дом другим или нет; ее волнует тот факт, что он не платит ей.

Потеря репутации мешает девушке найти работу, даже если она готова отказаться от своего образа жизни и вернуться к постоянному труду. Люди, которые хорошо платят, вполне естественно, предпочитают не экспериментировать и стремятся получить свои деньги, что подразумевает не только эффективную, но и стабильную и надежную работу. Поэтому для кающегося человека открыты те ситуации, которые оплачиваются хуже всего. Когда она приобретет характер, то сможет найти более оплачиваемую работу в другом месте. Она признает, что из-за плохой репутации ей приходится выполнять больше работы за меньшие деньги, но она не так легко признает, что это справедливо, что так должно быть. Она считает, что одно дело, когда обычный человек пользуется ее нуждами и недоплачивает ей, и совсем другое - когда христианское учреждение заставляет ее работать за недостаточную зарплату. В доме у нее такая же тяжелая работа и почти такая же маленькая свобода, как если бы она находилась в тюрьме. Ее подруги - такие же девушки, как она сама, с которыми она может общаться на равных и рассуждать о жизни с похожей точки зрения. С другой стороны, ей читают проповеди, покровительствуют посетителям, развлекают в очень приличной манере и тысячей косвенных способов внушают, что она отличается от них. Если окружающие не помогают ей забыть прошлое, то и учителя не помогают. Они хотят быть добрыми и стараются быть внимательными; их старания очевидны. В мягкой форме они могут сказать девочкам, что они о них думают и как сильно нуждаются в их исправлении, и, похоже, не видят, что они теснее соприкоснутся с теми, кому стремятся помочь, если примут на себя то, что они выражают словом и отношением, и попытаются вытянуть девочек. Недостатком учителя слишком часто является привычка разговаривать со своими учениками. Девочки здесь для того, чтобы учиться; посетители - чтобы учить. Так ли это? Чему учатся девочки и чему учат посетители? Что все мы грешники и наше положение опасно; что некоторые из нас были обнаружены и что наказание должно быть принято смиренно, как благо, и так далее. Если формула несколько стереотипна, это не моя вина. Девушки, которые наиболее терпеливо подчиняются, естественно, считаются наиболее надежными. То, что они думают обо всем этом, похоже, не имеет особого значения. Они ошибаются, иначе их бы там не было; и все же девушка может испортить свою жизнь в одном направлении и быть не менее квалифицированной, чтобы высказать пронизательное и полезное мнение о причинах своих неудач. Если бы те, кто пытается учить их, меньше верили в свою собственную доктрину и больше хотели учиться, они стали бы менее невежественными и учили бы с большей пользой. То тут, то там некоторые знают об этом и, действуя на основании полученных знаний, добиваются большего успеха, чем другие, столь же благочестивые, столь же благонамеренные, но менее осведомленные.

Вполне можно признать, что нельзя обвинить большинство этих заведений в том, что они зарабатывают деньги на девочках. Часто они работают себе в убыток, так как расходы значительны; но исправительная работа не может вестись на коммерческой основе. По природе вещей она не должна окупаться в узком смысле слова. Стоимость адекватного надзора не позволяет этого сделать. Но возлагать на девочек расходы на попытки их перевоспитания - значит совершать по отношению к ним, по меньшей мере, кажущуюся несправедливость, которая может укорениться в их сознании, и отталкивать тех, кому иначе можно было бы помочь - помочь с материальными потерями для дома, но с большой пользой для общества. В конце концов, они зарабатывают себе на жизнь своим трудом. Что им не удастся сделать, так это заработать на жизнь для тех, кто ими управляет. В обмен на свой труд им разрешается тратить заработанное не по своему усмотрению, а по усмотрению тех, кто взялся о них заботиться. Возможно, есть что-то в пользу мнения, что если одна группа

людей стремится управлять жизнью другой, то они должны быть готовы платить за эту привилегию; но тема благотворительности требует изучения. У некоторых людей очень причудливые представления о ней. Я помню одну порядочную женщину, которая очень гордилась своей добротой. У ее мужа был небольшой бизнес, и она время от времени обращалась к его младшим подмастерьям за помощью во время уборки. В такой день, когда к двери подходил разносчик новостей, она получала от него *гражданина*, давала ему пенни, а обратно получала полпенни сдачи. Когда он ушел, она обратилась к одному из подмастерьев - мальчику, обладавшему гением говорить правильные вещи в неподходящем месте, - "Пуэр, я просто беру у него газету ради благотворительности". На что тот ответил: "Да, но ты взял полпенни обратно!" В обоих мнениях был смысл, но последнее слово осталось за мальчиком, и вскоре он обнаружил, что его критика принесла свои плоды: его уволили.

В доме больше религиозной атмосферы и меньше механической рутины, чем в тюрьме; но религиозная атмосфера вызывает у многих девушек такие же возражения, как и механическая рутина. С точки зрения теоретика, и то и другое может быть полезно для них, но ни то, ни другое не приводит к желаемому результату. В тюрьме меньше лекций и меньше посещений заключенных, чем дома, и жизнь более однообразна, но в тюрьме меньше возможностей для заражения. В обоих местах могут быть заключены старые и деградировавшие, молодые и невежественные, но в тюрьме они разделены.

Ошибочно полагать, что порок и деградация, то есть моральное состояние человека, могут быть оценены по его возрасту и количеству судимостей. Старая рука не обязательно должна быть настолько морально развращенной, как молодая, хотя ее опыт может быть более многочисленным и разнообразным. Обычно те, кто был заключенным в домах престарелых, говорят, что то, чего они не знали, когда попадали туда, они узнавали до того, как выходили оттуда, и, конечно, у них есть возможность рассказать о своих переживаниях и приключениях, пока они находятся в доме, чего у них нет, пока они находятся в тюрьме. Это то, что невозможно предотвратить, пока люди живут вместе. То, что многие восстановились после прохождения через дома престарелых, несомненно, так и есть, но из этого не следует, что их восстановление было связано с их опытом пребывания там. То, что многие не улучшились, а стали хуже от пребывания там, вовсе не вызывает удивления. Там, где религиозная атмосфера оказала на них благоприятное воздействие, были преодолены недостатки, присущие этому учреждению. Там, где она не смогла изменить их к лучшему, другие ассоциации, как правило, утверждают их во зле.

Как же влияет тюремное заключение на тех, кто подвергается ему? Обычно оно улучшает их физическое здоровье, но ухудшает умственные способности. Простая жизнь благоприятствует первому; разлука и уничтожение чувства инициативы - второму. Многие не возвращаются после первого опыта, и предполагается, что он удержал их от проступков; но для такого предположения нет абсолютно никаких оснований. В некоторых случаях оно может быть оправдано, но в других нет никаких оснований полагать, что преступник повторил бы свое преступление, даже если бы его никогда не отправили в тюрьму за него. Как бы несовершенно ни работала система условного осуждения преступников, она это показала. Более того, само несовершенство метода показало это еще сильнее, поскольку преступник не только не был лишен условий, которые подтолкнули его к совершению проступка, но и был возвращен к ним, и во многих случаях больше не совершал преступления.

Неправильно делать предположения, когда есть возможность изучить факты; и не было проведено никакого расследования относительно влияния тюремного заключения на

сдерживание тех, кто побывал в тюрьме и не вернулся за повторным проступком. Очень многие возвращаются, и это положительное свидетельство того, что тюремное заключение не оказало на них сдерживающего эффекта. Почему они возвращаются? В некоторых случаях они обнаруживают, что тюрьма - не такое уж и страшное место, и что, хотя заключение в ней утомительно, время проходит, и по истечении срока они могут делать то, что им нравится. Многим из них приходится долго и упорно работать, чтобы заработать на жизнь на воле, и они узнают, что могут зарабатывать на жизнь с меньшими затратами и лучше проводить время, если рискнут время от времени оказываться за решеткой. Они оторвались от своих привычек, которые, возможно, и не были плохими, и приобрели другие привычки, которые не помогут им при освобождении. Их официально поместили позором, и в результате у них стало меньше шансов найти работу и хорошую компанию. Их научили быть почтительными и послушными, но они утратили, в той же степени, в какой улучшились их манеры, способность действовать самостоятельно. В некоторых отношениях они лучше, в других хуже, чем были, когда их брали в руки; но в целом это явный проигрыш. Недавние попытки реформации не учитывают коренных причин неудач и не признают, что чем дольше человек отрезан от основного течения жизни общества, тем меньше он способен вернуться в него.

ГЛАВА VI

ДОМ ДЛЯ НАРКОМАНОВ

Необходимость выяснить, почему люди поступают неправильно, прежде чем пытаться их вылечить - Расспросы о пьянстве - Пьяницы - Официальные заявления - Стоимость и результаты - Обида неисправимых - Срок излечения - Причины неудач - Воспитание старых ассоциаций - Перспективы будущего - Привычка к заведению.

Нельзя всерьез утверждать, что наши методы работы с правонарушителями способствуют их исправлению. Возможно, некоторые из тех, кто не возвращается в тюрьму, были остановлены в своей карьере благодаря полученному лечению, но, по сути, в тюрьму попадает огромное количество людей, которые вообще не должны были там оказаться. На мой взгляд, не подлежит сомнению, что наши методы приводят к созданию преступников; что в большинстве случаев тюремное заключение не только не приносит пользы, но и наносит положительный и серьезный вред. Однако не следует забывать, что нет никаких оснований полагать, что тюремная система призвана исправлять тех, кто попадает в ее поле зрения. Она на время отвлекает их от улицы и не позволяет им досаждать тем, кто находится на свободе; но это невозможно сделать без финансовых затрат для общества, и это делается только с очень серьезными потерями в других отношениях. Та же сумма денег, потраченная на оказание им помощи в исправлении, что и на тюремное заключение за плохое поведение, могла бы предотвратить многие их правонарушения; но прежде чем это будет сделано,

необходимо узнать об этих людях больше, чем просто тот факт, что они нарушили тот или иной закон.

Необходимо не только выяснить, где и как преступник совершил ошибку, но и где и почему мы ошиблись в нашем методе обращения с ним. Как бы это ни было выгодно, серьезных попыток сделать это не предпринималось. Максимум, что делается, - это признание неэффективности тюремного лечения и разработка некоего теоретического его усовершенствования. Похоже, некоторым людям проще рассуждать *в пустоту*, в собственной голове, чем изучать факты и смотреть в лицо последствиям. В последние годы общественность позволяла вводить одно учреждение за другим по указке людей, не проявивших даже элементарного знания предмета, с которым они имели дело, и фанатиков, желающих регулировать жизнь других людей своими собственными. Их мнение о преступнике может быть интересным и иметь ценность, отличную от той, которую они придают ему; но оно не столь интересно, не столь полезно и не столь ценно, как мнение самого преступника о причинах его падения и о его потребностях.

Тюремное заключение и повторное заключение закоренелых преступников стало скандалом. Было признано, что пьянство делает мужчин и женщин опасными и неприятными для семьи и соседей, но не более неприятными, чем система, с помощью которой мы с ними расправляемся. Все соглашались, что тюремное заключение не делает их лучше. Оно делало их воздержанными только на время заключения, но никак не уничтожало желание выпить. Поэтому был принят парламентский закон, позволяющий помещать их в учреждения другого рода. Если тюрьма не смогла их перевоспитать, то приюты для буйных оказались более дорогостоящей и ужасной неудачей. Вместо того чтобы выяснить причину неудачи, ведомственный комитет, изучив всех, кроме тех, кто находился в этих домах, рекомендовал предоставить дополнительные парламентские полномочия комитетам, управляющим ими, и судам, направляющим в них заключенных. Рациональным методом было бы, чтобы умные и беспристрастные люди изучили те случаи, которые улучшились, и оценили, насколько это улучшение было вызвано полученным лечением. Это было бы несложно, так как случаев было немного; а выполнив эту задачу, было бы не менее выгодно изучить многочисленные случаи неудач и найти причины этих неудач. Однако гораздо легче собрать мнения чиновников, филантропов, тех, кто заинтересован в том, чтобы предписывать поведение другим, - словом, людей, которых называют авторитетами в том или ином вопросе, потому что никто не дерзнул их оспорить, - чем добиться доверия и открыть рот тем, чьи проступки пытаются исправить. Гротескное заявление о том, что Дом для буйных провалился, потому что туда отправили не тех людей, не соответствует действительности. Правильнее было бы сказать, что дом потерпел неудачу, потому что он не был приспособлен для лечения опьяневших. Ведь среди тех, кого туда отправляли, были именно те, для кого он был предназначен.

Пациенты, отобранные для лечения в доме для опьяневших, были тщательно отобраны врачом, имеющим опыт лечения психических заболеваний. Некоторые из них страдали психическими расстройствами вследствие своего пьянства, и можно предположить, что некоторые пристрастились к алкоголю отчасти из-за умственных дефектов; но пьянство - это не физическая болезнь, не психическое заболевание, хотя оно может иметь некоторое отношение к физическим и психическим болезням. Именно потому, что оно является социальным расстройством, государство взяло на себя обязательство рассматривать этих людей. Таким образом, каждый случай может быть рационально рассмотрен только в связи с социальным положением инбериатов. Информация о состоянии различных внутренних

органов может быть полезной, но она никогда не сможет заменить по важности или интересу информацию о социальном положении.

Лечение потерпело неудачу, потому что оно не было адаптировано к людям, которых нужно было лечить, а было адаптировано к состоянию ума тех, кто, основываясь либо на академической квалификации, либо на вере в свою пригодность судить людей, находящихся в более низком социальном положении, назначил метод, не имея никакого реального представления о людях, к которым они пытались его применить. Публика уделяет слишком много внимания высказываниям авторитетных людей, и трудно избежать привычки принимать за знание то, что является лишь разновидностью невежества, отличного от нашего собственного. Вещь не является правдой, потому что ее кто-то сказал; она может быть правдой, несмотря на это; но это окупало бы все хлопоты, если бы официальные высказывания подвергались более тщательному изучению, чем это происходит. В чиновнике могут присутствовать усердие, честность, порядочность, он может быть очень талантливым человеком, и все же он может довести дело до плачевного состояния. Чем меньше его допрашивают, чем больше он терпит бесконтрольности, тем хуже и для него, и для тех, чьим слугой он является. Хороший слуга может стать очень плохим хозяином. К тому же все чиновники не одинаково способны. Если у человека нет ума, его вряд ли удастся развить, дав ему титул или форму. Если у него мало мудрости, он вряд ли станет менее глупым, даже если вы посадите его на место Соломона. Тот факт, что человек занимает должность, не является доказательством его пригодности к ней; а уважение к должности еще больше обязывает честных людей внимательно изучать и критиковать действия того, кто ее занимает. Лояльность к государственной службе слишком часто путают с раболепием перед теми, кто занимает высшие посты, что приводит к чему-то очень похожему на заговор с целью превознести их значение (что было бы незначительным делом) и побудить общественность придавать чрезмерное значение их словам, хотя их заявления могут казаться достаточно глупыми. Все это - вполне гетеродоксальная доктрина, и на практике она не будет способствовать тому, чтобы путь человека был гладким; но ортодоксальный метод, предполагающий, что чем выше по авторитету человек, тем он умнее и мудрее, не привел к таким удовлетворительным результатам, чтобы его можно было не оспаривать.

Официальные отчеты о работе дома для наркоманов Гирдженти были гораздо более удовлетворительными, чем результаты, и дом мог бы существовать до сих пор, если бы представители общественности не информировали себя о реальном положении дел. Несколько случаев излечения, которые ставятся ему в заслугу, обходятся в копейку. Стоимость содержания женщины составляла от двадцати пяти до тридцати шиллингов в неделю, и было доказано, что шансы на ее исправление после трех лет лечения невелики. Другими словами, обществу гарантировали, что все люди, отправленные в дом престарелых, будут поддерживать трезвость за счет расходов от шестидесяти пяти до восьмидесяти фунтов в год, но у них не было оснований полагать, что после прекращения этих выплат с их стороны пациентка займет свое место в обществе и останется трезвым гражданином. Если пациентке не стало лучше, то стало ли ей хуже в результате лечения там? В некоторых отношениях да. Нельзя безрезультатно вмешиваться в жизнь других людей, потому что невозможно оставить их такими, какими вы их нашли.

Помню, как однажды утром меня навестила женщина, покинувшая дом после трехлетнего пребывания в нем. Перед тем как обратиться ко мне, она выпила, и у нее было несколько жалоб на то, как с ней там обращались. Жалобы были пустяковыми и носили скорее характер сплетен, чем чего-либо еще. Я сказал ей, что за последние три года ее содержание обошлось общине примерно в 200 фунтов стерлингов, и, похоже, они заключили невыгодную

сделку. Я посоветовал ей поменьше думать о своих обидах и побольше - о комфорте соседей и отпустил ее с обычными порицаниями и советами; но у нее были претензии к государству, хотя она не могла их ясно выразить. Я бы изложил ее так: "Когда вы вмешались в мою жизнь, я уже вошла в привычку пить, но в основном я зарабатывала себе на жизнь сама и мало вмешивалась в дела других, к их досаде. У меня были друзья, которых вы, возможно, не одобряете, но между ними и мной были общие узы. Мы сочувствовали друг другу и помогали друг другу. Вы взялись исправить мою жизнь, избавить меня от дурных привычек, сделать меня более пригодным для того, чтобы я мог зарабатывать на жизнь, не нарушая ваших законов. Вы управляли и руководили мной в течение трех лет. Вы поместили меня в дом, где моя жизнь была регламентирована для меня; вы дали мне в компаньоны людей, с которыми я никогда раньше не общался; вы заставили меня жить в их обществе; вы не научили меня ничему, что могло бы пригодиться мне вне дома; вы удержали меня от пьянства. Может быть, это и было скудным удовольствием, но это было единственное, что у меня было. Вы не отбили у меня вкус к нему, и вы не дали мне ничего, что могло бы его заменить; и вот теперь я на три года старше, и вы выпускаете меня улицы города, к которому я принадлежу, и в котором я теперь благодаря вашему поступку очень чужой, и предлагаете мне работать, чтобы заработать на жизнь, конкурируя с другими. Я мог работать и работал до того, как вы вмешались в мою жизнь; я могу работать и сейчас, но мне нужно чем-то заполнить свою жизнь, а не только работой, и я снова начал пить, потому что это единственное, что я знаю, что удовлетворяет мою потребность. Мне сейчас хуже, чем было до того, как вы начали меня исправлять. Тогда у меня были друзья, теперь я одинок, потому что они пошли своей дорогой: некоторые - к смерти, все - от меня. Нет никого, от кого я мог бы сочувствие и помощь, которые я когда-то имел. У моих друзей были свои недостатки, и они знали мои; поэтому мы и были друзьями. Все, что вы можете мне предложить, - это покровительство, советы, указания от людей, которых я не знаю и которые не знают меня. Единственное, чего я хочу, - это общения, - я его не получил. Вы научили меня зависеть от других. Вы заставили меня подчиняться вашим правилам, а теперь освободили меня, чтобы я сам устанавливал для себя правила, и оставили меня дрейфовать туда, где я был; сталкиваться с теми же трудностями, теми же искушениями, без общения с теми, кто вырос в моей жизни. Вы отняли у меня три года жизни и ничего мне за это не дали. Верните мне мою жизнь или оправдайте свое вмешательство в нее тем, что я должна стать лучшим гражданином, чем была".

Это примерно то, что женщина, похоже, чувствовала и пыталась сказать, и на это действительно нет ответа. Неразумно относиться к жизни мужчин и женщин как к игрушке, с которой можно играть, и отбрасывать ее в сторону, не заботясь о последствиях, когда игра надоест. Если мы не будем руководить ими, они будут руководить сами, и чем меньше они к этому приспособлены, тем хуже для нас. Я помню одну женщину, которая была воспитанницей приюта, но работала на ферме вне дома по лицензии. Она вела себя прекрасно; она была хорошим работником, хотя до поступления в дом престарелых у нее было более сотни судимостей за пьянство. В перерывах между выпивкой она всегда была хорошим работником. Она соблюдала условия лицензии, какими бы они ни были, и казалась исправившейся. Я сказал ей, что совершенно ясно, что, хотя она не может противостоять соблазнам, связанным с жизнью в трущобах большого города, она может продолжать жить полезной жизнью в стране в течение неопределенного периода времени. Она ответила: "Как только закончатся три года, я вернусь в город", - и сдержала свое обещание, в результате чего снова ушла в запой. В ее случае было доказано, что она может вести себя в течение длительного периода, когда единственной альтернативой регулируемой жизни вне учреждения является более жестко регулируемая жизнь в учреждении. Она предпочитала ферму дому, но и городские улицы тоже, и ее случай заставляет задуматься о том, стоит ли лишать таких, как она, всякого контроля. Она не нуждалась в постоянном контроле со

стороны чиновников, чтобы соблюдать закон. Ее жизнь оставалась под наблюдением жителей района, в котором она работала, и вполне можно предположить, что она могла бы работать там и дальше, если бы не знала, что наградой за самоограничение будет не столько изменение характера, сколько освобождение от всякого надзора по истечении определенного срока.

Причина неудачи Дома для наркоманов кроется не в характере воспитанников или чиновников, которые над ними надзирали, а в недостатке, присущем всем учреждениям; в том, что образ жизни в них существенно отличается от того, что существует вне их. Все они в большей или меньшей степени основаны на военной модели, а военная модель и промышленная модель отличаются друг от друга. Гораздо больше, чем многие из нас подозревают, мы являемся созданиями привычки: часто привычка приобретается медленно, постепенно и бессознательно. Переезд с одного места на другое подразумевает отказ от одних привычек, но также подразумевает и формирование других. Не понадобился опыт Дома для буйных, чтобы мы узнали, что люди могут быть лишены возможности пить в течение длительного времени и, вернувшись в свои прежние условия, возобновить эту привычку. Годы тюремного заключения, где жестко соблюдается трезвость и где диета не имеет стимулирующего характера, не заставили мужчин, подвергшихся этому испытанию, воздержаться от выпивки после освобождения. Нежелательная привычка может быть излечена только путем замены ее чем-то, что представляет такой же интерес, обладает большей силой и позволяет человеку жить своей жизнью, не досаждая соседям.

Когда мужчины или женщины объединяются друг с другом, они должны найти какую-то общую связь интересов. В каждой добровольной ассоциации это признается. Религия заставляет некоторых оторваться от мира и посвятить свою жизнь ее достижению. Люди, разные по социальному положению, возрасту, опыту, характеру, темпераменту, объединяются в сообщество. Единственное, что их объединяет, - это их вера. Они могут как можно сильнее различаться в своих взглядах на другие вопросы, но эти различия не являются тем, что удерживает их вместе. Они скорее сами по себе будут стремиться разрушить объединение, ведь разногласия раздвигают людей. Различия терпимы только благодаря узам согласия, которые достаточно сильны, чтобы их компенсировать. На эту тему и вокруг нее они могут разговаривать. Опыт каждого заинтересует другого, просветит его, во всяком случае, будет им учтен. То же самое можно сказать и о политических объединениях. Между членами ассоциации существуют разногласия, но эти разногласия не могут выйти за пределы, где их уравнивает некое общее соглашение, не разрушая ассоциацию.

Исправительные дома и другие исправительные учреждения не являются добровольными объединениями, но среди их заключенных не может быть общения, не основанного на каком-то общем для всех них опыте. В домах для буйных общим фактором является пьянство. Как бы ни различались заключенные в других отношениях, в этом они все похожи: они предавались пьянству до такой степени, что закон вмешался, чтобы разобраться с ними, и поэтому перед каждым новичком встает вопрос: "Почему вы здесь?". Они вынуждены общаться друг с другом, и им будет лучше вместе, ведь каждый из них знает что-то из истории другого. Вспоминаются сцены, которые лучше забыть. Время, потраченное на сожаление о прошлом при подробном описании его происшествий, может привести, и часто приводит, к повторению зла, о котором сожалеют.

Лучше, чтобы разум заикливался на чем-то другом, чем на ошибках прошлого. Часто можно наблюдать, как человек начинает рассказывать о каком-нибудь диком эпизоде или опыте из своей юности, и замечать, что под выражением критики и сожаления скрывается некий тон удовлетворения от того, что он прошел через это, и томительное воспоминание о том, какое

удовольствие он получил от этого. Он осуждает безрассудство, признает, что это была ошибка, и совершенно ясно показывает, что в то время это доставляло ему удовольствие. Разговоры о прошлом возвращают его и сохраняют память о нем, а упорство в этом деле может привести к тому, что то, к чему раньше относились с отвращением, станет желанным, даже вожделенным. Мне вспоминается разговор с одной заключенной по случаю моего визита в дом для наркоманов. Я знал ее как закоренелую преступницу в течение многих лет до того, как она взялась за исправление, а в это время она находилась в учреждении уже больше года. Я поздравил ее с улучшением внешнего вида, и в конце нашего разговора она сказала: "Это чистая правда, я живу лучше, чем когда-либо. Мяса у меня - сколько угодно, и я получаю его гораздо легче, чем на воле. Работа не тяжелая, и чиновники добрые. Конечно, время от времени случаются стычки; когда так много рабочих, иного и не ожидаешь; но жаловаться не на что. Летом здесь очень красиво, но я устаю от страны. Я такая же птица, как и вы, доктор, и я устаю от улиц". Я предложил ей, что, раз уж она так хорошо обеспечена и по истечении срока может устроиться туда, где у нее не будет таких побуждений к выпивке, как у нее, она должна принять решение держаться подальше от города; но она ответила: "Нет; здесь очень мило и удобно, но я бы не согласилась прогуляться до Кандлеригса ради этого". Конечно, в конце концов она прогулялась по Кандлеригсу, а затем отправилась в тюрьму; но было совершенно очевидно, что эта тоска по старым местам была результатом того, что на нее не произвели впечатления интересы, которые были бы столь же увлекательны и стали бы более сильными. Если бы у нее появился такой интерес, Кандлеригги была бы всего лишь пустым чувством. Он занял бы то место, которое "Бонни Шотландия" занимает в сознании многих шотландцев, которые, поселившись за границей и погрузившись в свои дела, остаются там, боясь вернуться, чтобы не потерять даже это чувство. Так же как в религиозной общине члены стимулируются к добродетели, в исправительном учреждении объединение людей, которых объединяет их преступление, стимулирует их к правонарушениям или, по крайней мере, препятствует тому, чтобы они порвали со своими старыми интересами.

Жизнь в исправительном учреждении отличается от жизни за его пределами, что приводит к формированию привычек, которые пагубно сказываются на заключенных, когда они возвращаются в общество. Их селят обычно по образцу казармы, хотя это не относится к размещению заключенных в тюрьме, так как у них есть отдельные комнаты. За пределами учреждения большинство людей не спят в общежитиях и не живут в общих комнатах. Они могут жить и спать в одной комнате, но единственное жилье за пределами учреждения, которое устроено по той же модели, что и общежитие, - это общая ночлежка, и это последнее место, куда хотелось бы попасть исправившемуся преступнику.

В учреждении разделение труда осуществляется из соображений экономии. Комендант распоряжается, чтобы разные группы людей выполняли разные обязанности. Даже если все люди будут периодически переходить от одного набора обязанностей к другому, чтобы каждый заключенный научился выполнять все части работы, необходимой для поддержания заведения в надлежащем состоянии, сформированная привычка будет отличаться от привычки домохозяйки на улице, которая ежедневно должна проходить весь круг своей работы. Она не отвечает за выполнение какой-то части работы, зная, что за другую часть отвечает кто-то другой. Не только каждая часть работы привлекает ее внимание в свою очередь, но она отвечает за всю работу в целом; хорошо или плохо она ее выполняет - неважно, главное, что ей некому управлять и некого призвать к ответу за ее нерадивость. Привычки к ведению домашнего хозяйства, приобретенные обитателями дома, могут сделать их хорошими слугами, но они, конечно, не способны сделать их более пригодными для управления собственным домом, чем они сами; ведь они не управляют, а ими управляют.

ГЛАВА VII

ЗАКОН О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (1908)

Эксперимент в Борстале - Положения о "перевоспитании молодых правонарушителей" - Ожидается ли сокращение числа полицейских? - Превентивное заключение - Подразумеваемое признание того, что каторжные работы не исправляют, Заключенный, содержащийся под стражей по усмотрению тюремного начальства - Полномочия государственного секретаря - Изменения в уставе - Необходимое незнание государственного секретаря в силу его других обязанностей - "комитеты" - Привычки, которым следует обучать - Обучение профессиям - Незнание профессий теми, кто собирается их обучать - Трудность обучения профессиям в учреждениях меньших, чем обучение профессиям - Порок послушания, которому учат - Разумное сотрудничество и бессмысленное подчинение - Разумное сотрудничество и бессмысленное подчинение - военный человек в промышленном сообществе.

Несколько лет назад английские тюремные комиссары начали применять модифицированную систему обращения с определенными правонарушителями. Для этой цели была выделена тюрьма Борстал, специально подобран персонал, а для эксперимента были отобраны молодые правонарушители. Это был заметный шаг вперед, и власти, похоже, остались довольны результатами. Либо у них были полномочия для проведения эксперимента, либо нет. В первом случае не требовался парламентский акт, дающий полномочия, во втором - они должны были нарушить закон. Если они находились в пределах своих полномочий, ничто не мешало им продолжать свою благотворную работу. Успех этой работы обязательно зависел от опыта и особых способностей тех, кто ее выполнял. Если люди, занимающие должности в других тюрьмах, не обладают подобной квалификацией для работы, то никакой закон не даст им ее; но он может привести к тому, что на них будут возложены обязанности, которые они не в состоянии выполнять. До тех пор, пока лечение должно было оправдываться его результатами, можно было бы с уверенностью предположить, что руководить им будут только те, кто может доказать свою пригодность; теперь же для его продолжения требуется так же мало таких оправданий, как и для домов для буйных.

Закон о предотвращении преступлений (1908 г.) касается "перевоспитания молодых правонарушителей" и "содержания под стражей закоренелых преступников". Молодые правонарушители должны быть не моложе шестнадцати и не старше двадцати одного года; но Государственный секретарь с согласия парламента может издать приказ о включении лиц, которым на вид не исполнилось двадцати одного года, если на самом деле им не больше двадцати трех лет. Молодой правонарушитель должен быть осужден по обвинительному акту за преступление, за которое он подлежит наказанию в виде каторги или тюремного заключения; и для суда должно быть очевидно, что он имеет преступные привычки или наклонности, или связан с плохими характерами. Суд должен рассмотреть любой отчет Тюремных комиссаров о пригодности преступника для лечения в Борстале; и может отправить его туда на срок не менее одного и не более трех лет. В Шотландии

Государственный секретарь может применить этот закон своим приказом и назвать учреждение любым именем по своему усмотрению.

Если мальчик в исправительной школе совершит преступление, за которое суд может отправить его в тюрьму, он может быть отправлен в Борстальский институт, и тогда его наказание заменяет наказание в исправительной школе.

Государственный секретарь может переводить лиц, достигших предельного возраста, из исправительного учреждения в борстальское учреждение.

Государственный секретарь может учреждать борстальские учреждения и уполномочивать комиссаров тюрем приобретать землю с согласия Казначейства и возводить или перестраивать здания для этих целей, причем расходы должны покрываться за счет Казначейства. Он может издавать правила по управлению учреждением, его посещению, контролю за лицами, направленными в него, и их временному содержанию до перевода в него.

В соответствии с правилами, комиссары тюрем, если убедятся, что преступник исправился, могут освободить его на основании лицензии в любое время после отбытия шести месяцев - в случае женщины - после трех месяцев; лицензия остается в силе до истечения срока наказания, если она не будет отменена или утрачена раньше, в этом случае преступник может быть арестован без ордера и доставлен обратно в учреждение. В соответствии с правилами, комиссары тюрем могут отозвать лицензию в любое время. Если лицо, имеющее лицензию, сбегает из-под надзора или совершает любое нарушение условий, изложенных в лицензии, оно тем самым лишается ее; время между лишением лицензии и невозвращением не учитывается при подсчете времени его содержания под стражей. Время, в течение которого он находится на лицензии и соблюдает ее условия, засчитывается в срок пребывания в учреждении.

Каждое лицо, приговоренное к содержанию в Борстале, остается под надзором Тюремных комиссаров в течение шести месяцев после истечения срока наказания; но Государственный секретарь может отменить это положение, если сочтет нужным. Тюремные комиссары могут выдать лицензию любому лицу, находящемуся под их надзором, и могут отозвать ее и поместить его в учреждение, если сочтут это необходимым для его защиты; но они не могут содержать его под стражей более трех месяцев, и они вообще не могут содержать его под стражей, если прошло шесть месяцев после истечения срока его наказания.

Молодые правонарушители, содержащиеся в Борстале, если они признаны неисправимыми или оказывающими дурное влияние на других заключенных, могут быть переведены в тюрьму для отбывания оставшегося срока, с каторжными работами или без них, в зависимости от решения Государственного секретаря.

Лицо, на которое выдана лицензия, должно быть передано под надзор какого-либо лица или общества, готового взять над ним опеку и указанного в лицензии. Если общество берет на себя помощь или надзор за лицами, выпущенными из учреждения, понесенные расходы могут быть оплачены из государственных средств; но, что весьма любопытно, в законе не упоминается об оплате лиц, готовых выступить в качестве опекунов.

Человек может быть переведен из одного борстальского учреждения в другое, а также из одной части Соединенного Королевства в другую. Он должен находиться "под таким обучением и дисциплиной, которые представляются наиболее способствующими его

перевоспитанию и подавлению преступности" - что достаточно расплывчато. Единственное, что имеет значение в этой части Закона, - это положение о выпуске преступника на свободу по лицензии. Если она используется для того, чтобы взять его на воспитание, то можно добиться некоторого прогресса; но если она используется только для того, чтобы предоставить средства какому-то обществу филантропов для игры, то вряд ли есть основания надеяться, что она принесет большую пользу преступнику.

Вторая часть Закона более своеобразна, чем первая. Она предназначена для решения проблемы закоренелых преступников, и в первоначальном виде она предусматривала содержание их под стражей, если чиновники сочтут нужным, до конца жизни. Это было бы почти таким же верным средством профилактики, как и повешение, и гораздо более дорогостоящим.

Следствием предотвращения преступлений, как можно ожидать, станет сокращение численности полиции. Их обязанность - арестовывать преступников, а если преступников закроют, то их занятие исчезнет. Поразительно, что во время всех обсуждений этой меры никто не высказал предположения, что в результате ее применения потребуется меньшее количество полицейских. На это не было никакой вероятности; ведь преступность не будет предотвращена в какой-либо степени учреждением "исправительных центров" - опыт показал это со всей очевидностью - но она будет в некоторой степени снижена, пока профессионалы находятся в заключении. Это уже было опробовано и признано недостаточным и неудовлетворительным. Новый закон предусматривает уход за людьми, освобожденными из Борстала, и реформаторское лечение тех, кто стал привычным после окончания преступного и тюремного опыта - ни одна из этих квалификаций не облегчает работу с ними.

В соответствии с законом "закоренелым преступником" считается тот, кто в период между достижением шестнадцатилетнего возраста и осуждением за инкриминируемое ему преступление имел три предыдущие судимости и постоянно ведет нечестную или преступную жизнь. Такое лицо, приговоренное к каторжным работам, по истечении срока наказания может быть заключено под стражу на срок не менее пяти и не более десяти лет, по усмотрению суда. Обвинение в том, что он является закоренелым преступником, может быть предъявлено только после того, как он признает или был признан виновным в преступлении, в котором ему было предъявлено обвинение, и о намерении предъявить такое обвинение преступник должен быть уведомлен за семь дней. Суд имеет право принять доказательства характера и репутации по вопросу о том, обвиняемый ведет или не ведет упорный нечестный или преступный образ жизни. Лицо, приговоренное к превентивному заключению, может обжаловать приговор в суде, состоящем не менее чем из трех судей Высокого суда юстиции в Шотландии. Государственный секретарь может в отношении лиц, которые представляются закоренелыми преступниками и приговорены к пяти годам каторги или более, перевести их после истечения трех лет срока каторги в превентивное заключение на оставшийся срок наказания.

Заклученные, находящиеся под превентивным заключением, должны содержаться в любой тюрьме, которую Государственный секретарь может выделить для этой цели, и на них распространяется закон, действующий в отношении каторги; при условии, что правила, применимые к осужденным, будут применяться к ним с такими изменениями в сторону менее строгого обращения, которые может предписать Государственный секретарь". Это означает, что с осужденным должны работать те же сотрудники, которые занимались с ним, когда он назывался осужденным. Нет никаких оснований полагать, что их способность сделать его

лучше, чем он был, возрастет из-за принятия парламентского акта. Смена ярлыков, какой бы ловкой она ни была, не изменит ни характера, ни атмосферы в тюрьме.

"Заключенные, находящиеся под превентивным заключением, должны подвергаться такому дисциплинарному и исправительному воздействию и должны быть заняты на такой работе, которая лучше всего подходит для того, чтобы они могли и хотели честно зарабатывать себе на жизнь после освобождения".

Этот подраздел достаточно широк, чтобы охватить все реформы. Он подразумевает, что заключенные не подвергаются такому дисциплинарному и исправительному воздействию и не заняты на такой работе, которая лучше всего подходит для того, чтобы они могли и хотели честно зарабатывать себе на жизнь после освобождения; но если такое предположение оправдано, почему бы не поместить их в полезные условия с первого дня их заключения? Тому, кто не является законодателем, кажется глупым настаивать на том, чтобы правонарушителей помещали в условия, не приспособленные для честной жизни вне тюрьмы, и чтобы этот процесс повторялся до тех пор, пока они не станут закоренелыми преступниками, прежде чем будет отдан приказ о принятии мер для их исправления. Что же это за воздействие, предписанное парламентом, и какой работе их нужно научить, чтобы они могли и хотели честно зарабатывать себе на жизнь? Конечно, ни один член Парламента не настолько легковверен, чтобы верить, что влияние и работа, которые сделают одного человека лучше, подойдут всем людям. Даже члены парламента не все подчиняются одним и тем же правилам, и среди преступников существует столько же различий, сколько и среди законодателей.

"Государственный секретарь назначает для каждой такой тюрьмы или части тюрьмы совет посетителей, из которых не менее двух должны быть мировыми судьями, с такими полномочиями и обязанностями, которые он может предписать вышеупомянутыми тюремными правилами".

"Государственный секретарь должен, по крайней мере, раз в три года, в течение которых какое-либо лицо содержится под стражей по приговору о превентивном заключении, принимать во внимание состояние, историю и обстоятельства этого лица, чтобы определить, следует ли его освободить на основании лицензии, и если да, то на каких условиях."

"Государственный секретарь может в любое время освободить на условиях лицензии лицо, находящееся под превентивным заключением, если он убежден, что существует разумная вероятность того, что он воздержится от преступлений и будет вести полезную и трудолюбивую жизнь, или что он больше не способен совершать преступления, или что по любой другой причине желательно освободить его из заключения в тюрьме.

Лицо, освобожденное по лицензии, может быть освобождено на испытательный срок и при условии, что оно будет передано под надзор или власть любого общества или лица, указанного в лицензии, которое может быть готово взять на себя ответственность за это дело, или на таких других условиях, которые могут быть указаны в лицензии.

Директора каторжных тюрем должны периодически отчитываться перед Государственным секретарем о поведении и деятельности лиц, находящихся под превентивным заключением, а также об их перспективах и вероятном поведении после освобождения, и для этой цели им должен помогать комитет при каждой тюрьме, в которой содержатся такие лица, состоящий из таких членов совета посетителей и таких других лиц обоего пола, которых Государственный секретарь может время от времени назначать.

Каждый такой комитет должен проводить заседания с периодичностью не более шести месяцев, как это может быть предписано, с целью личного опроса лиц, находящихся под превентивным заключением в тюрьме, и подготовки отчетов, содержащих такую информацию о них, которая может быть необходима для помощи Директорам, и может в любое другое время проводить такие другие заседания и делать такие специальные отчеты по конкретным делам, какие они могут счесть необходимыми."

Лицензия может быть составлена в такой форме и содержать такие условия, которые могут быть предписаны Государственным секретарем.

Государственный секретарь является лицом, обладающим всей полнотой власти над лицом, приговоренным к превентивному заключению; однако Закон не дает ему никаких полномочий, которыми он не обладал ранее. Государственный секретарь всегда обладал и использовал полномочия по вынесению приговоров заключенным. Он не только смягчал приговоры, но и накладывал условия при смягчении приговора. Закон даже не ограничивает его полномочия, поскольку как представитель короля он может освободить любого, если сочтет нужным. Закон лишь создает механизм, позволяющий перемещать государственного секретаря. До сих пор, прежде чем он рекомендовал использовать королевскую прерогативу, он должен был быть лично заинтересован в том или ином деле, поскольку должен был быть готов обосновать свои действия, если бы их поставили под сомнение в парламенте. Закон изменяет все эти положения в той мере, в какой они применимы, и делает обычным делом то, что было исключительным.

Министр по делам Шотландии является главой всех административных департаментов и, будучи главой всех, вряд ли будет знать в деталях о каком-либо из них. У него есть свои парламентские обязанности, и чем больше они на него давят, тем больше административной работы он должен оставлять постоянным руководителям департаментов. Один государственный секретарь может получить и заслужить лучшую репутацию администратора, чем другой; но совершенно невозможно ожидать, что один человек будет досконально знать детали работы всех департаментов. Например, он отвечает за образование, но что он может знать лично о потребностях в образовании мальчика из восточной части Глазго? И все же он предписывает образование всем мальчикам, как будто легче знать о тысячах, чем об одном. Будучи главой Совета по местному самоуправлению, он должен указывать, какую помощь следует оказывать беднякам в разных частях Шотландии, какую сумму в виде гранта следует выделять комитетам по борьбе с бедствием и какую работу должны выполнять безработные. Он никогда не был человеком, имевшим опытное знакомство с бедностью или знающим на собственном опыте, какие страдания влечет за собой скучная профессия в семье рабочего класса; и ручной труд не был его занятием. И все же не представители этих людей наставляют его. Это Совет, главой которого он является и члены которого, какими бы способными они ни были, находятся в меньшем контакте с теми, для кого они выписывают рецепты, чем он сам. Он возглавляет департамент тюрем, и он может время от времени посещать тюрьму; но даже государственный секретарь, можно сказать, особенно государственный секретарь, не может получить много глубоких знаний о тюрьмах и заключенных в результате случайного посещения. У него слишком много дел, а человек, у которого слишком много дел, редко что-то делает. Он оставляет это своим помощникам. Если бы Соломон взялся и попытался сделать столько дел, сколько должен делать государственный секретарь, он потерял бы свою репутацию мудрого человека за неделю; но он не был бы Соломоном, если бы попытался; и поэтому государственный секретарь, основываясь на полученных им рекомендациях, должен определить судьбу

заклученного, приговоренного к превентивному заключению. Раз в три года каждый такой человек должен попадать в поле его зрения. Это можно сделать только с помощью отчетов.

Эти отчеты должны быть подготовлены комитетом, созданным в соответствии с Законом, который назначается министром по делам Шотландии. Было бы слишком много ожидать, что он должен знать местные обстоятельства в каждом случае, и назначать людей могут только те, кого ему рекомендуют его чиновники. В том, что это будут люди с хорошей репутацией, сомневаться не приходится, но нет никаких оснований полагать, что это будут люди, лучше всего подходящие для представления общественности или наиболее близко знакомые с условиями, в которых живут заключенные. Если бы чиновники сами проявили способности к работе с заключенными в исправительных целях, можно было бы предположить, что их кандидатами станут люди, чей жизненный опыт и характер способностей будут соответствовать той работе, за которую они должны взяться. Люди с идеями, особенно если эти идеи официально не одобрены, вряд ли станут выдвигать свои кандидатуры для такой работы. Они будут создавать проблемы, и лучше, чтобы дела не делались, чем чтобы Израилю мешали.

Комитет должен собираться через определенные промежутки времени, чтобы лично опросить тех, кто находится под их опекой; ценность их отчетов будет зависеть от того, насколько близкие знания они получают об опрошенных людях и насколько они будут точны. Очевидно, что они не должны встречаться чаще, чем раз в шесть месяцев. Такое положение слишком откровенно абсурдно, чтобы заслуживать обсуждения. Очевидно, что они должны отчитываться перед комиссарами тюрем, которые отчитываются перед государственным секретарем. Таким образом, ситуация выглядит примерно так: заключенные после длительного пребывания в тюрьме могут быть переведены в другую часть учреждения для исправления. В новых помещениях обращение с ними должно быть менее строгим, чем раньше. Влияние, под которое они должны попасть, описано, но не определено. Сотрудники могут быть теми же, кто назывался надзирателями в другой части тюрьмы, но у них может быть новое имя и, возможно, новая форма. Если человек убедит государственного секретаря, которого он никогда не увидит и который ничего не знает о нем лично, что он исправился, он может быть освобожден на основании лицензии; и он может добиваться избрания в ряды лицензированных раз в три года. Тогда будет рассматриваться его поведение и послужной список. Характер послужного списка будет определяться тем, какое впечатление он производит на тех, кто с ним контактирует. Иными словами, в основном он будет зависеть от отчета надзирателя, ведь, в конце концов, разве не он знает о человеке больше всех? Он, безусловно, видит его больше, чем любой другой человек. Будет разработана форма, которую он будет регулярно заполнять. Государственные учреждения отличаются наличием бланков. Он будет вести учет поведения заключенного, его повадок, интеллекта и всего прочего, и, несомненно, будет таким же гениальным произведением, как и любой из многочисленных образцов, ставших результатом нашей практики управления с помощью клерков. Надзиратель будет отчитываться перед главным надзирателем, который будет отчитываться перед губернатором. Медицинский работник доложит о состоянии здоровья человека, и все отчеты пойдут к тюремным комиссарам, а от них - к какому-нибудь клерку в шотландском офисе, который удовлетворительно сдал экзамен на гражданской службе по границам Российской империи, смерти Риццио или какому-нибудь другому важному образовательному предмету и никогда не имел возможности узнать о заключенных ничего, кроме того, что можно узнать из книг, отчетов и случайного посещения тюрьмы. Отчеты будут тщательно проверены, взвешены и обобщены, и государственный секретарь подпишет сделанный для него заказ.

Совершенно очевидно, что чем выше по служебной лестнице вы поднимаетесь, тем менее глубокие знания о жизни заключенных, о социальных условиях, в которых они жили на воле, и об их потребностях вы можете с полным основанием ожидать, что вы найдете их в том виде, в котором они устроены в настоящее время. Человек, у которого больше всего шансов получить лицензию в соответствии с Законом, - это тот, кто лучше всех умеет уклоняться. Весь наш опыт указывает на этот факт; и нередко самые отвратительные личности, благодаря раболепию и подхалимству, производят благоприятное впечатление на тех, кто распределяет привилегии, и это не ограничивается тюрьмами или заключенными.

Когда заключенный освобождается по лицензии из места превентивного заключения и передается под надзор или власть общества или лица, общество или лицо должны отчитываться в соответствии с правилами, которые должны быть приняты государственным секретарем, о поведении и обстоятельствах лицензиата. Лицензия может быть отозвана в любое время Государственным секретарем, когда лицо, получившее лицензию, должно вернуться в тюрьму. Если лицо, получившее лицензию, сбегает из-под надзора тех, кому оно было передано, или нарушает какие-либо условия лицензии, оно полностью теряет ее, может предстать перед судом общей юрисдикции и обвиниться в нарушении лицензии, а при наличии доказательств быть отправленным обратно в место превентивного заключения. Время, в течение которого лицо находится на свободе по лицензии, рассматривается как часть срока содержания под стражей, к которому оно было приговорено; за исключением случаев, когда оно не вернулось после аннулирования лицензии, в этом случае время, в течение которого, как можно утверждать, оно совершило побег, не засчитывается в срок наказания. Условия лицензии могут быть отменены в любое время государственным секретарем, и лицо, которому выдана лицензия, может быть абсолютно свободным; но в любом случае, после того как он пробыл на свободе в течение пяти лет, полномочия по его задержанию теряют силу, при условии, что он соблюдал условия своей лицензии в течение этого времени.

И в борстале, и в превентивном учреждении для содержания под стражей предполагается привить заключенным привычки и занятия, которые будут полезны им в окружающем мире. Какими они будут, полностью зависит от того, что произойдет с ними после освобождения. Еще не придумано ни одного учреждения, которое хотя бы отдаленно напоминало бы ту жизнь, которая ожидает его воспитанников.

Много написано о целесообразности обучения ремеслам людей в учреждениях, но авторы никогда не были сами ремесленниками, и если бы они имели хоть какое-то практическое представление о предмете, они бы не писали; писать было бы не о чем. Обучение ремеслу - это не только умение обращаться с инструментами. Люди должны научиться не просто делать что-то, а делать это совместно с другими работниками. Они учатся ремеслу не по лекциям учителя или указаниям мастера, а наблюдая за работой других и подражая или избегая их методов, как им кажется наиболее подходящим. Возьмите двух лучших мастеров почти в любой мастерской, и вы увидите, что они работают каждый по-своему - каждый тем способом, который он считает наиболее подходящим для себя. Подмастерья учатся у них; и парень или мужчина, который хочет научиться ремеслу, поступит не лучшим образом, если пойдет в мастерскую, где подмастерьев столько же, сколько и мастеров.

Раньше говорили, что первый год ученичества столяра проходит в уборке стружки и кипячении мужских "банок"; и в этом утверждении была большая доля правды. Лучшие из известных мне ремесленников проводили первую часть своего ученичества, слоняясь по мастерской, поднося и переноса для других, бессознательно получая впечатления и набираясь знаний. Худшими из тех, кого я знал, были один или два, которых мастер, когда

они поступили в ученики, посчитал слишком старыми для такой работы, и их сразу же приковывали к скамье.

В заведении, где учатся ремеслам парни или мужчины, условия не только менее благоприятны, чем на улице, но и фактически противоположны им. Фактически, компания состоит почти полностью из подмастерьев. Подмастерьев нет. Есть только бригадир в лице инструктора; и чем дольше он там работает, тем больше теряет связь с изменениями в методах, которые произошли среди его товарищей по ремеслу снаружи, он способен только рассказать своим ученикам, как бы он сделал то или иное дело, которое в мастерской они могли бы сделать лучше, следуя более подходящему для них плану. Если ему приходится не замечать их работу, они не могут не замечать его; и пока он критикует их усилия и следит за порядком, он не может показывать им пример.

Каждый торговец и каждый работодатель знает, что важным вопросом является не только то, прошел ли человек ученичество, но и то, где он его проходил. Конечно, при самых благоприятных условиях некоторые мужчины не становятся хорошими торговцами; возможно, они выбрали не ту профессию, которая им подходит; но есть условия, которые в целом более благоприятны, чем другие, для производства способных работников, и эти условия не могут существовать в учебном заведении. Исключения, которым там обучают, могут выпускать сносных рабочих и находить работу вне заведения, но результатом попыток обучать ремеслам в заведении будет то, что при значительных затратах вы увеличите число плохих ремесленников, а их и так много.

Я не говорю, что в учебном заведении ничему нельзя научить. Там учат многому. Суть в том, что это не те вещи, которые обеспечивают эффективность на улице.

Легко понять, как человек, который сам не обучался какому-либо ремеслу, может поверить, что этому можно научить как в одном месте, так и в другом, хотя если вы рассмотрите его собственную профессию и предположите, что его профессии тоже можно обучить где угодно, он с готовностью увидит возражения. Люди, которые проявляют заметный интерес к тюремной реформе, в основном принадлежат к профессиональным классам и обеспеченным слоям населения. Вполне возможно, что можно научить заключенного или обитателя исправительного учреждения приобретать привычки и манеры независимого джентльмена. О целесообразности такого предложения, если оно когда-либо будет сделано, я не имею права говорить; но, будучи наблюдателем, нельзя не видеть, что многие из них уже приобрели привычку делать как можно меньше полезной работы для себя и тратить много энергии в направлениях, которые не являются социально продуктивными. Священнослужитель отверг бы как неосуществимое любое предложение обучать реформированных в учебном заведении, предназначенном для поступления в его профессию; и все же там можно было бы получить много тишины и времени для учебы, и, кажется, ничто не мешало бы преподавать в его стенах богословие, литературу или философию.

Конечно, остается вопрос мозгов. Было бы большой ошибкой полагать, что мозги являются монополией какого-либо класса или что они играют более важную роль в работе профессиональных людей, чем в работе других. Что касается обучения, то нет никаких оснований полагать, что в исправительных учреждениях нельзя было бы найти избранных воспитанников, которые в силу природных способностей были бы так же хорошо подготовлены к получению академического образования, в таком же большом количестве, как и те, кто был бы приспособлен к обучению работе с деревом или металлом. Конечно, есть и другие причины, по которым служители не должны обучаться в тюрьме. Существует вопрос

морального характера; , и хотя исправившиеся отчаянные преступники уже становились благородными людьми, я не думаю, что даже самый восторженный евангелист сочтет безопасным предположить, что человек, не подчинившийся законам общества, является безопасным человеком для подготовки к служению.

Этот вопрос о характере не был бы столь категоричен в отношении предложения обучать заключенных исправительных учреждений профессии юриста; но хотя человек может получить всю полезную информацию и общие знания, которые требуются для сдачи экзамена в качестве предварительного допуска к изучению законов своей страны; хотя он может освоить учебники и изучить записи юридических решений так же хорошо в тюрьме, как и в ночлежке на улице; ни один юрист не признает, что таким образом он может получить право заниматься своей профессией. Он будет настаивать на том, что от него требуется нечто большее, чем простое знание законов и книг по судебной практике. Будучи юристом, он мог бы подробно описать, что это за нечто.

Так что есть нечто, что отличает человека, получившего образование в искусственных условиях, существующих в учебном заведении, от человека, получившего образование вне его. Я знал одного кузнеца, который был очень полезным ремесленником, пока оставался в учреждении, где он обучался этому ремеслу. Несколько раз он получал работу на улице, но всегда терял ее, причем не из-за каких-то проступков с его стороны, а из-за абсолютной неэффективности. Кое-что он мог делать, но большинство вещей ему было не под силу; и работодатели считали его невыгодным слугой, отчасти из-за его ограниченности, а отчасти из-за того, что его методы снижали эффективность тех, с кем он работал. В свое время я обучался ремеслу и медицине, и я не сомневаюсь, что мне было бы так же легко получить медицинскую квалификацию в тюрьме, как и ремесленника в учреждении.

Предполагается, что преступнику прежде всего нужно привить привычку к послушанию, как будто это не то, чему его всегда учили в любой тюрьме; и наше обучение принесло ему много пользы.

Я так же мало знаю о военном деле, как военные, которых назначают управлять тюрьмами и заключенными, знают о тех обязанностях, которые они берут на себя, когда их назначают, но я кое-что знаю о поклонении дисциплине. Дисциплина означает не знать больше, чем человек, стоящий над тобой, как бы трудно ни было знать меньше. Во всем, что делает или говорит начальник, всегда должно быть вдвое больше мудрости и правды, чем в действиях или словах его подчиненных; и вести себя в неведении или пренебрежении этим великим принципом - неподчинение.

В школе нам рассказывали историю о человеке по имени Вильгельм Телль, точность которой поздние критики оспаривают. Якобы высокопоставленный военный по имени Гесслер водрузил свою шапку на вершину шеста на рыночной площади и приказал людям склониться перед ней. Телль отказался это сделать, и его схватили и заставили пройти испытание на умение стрелять из лука; и так далее. Независимо от того, правдива история о Телле или нет, в отношении шапки сомнений быть не может: в том или ином виде она по-прежнему является символом власти, которую простые люди приветствуют с уважением. В Шотландии у нас есть песня о чепце Рэба Рорисона, но "It wasna the bonnet, but the heid that was in it," that was the real subject of the ditty. Дисциплина не обращает внимания на голову, которая находится в кепке . Главное - шапка, хоть на шесте.

Все знают, что старая шапка знаний в сказках больше не существует, а отсутствие того, что называется мозгами, не компенсируется никаким покрытием черепа, как бы ни притворялись.

О добродетели послушания мы слышим много, но если мы посмотрим вокруг, то увидим свидетельства того, что это может быть вовсе не добродетель, а порок. В одном из самых известных своих стихотворений Теннисон описывает солдат: "Им не до рассуждений: Theirs not to make reply"; и есть много тех, кто считает благородным делом научить человека не пользоваться мозгами, которые у него есть, и скорее умереть, чем проявить неуважение к начальнику, усомнившись в его компетентности. Возможно, это военная добродетель, но это гражданский порок. Если бы на практике он не работал так плохо, его можно было бы оставить без комментариев; но достаточно оглянуться вокруг, чтобы увидеть результат его применения. Люди, которые попадают под его действие, не становятся от этого более эффективными гражданами, но их обучение мешает им получить работу в промышленной жизни.

Субординация должна быть, прежде чем люди смогут объединить свои усилия для достижения каких-либо целей, но она не должна быть бессмысленной. Например, на любой железной фабрике, где люди работают вместе, каждый из них ежедневно берет в свои руки свою и чужие жизни. Когда они действуют сообща, неверный шаг, неосторожный поступок любого может привести к травме или смерти его самого и других; и они знают это и ведут себя соответствующим образом, иначе никакая работа была бы невозможна. Для неумелого человека нет места, а когда нужна серьезную работу, фуражке Гесслера нет места; есть место только для Вильгельма Телля.

Уволенные из армии мужчины с трудом находят работу. Дело не в том, что они хуже своих соседей. Дело в том, что они прошли неправильную подготовку. Работодатели предпочитают им других не из-за отсутствия патриотизма, а из желания добиться эффективности. На производстве они не могут позволить себе иметь рядом с собой людей, которые усвоили, что "их дело не рассуждать, почему". Они предпочитают тех, кого научили использовать весь здравый смысл в работе. Короче говоря, человек, который в самые первые годы своей жизни занимался производством, работает лучше, чем тот, кого в эти годы учили ждать команды, прежде чем что-то сделать. И все же по всей стране ходят люди, которые пытаются убедить своих сограждан, что для нас нет спасения, если все молодые люди не пройдут период военной подготовки, видимо, не понимая, что тем, кто прошел эту подготовку, трудно конкурировать в промышленном плане с теми, кто ее не прошел. Возможно, по другим причинам, в целях обороны, нам следует научиться стрелять, хотя, со своей стороны, я считаю, что большинство мужчин скорее заболеют когда-нибудь в своей жизни, чем будут участвовать в боях с людьми, о которых они ничего не знают. Казалось бы, это аргумент в пользу того, чтобы их учили беречь и заботиться о своем, а не о чужом здоровье; но шляпа Гесслера все еще на рынке, и говорить о ней невежливо. Однако в конечном счете важен не чепец, а голова, которая в нем находится.

ГЛАВА VIII

СЕМЬЯ КАК МОДЕЛЬ

Основа семьи - не обязательно кровное родство - усыновление - глава и центр семьи - чувство совместной ответственности - черная овца - товарищество и симпатия, необходимые в жизни - реформа возможна только тогда, когда они найдены - "преобразование" лишь временно, если нет силы новых интересов - единственный способ, с помощью которого реформа становится постоянной.

Одна из главных ошибок тех, кто рассматривает социальные проблемы, заключается в том, что они рассматривают человека отдельно от его окружения или как одного из массы, а не как члена семьи или группы. Семейная жизнь - это обычная форма социальной жизни, и каковы бы ни были ее недостатки, это та форма, которая, скорее всего, сохранится без особых изменений. Семья основана на браке, а люди, вступающие в брак, не являются единой кровью, хотя дети от этого брака являются таковыми. Таким образом, семейные узы - это не только кровные узы. Члены семьи воспитываются в чувстве взаимных обязательств и осознании своей взаимозависимости.

Иногда средством создания семьи является усыновление. Когда человек усыновляется в раннем возрасте, трудно заметить разницу в узах, связывающих его и других членов семьи. Существует и временное усыновление, которое встречается гораздо чаще, чем принято считать, и благодаря которому огромное количество парней и девушек не остаются без средств к существованию и не впадают пагубные привычки. В Глазго много молодых людей, которые, не имея собственных родственников, у которых они могли бы жить, или родственники не хотят их приютить, получают жилье и помощь от других людей. В случае с девушками они отчисляют часть своего заработка в общую казну и оказывают помощь в ведении домашнего хозяйства, при этом к ним относятся во всех основных отношениях как к членам семьи. Многие из них не получают зарплаты, достаточной для того, чтобы оплачивать жилье по обычной ставке, и именно эта схема объясняет, почему многие из тех, кто получает небольшую зарплату, могут жить достойно и делают это. Были предприняты попытки организовать общежития для таких наемных работников на том самом основании, что их доход недостаточен для того, чтобы они могли снять комнату с обслуживанием; и эти общежития откровенно признаются, что требуют благотворительной помощи для своего содержания, хотя по своему управлению они являются институциональными; то есть они стремятся к экономии за счет разделения труда. Тем, кто призывает выделять средства на создание таких заведений, кажется, никогда не приходило в голову, что в большинстве случаев девочки сами решили для себя проблему путем того, что я назвал и что практически является своего рода усыновлением; и что их решение является правильным, что меньшинству, которое не смогло добиться усыновления, можно помочь, обеспечив его для них, при необходимости с помощью субсидий, а не собирая их вместе в заведении.

Многие шутят о том, кто является главой семьи - муж или жена; и этот вопрос иногда становится предметом споров; но в семье власть имеет тенденцию к саморегулированию. Он может существовать только при взаимной терпимости и уважении. Каждый член семьи может остро осознавать недостатки другого и свободно обсуждать их, но все они склонны объединяться против внешней критики, и если они знают о недостатках друг друга, то одинаково остро распознают качества, способствующие их продвижению. Таким образом, в то время как один член семьи может быть главой, другой может быть центром семьи. Не всегда отец или мать оказывают наибольшее влияние на семейный совет. Эти вопросы определяются обстоятельствами, и когда в семье возникают разногласия и разлад, это почти всегда связано с игнорированием природных способностей и наклонностей детей, а также с настаиванием на родительских правах в узком смысле этого слова.

Принуждение к взаимной ответственности подразумевает признание взаимной власти. Общество, в котором мы живем, состоит в основном из семей. Однако мужчин рассматривают как индивидуумов, принимают законы и контролируют их, как будто это не так; и власти, вместо того чтобы работать через семью на индивидуума, стараются поднять семейные чувства против них. Государство - это не совокупность людей, а совокупность семей; и когда люди рассматриваются в массе, они рассматриваются безотносительно к их обычному окружению. Было отмечено, что толпа приобретает характеры, отличные от характеров составляющих ее индивидов, но совершенно неверно полагать, что мужчин обычно следует рассматривать как единицы в толпе. Попытки контролировать людей в массе предпринимаются; это происходит в учреждениях. Отдельные люди в определенных обстоятельствах находятся под надзором снаружи, но лучше всего они контролируются вместе и в сотрудничестве с членами семьи, частью которой они на какое-то время становятся.

Если в каждой семье и нет черной овцы, то в большинстве случаев среди ее членов есть тот, чьи способности не соответствуют возможностям остальных. В некоторых случаях слабость проявляется в направлении, которое приводит к нарушению закона. В каждом городе есть много детей, которые являются большим испытанием для своих родителей, и есть родители, которые испытывают терпение и ресурсы своих детей. Есть семьи, которые тратят силы и заботы на то, чтобы не дать одному из своих членов стать хуже, чем он есть, и пытаются направить его на путь исправления; но общество ничего не делает, чтобы помочь им в их усилиях, пока они не бросят свою ношу или не будут вынуждены отказаться от нее, и тогда власти немедленно приступают к применению официальных методов лечения. Мы дошли до того, что семья фактически материально оплачивает отказ от ответственности, потому что государство либо сделает все (пусть даже плохо), либо не сделает ничего. Во всех смыслах дешевле было бы помочь тем, кто пытается взять на себя ответственность - кто хочет, хотя обстоятельства делают это не в силах, - чем поступать так, как поступаем мы, и, исходя из невежественного предположения о наших собственных знаниях, ждать, пока зло не разовьется настолько, что станет невыносимым, а затем пропустить злодея через наш механизм.

Если преступник не вступит в сочувственный контакт с кем-то в обществе, кто поможет ему противостоять искушению и будет поощрять его в добрых делах, он никогда не исправится. Есть люди, которые приписывают изменения в своем поведении внезапному или иному обращению к религии. Чем внезапнее перемена в их мировоззрении, тем большей опасности они подвергаются; ведь разрыв порочной связи, хотя и является необходимым шагом, - это еще не все, что требуется. В таком обществе, как наше, человек не может стоять в одиночестве. Он не может оставить свою компанию и привычные занятия и стать отшельником, живущим жизнью раннего христианина, отправленного в пустыню. Он должен оставаться в мире и прожить в нем свою жизнь. Его нужно не только отвратить от прежних занятий, но и обратить к лучшим занятиям. Он не может обходиться без компании. Он даже не может зарабатывать на жизнь в одиночку; и огромное преимущество новообращенного в нашем месте и времени - это уверенность в том, что его поддержат единомышленники. Они найдут для него работу и общение, и заполнят его время сполна; но только в том случае, если между ним и другими установится хорошее товарищество, он, скорее всего, останется непоколебимым. Товарищество, более глубокое, чем разделение общих теологических догм и общих эмоций, - единственная гарантия его реформации.

Для человека, чья жизнь прошла в убогом окружении, чья работа была монотонной и трудоемкой, а удовольствия - грубыми, чем эмоциональнее форма, в которой подается

религиозный призыв, тем больше шансов на успех. Он наполняется духом - иным духом, чем тот, что влиял на его поступки до сих пор, - но в результате испытывает волнение и возвышение, не уступающие тем, которые он испытывал в дни своего беззакония. Никто не может послушать новообращенного на углу улицы и не поразиться тому факту, что, хотя он подробно описывает и, возможно, превозносит ту неприятность, которой он был до своего возрождения, он так же возбужден и производит столько же шума, как и в те дни. В некоторых случаях его публичное поведение мало что меняет для его соседей, потому что он не тише, чем был; хотя, вместо того чтобы послать их в ад, как он делал в своем гневе, он теперь говорит им, что они туда идут. Конечно, в результате изменения его мировоззрения и для них, и для него самого произошли огромные перемены. Его поведение улучшилось, если не сказать, что его манера поведения; но за каждым периодом подъема может последовать депрессия, и в этом заключается опасность, которой подвергает его эмоциональность.

Лучший способ предотвратить возвращение человека к старым привычкам - это держать его слишком занятым формированием новых, чтобы у него было время обратить внимание на прошлое. Мы часто слышим, что дорога в ад вымощена хорошими намерениями, но так же верно и то, что дорога в рай может быть вымощена плохими. Если людей отвлекает от совершения добра, которое они задумали, что-то менее достойное, то им так же часто мешает совершить зло, которое они задумали, что-то, что вмешивается и заявляет о своих интересах. Религия, таким образом, может оказать очень сильное влияние на человека, начавшего новую линию поведения, и ее дух может вдохновить его продолжать идти по пути добра; но его упорство будет гораздо больше, чем он думает, зависеть от его приспособления к обществу религиозных людей и его интереса к их работе и их жизни. Любовь к добру почти так же мало удержит его от мира, плоти и дьявола, как любовь к злу сделает его преступником.

В большинстве своем люди злы не потому, что предпочитают зло добру, а потому, что попали под влияние злых ассоциаций, которые что-то в них затронули. Человек на углу улицы, который говорит о служении Богу, во всяком случае, логичен, когда говорит о том, что служил дьяволу; но в те старые плохие дни он вообще не думал о дьяволе. Он делал то, что доставляло ему удовольствие, совершенно не желая получить одобрение Князя тьмы. Только после своего обращения он обнаруживает, что всю жизнь служил сатане, не осознавая этого, и, конечно же, люди могут служить Богу, не осознавая этого факта. Человек может делать добро и жить хорошо, не думая ни о чем, кроме своего удовольствия от этого, так же как и жить нечестиво по той же причине. В обоих случаях общение с другими людьми имеет большое значение.

Существует только один метод исправления заключенного - это сочувственное руководство и помощь со стороны человека или людей, между которыми и ним есть общие интересы. Работодатель привлекает бывшего заключенного и показывает, что он действительно хочет, чтобы у него все было хорошо. Он не должен покровительствовать ему, но он должен каким-то образом внушить человеку, которому он помогает, мысль о том, что он верит в него. Он должен возродить в нем чувство самоуважения. Как это сделать? Удобной формулы не существует. Человек, чья манера поведения привлекает одних, может оттолкнуть других. Религия, которая наиболее сильно влияет на одних, не способна привлечь многих; и человек, который будет глух к одной форме призыва, может откликнуться на другую. Глупо полагать, что если наши попытки исправить человека не увенчались успехом, то он неисправим. Все, что мы можем сказать, - это то, что мы потерпели неудачу, потому что не занимались с ним подходящим для него образом. Иногда это старый знакомый или коллега по работе, который производит на него впечатление и вызывает новый интерес к жизни. Кто бы ни двигал его, и

как бы это ни было сделано, только новый интерес вытеснит старый. Не то, чему учат человека, а то, чему он учится, движет им.

ГЛАВА IX

АЛЬТЕРНАТИВЫ ТЮРЕМНОМУ ЗАКЛЮЧЕНИЮ

Что требуется - случай несовершеннолетних правонарушителей - применение штрафов - предотвращение пьянства - клубы - пробация правонарушителей - ее частичное применение - недостатки в ее применении - ложное положение пробатора - требуются опекуны - случай молодой девушки - довод о нехватке власти - пожилые и неимущие правонарушители - тюрьма и богадельня.

Если нынешние методы лечения в основном приводят к освобождению мужчин и женщин из тюрьмы в состоянии, которое затрудняет их нормальную жизнь - иногда даже более затруднительную, чем до того, как их туда отправили, - то из этого следует (1), что никого не следует отправлять в тюрьму, если есть другие средства защитить от него общество; и далее (2), что никого не следует освобождать из тюрьмы, если у общества нет гарантии, что оно не пострадает от него. Короче говоря, то, что происходит с заключенным в тюрьме, имеет второстепенное значение для общества. Первостепенное значение имеет то, что может произойти с ними, когда он выйдет на свободу. В первую очередь следует задуматься: Как обращаться с провинившимися людьми, чтобы не сделать им хуже и добиться того, чтобы они вели себя лучше? К сожалению, многие думают о том, как заставить виновного страдать. Один из эффектов карательного наказания - сделать тех, кто ему подвергается, менее здоровыми, физически или умственно, чем они были до его применения. Мы должны определиться, действительно ли мы хотим исправить преступника или нет, и если мы стремимся к его исправлению, то должны быть готовы выбросить за борт теории и практики, которые препятствуют достижению этой цели, независимо от того, являются ли они старыми или новыми.

Изучение отчетов тюремных комиссаров Шотландии натолкнет любого на мысль, что можно многое сделать для уменьшения числа заключенных в тюрьму. Согласно последнему опубликованному отчету (1910 год), в тюрьму было принято 46 466 заключенных. Поскольку некоторые из них попадали в тюрьму не один раз в течение года, число представленных лиц, вероятно, составляет около 23 000, и из них 9775 человек попали в тюрьму впервые. Срок их заключения варьировался от одного дня до двух лет. 39 036 человек были осуждены на месяц или меньше, из них 22 696 - на семь дней или меньше; 7949 из этого числа - на три дня или меньше. У этих людей не так много времени, чтобы освоиться в своей квартире до освобождения; а если бы и были средства, то нет ни времени, ни возможности тщательно изучить их нравы и образ жизни, чтобы помочь им.

Что касается характера их правонарушений, то 14 644 человека были осуждены за нарушение спокойствия, беспорядки и т. д.; 12 274 - за пьянство; 1982 - за непристойные

выражения и т. д.; и почти все эти правонарушения подразумевают пьянство. Где они брали выпивку? Очевидно, не в публичных домах, поскольку из таблиц не видно, чтобы кто-то был отправлен в тюрьму за нарушение свидетельства. Если бы источник снабжения можно было обнаружить и перекрыть, или, во всяком случае, сделать его менее свободным, кажется очевидным, что количество заключенных было бы гораздо меньше. Но есть ли какая-нибудь хорошая цель в том, чтобы отправлять людей в тюрьму на несколько дней? Правда, улицы от них избавляются, но те, кто привык, выходят на улицу просто оживленными после отдыха и как никогда увлеченными выпивкой. Я говорю "привычные", потому что раз за разом они возвращаются с приговорами на два, три, пять или семь дней. Что касается случайных нарушителей, то гораздо лучше отпустить их, когда они не могут заплатить штраф, чем отправлять в тюрьму, лишая их работы и приводя в дурную компанию. В 1909 году более 40 000 человек были отправлены в тюрьму за неуплату штрафа. Время уплаты штрафов идет на пользу многим, но есть и те, кто слишком беден, чтобы помочь им. В настоящее время штраф налагается в качестве альтернативы тюремному заключению; и поскольку общество уверено в поведении преступника только в течение стольких дней, положительная финансовая и иная выгода будет заключаться в том, что он будет находиться под стражей вне тюрьмы. В настоящее время, если штраф не выплачивается, абсурдное положение дел таково: человек, оштрафованный, скажем, на двадцать шиллингов или двадцать дней, может исчезнуть и не выплатить штраф в отведенный ему срок; через три месяца после этого его могут найти, арестовать и отправить в тюрьму за эту неуплату". Приговор суда сводился к следующему: если он заплатит двадцать шиллингов, то будет волен делать все, что ему заблагорассудится, но если не заплатит, то будет ограничен в свободе на двадцать дней за государственный счет; в течение этого времени они должны быть защищены от проступков с его стороны. Он вел себя в течение трех раз больше этого срока без каких-либо затрат для общества; почему же тогда его гостеприимство должно быть вынужденным? Пока люди будут вести себя хорошо за пределами тюрьмы, нет смысла отправлять их внутрь. Выяснить, будут ли они вести себя хорошо, можно только после более тщательного и разностороннего расследования, чем проводилось до сих пор в каждом случае.

Мелкие правонарушения составляют подавляющее большинство наших преступлений, и пьянство является одним из элементов большинства дел. Если человек не будет пить сверх меры, он не станет пьяным. Лица и помещения лицензируются для удобства публики, и не для удобства публики следует позволять кому-либо иметь практически неограниченный запас спиртного. Одна из бед человека, который принимает алкоголь, заключается в том, что он не в состоянии оценить свое состояние, и ему свойственно воображать, что он гораздо трезвее, чем есть на самом деле. Ни один уважаемый человек не хочет, чтобы люди напивались; но он хочет зарабатывать деньги на своем бизнесе, и за определенными пределами он не может быть более щепетильным, чем его соседи. Иногда очень трудно сказать, когда человек пьян, но легко определить, когда он не трезв, и он не имеет права на преимущество любого сомнения, которое может существовать. Дело продавца - отказать в выпивке человеку, который, очевидно, выпил столько, сколько ему полезно. Он может совершать ошибки, но они будут правильными, если ему придется за них платить.

Само стремление предотвратить чрезмерное снабжение людей выпивкой привело к тому, что закон, касающийся снабжения выпивкой лиц, находящихся в состоянии опьянения, стал чем-то вроде мертвой буквы. Я знаю человека, осужденного полицейским судом за то, что он был пьян и недееспособен, и хотя было доказано, что он покинул публичный дом в таком состоянии после того, как выпил там несколько напитков, когда владелец публичного дома был доставлен в тот же суд в последующий день, чтобы ответить на обвинение в нарушении сертификата в отношении того, что он подал напиток человеку, который был пьян, обвинение

было признано недоказанным. Штраф за такое нарушение сертификата был бы не так велик, как расходы на защиту обвинения; но обвинительный приговор привел бы к аннулированию лицензии, а мог бы стать причиной ее отзыва. А поскольку от лицензии зависели средства к существованию человека, это практически означало смертный приговор. В таких случаях мировые судьи крайне неохотно выносят обвинительные приговоры, и, как следствие, обвинения предъявляются редко.

Если бы наказание, вынесенное в полицейском суде, не приводило к более серьезному наказанию, налагаемому судом по лицензированию, было бы меньше трудностей в борьбе с владельцами лицензий; а для того чтобы предотвратить пьянство, с ними необходимо бороться. Конечно, человек может напиться в частном доме или в клубе; если усложнить его пребывание в состоянии опьянения в публичном доме, это не предотвратит этого; но даже в этом случае это поможет оградить улицы от беспорядков; и если человек выпивает больше, чем может унести, то для его собственного здоровья и для общественного удобства будет лучше, если он будет делать это в уединении. В последние годы было много жалоб на клубы, и то, что некоторые из них являются отвратительными местами, не вызывает сомнений. Приведенные в суде свидетельства о том, как велась работа в этих неприглядных заведениях, достаточно ясно показывают их характер, а в худших случаях сам факт наличия таких свидетельств в распоряжении властей является серьезным свидетельством их компетентности в пресечении беспорядков. В некоторых случаях клубы были не лучше воровских притонов, куда заманивали полупьяных людей, чтобы их ограбили люди, чей характер был хорошо известен полиции. Нападения на них мало что дают, но предупреждение тех, кто может туда войти, может дать много пользы. Люди в форме, поставленные у дверей, будут служить знаком, предупреждающим неосторожных. Плут наживается на дураке. Предупредите его добычу, и он умрет с голоду.

Если в результате просадки грунта или по другой причине на улице образовалась яма, в которую человек может провалиться и сломать ногу, это место огораживают баррикадами и ставят там сторожа, чтобы предупредить неосторожных. Никому не придет в голову оставить ловушку открытой, даже если для вывоза пострадавших будет организована достаточная служба скорой помощи. Когда обнаруживается место, которое, как известно, является ловушкой для глупцов, по тому же принципу может быть выгодно предупредить тех, кто туда попадет, а не ждать, пока они понесут убытки, а затем попытаться схватить и осудить тех, кто их обокрал. Есть больше способов закрыть клуб, который плохо себя ведет, чем лишить его лицензии; но, как уже было сказано, большинство пьянства, которое позорит наши улицы, не является результатом употребления напитков ни в частных домах, ни в клубах, несмотря на то, что представители торговли могут утверждать обратное. Негодование против клубов со стороны продавцов спиртного вызвано не рвением к умеренности, а ревностью к собственной монополии. Они считают, что люди не должны пить, если им не разрешат получать прибыль от этого процесса; и именно вопрос прибыли лежит в основе любого эффективного решения этого вопроса.

Наши попытки наказать пьяниц часто выглядят смехотворно. Не так уж нелепо было бы пытаться наказать тех, кто наживается на пьянице. Он терпит убытки, мы терпим убытки, кто-то наживается. Мы наказываем его; мы наказываем себя; никто из нас не получает никакой выгоды. Здесь, несомненно, что-то не так. Тем, кто не способен позаботиться о себе или ведет себя беспорядочно в нетрезвом виде, когда их забирает под стражу полиция, вполне можно разрешить отправиться домой, когда они протрезвеют, если только их поведение не становится привычкой; в этом случае необходимо рассмотреть другой способ борьбы с ними. Позор ареста будет столь же эффективен для любого человека с чувством стыда, как и

разбирательство у мирового судьи. Когда на такого нарушителя налагается штраф - плата за причиненные им неприятности, - всегда должно быть предоставлено время для его уплаты. В тюрьме человек никогда не заработает денег, чтобы оплатить расходы на судебное преследование, но если ему разрешить заниматься своим делом, он сможет это сделать. Даже если он сможет зарабатывать на жизнь, не выплачивая штраф, ведя себя при этом прилично, он сделает больше, чем мог бы сделать в тюрьме.

В последние годы наметилась тенденция решать проблемы лиц, впервые предстающих перед судом, даже если обвинение считается серьезным, иным способом, чем отправка в тюрьму. Они проходят испытательный срок, и если за это время против них ничего не известно, их освобождают. Правильно организованный испытательный срок в подавляющем большинстве случаев решает проблему лечения. Каким бы несовершеннолетним ни был применяемый в настоящее время метод, многим он помог, так как благодаря ему они избежали тюремного заключения. Чаще всего он применяется в отношении тех, кто совершил преступления против собственности; но если бы принцип, на котором он может быть оправдан, - принцип замены наказания исправлением - был бы разумно признан, он применялся бы во всех случаях, независимо от вида преступления; при условии, что преступник рассматривался бы как подходящий объект с учетом его истории и характера. В настоящее время преступление, а не преступник, определяет наказание; и вероятность того, что человек, совершивший мелкое правонарушение, будет назначен на испытательный срок, выше, чем если бы в глазах закона совершенное им преступление рассматривалось более серьезно.

В народе этот процесс называют предоставлением преступнику еще одного шанса. Это вольное выражение, которое может означать что угодно. Иногда это означает дать ему еще один шанс совершить преступление, и не более того. Он предназначен для того, чтобы дать ему еще один шанс вести себя хорошо; при этом предполагается, что у него уже был такой шанс; такое предположение не всегда оправдано, если принять во внимание факты. Очевидно, что обществу не выгодно, чтобы у преступника был шанс снова совершить нарушение закона; и если его освобождают из-под стражи, то разумно было бы позаботиться о том, чтобы он был помещен в такие условия, при которых ему было бы легче подчиняться, чем нарушать закон. Условное осуждение не должно означать возвращение его в те условия, в которых он не смог противостоять искушению. Скорее, это должно означать помещение его в менее неблагоприятные условия жизни. На деле все сводится к тому, что преступнику, вместо того чтобы быть приговоренным к тюремному заключению, предписывается явиться в суд через столько-то месяцев, чтобы его дело было рассмотрено, и ему разрешается находиться на свободе при условии, что он согласится жить в определенных условиях, предписанных судом; о его поведении должен отчитываться сотрудник службы пробации, в обязанности которого входит предоставление ему такого совета и помощи, которые возможны без затрат для бюджета.

Надзиратель может быть сотрудником полиции; не обязательно полицейским, но под контролем полиции. Если в Глазго и других городских районах на западе Шотландии и есть что-то более очевидное, чем другое, так это то, что бедные слои населения с подозрением относятся к полиции и механизмам закона, которые маскируются под правосудие - ведь это бурлеск правосудия, когда рассматривается только одна сторона дела; решать, насколько человек виноват в нарушении законов общества, не выясняя, насколько общество виновато в побуждении к правонарушению; и это чувствуют, если это не выражено явно, все, кто может совершить правонарушение. Молчаливый заговор против служителей закона очевиден не только в случае с беднейшими классами, но и со всеми классами, когда они

вступают с ним в конфликт. Старый римский отец, принесший своего сына в жертву законам, которым нас просили восхищаться за его героизм, когда мы учились в школе, - явление не частое. Он оставил мало потомков, и это, наверное, хорошо. Теперь отец старается оградить сына, сестра придает поведению брата наилучший вид, а соседи скорее потворствуют вине преступника, чем разоблачают его проступки. Они чувствуют неправильность наших методов, когда близко с ними соприкасаются, и повинуются своим инстинктам и чувствам; вот и все. Они видят, что это неправильно, что это глупо - вмешиваться в человека, чтобы сделать ему хуже, неважно под каким предлогом, когда они знают этого человека; хотя они с готовностью признают, что вы должны наказать преступника, которого они не знают. Таким образом, офицер по надзору за условно осужденными может быть введен в заблуждение, составив неверный отчет о подопечном, когда тот ведет себя практически так же, как и до первого ареста, а условия, в которых он живет, не претерпели существенных изменений. У офицера по надзору за условно-досрочным освобождением много работы: ему приходится ежедневно посещать и отчитываться о состоянии дел. Эти люди географически удалены друг от друга, и он просто выполняет обязанности инспектора; и он не может уделить отдельным людям то внимание, которого могут потребовать их дела для улучшения их состояния.

Перед тем как выпустить заключенного из отделения для умалишенных, власти следят за тем, чтобы за его пределами был назначен опекун. Условия, на которых ему разрешается находиться на свободе, четко оговорены, и опекун наделен такой же властью над ним снаружи, какой обладали служители, когда он находился внутри. Если он нарушает какие-либо условия, опекун может сообщить о его проступке, и тогда он будет возвращен в стены отделения. То же самое может произойти, если на его поведение пожалуются соседи или сослуживцы. Через определенные промежутки времени его должен посещать какой-либо гражданин с известным характером и честностью, который обязан подтвердить, что пациент может быть освобожден; в неожиданное время медицинский работник из департамента может вызвать его, его опекуна и других лиц, чтобы обеспечить разумную безопасность для общества.

Говорят, что в этих случаях слишком много суесть, но я сомневаюсь в этом. Общественная безопасность стоит на первом месте, и редко кто из заключенных, освобожденных таким образом, жаловался. Его не освобождают и не оставляют возвращаться к тем ассоциациям, на которые он плохо реагировал в прошлом. Его не оставляют бороться за существование и, возможно, падать в борьбе. Его ставят в условия, в которых ему легче делать хорошо, чем делать плохо; а если он не хочет подчиняться, его бунт пресекается в самом начале.

В обязанности его опекунов и посетителей входит не только поиск признаков его дурных наклонностей. Они должны помогать ему поступать хорошо. Обычно такие опекуны - это люди, которые по каким-то причинам проявляют дружеский интерес к человеку, о котором они заботятся. Им не платят за их работу - хотя при необходимости они должны платить, поскольку содержание человека на улице обходится дешевле, чем содержание его в психушке, и лучше платить людям, которые лично заинтересованы в том, чтобы их подопечный был под их опекой, чем тем, кто имеет лишь официальный интерес к тем, с кем они имеют дело.

Сравните такое положение дел с условным осуждением в его нынешнем виде. В одном случае опекун тщательно отбирается и не назначается, каким бы желающим он ни был, если нет оснований полагать, что он также способен действовать. В другом случае предполагается, что опекуны, не справившиеся с надзором за преступником, смогут сделать это лучше, когда преступник предстанет перед мировым судьей. В обоих случаях существуют

официальные визиты к заключенному, освобожденному по лицензии, а в случае с преступником, находящимся на испытательном сроке, эти визиты более частые.

Насколько это возможно, офицер старается помочь провинившемуся; но если у него много подопечных, то при всем желании он не сможет сделать больше, чем немного для каждого. Во многих случаях этого немного оказывается достаточно; и, как бы несовершенна ни была практика системы probation, она оправдала себя определенным успехом. В тех случаях, когда она терпела неудачу, условия были такого характера, что преступник был морально не в состоянии им соответствовать. Я не предполагаю, что условия сами по себе были неразумными, или что требуемый стандарт поведения был слишком высок, если судить по потребностям общества, но только то, что требования, предъявляемые к преступнику, были выше, чем его обстоятельства позволяли ему соответствовать.

Х 32 была девушкой в возрасте до пятнадцати лет, довольно крупной для своих лет, если судить по стандартам района, в котором она воспитывалась. Она работала посыльной и воровала деньги у своих работодателей. В общей сложности она присвоила значительную сумму, прежде чем ее вычислили. Она была осуждена условно, нарушила свои обязательства и была отправлена в исправительное учреждение. В связи с ее поведением возникают два вопроса. (1) Почему она украла? и (2) Почему она нарушила свои обязательства? Что касается первого вопроса, то ответ был вполне очевиден. Ей нужны были мелочи, которые она не могла получить, и она взяла деньги, чтобы их получить. Ее расточительство не осталось незамеченным, и оно усилилось. Так, однажды она потратила такую большую сумму денег на угощение школьных друзей, что трудно понять, почему торговец, выполнявший ее заказ, вообще сделал это, видя, что она из себя представляет. Для молодых людей это одна из самых распространенных вещей - угощаться тем, что им не принадлежит. Это редко считается воровством, разве что они берут деньги или товар на продажу; но нечестное присвоение имущества настолько распространено, причем не как постоянная практика, а как случай в жизни молодых людей, что я сомневаюсь, что кто-то из тех, кто читает эту статью, не был виновен в этом в то или иное время в своей жизни. Об этом слишком часто забывают, и если бы об этом помнили, как должно быть, с детьми обращались бы более разумно, чем это делалось до сих пор.

Девочка, о которой идет речь, была старшей дочерью уважаемых рабочих людей. Ее поведение шокировало их, но они были не в силах руководить ею, так как днем ее отец был на работе, а матери приходилось заниматься домашним хозяйством и заботиться о младших детях. Девочку отправили обратно на испытательный срок в этот дом; respectable дом, но дом, где, по природе вещей, она не могла получить заботу и руководство, в которых нуждалась, развив в себе эту склонность; и она нарушила свои узы просто потому, что ее поместили в условия, где не было разумной вероятности того, что она их сохранит. Поэтому ее отправили в исправительное учреждение, что обошлось обществу гораздо дороже, чем если бы ее с согласия родителей отдали на попечение какому-нибудь уважаемому человеку в деревне, где она могла бы освободиться от общества, которое оказалось для нее неподходящим.

Деньги могут быть получены по каналам, предусмотренным парламентом, для помещения людей в исправительные и другие учреждения, в то время как в законах не предусмотрено расходование средств таким образом, как это предлагается. Соответственно, причина, по которой не делаются вещи, которые, очевидно, могли бы быть сделаны с выгодой, заключается в том, что в руках чиновников нет полномочий, позволяющих им действовать так, как предлагается. Если это и является оправданием бездействия, то не везде. Если родители ребенка готовы отказаться от своих прав опекунов при наличии оснований и

позволить передать провинившегося подростка под контроль какого-либо подходящего лица, все необходимые полномочия находятся в руках судьи.

Признано, что родители, какими бы респектабельными они ни были, не могут уделять своим детям столько внимания, сколько им может потребоваться, если они заболеют определенными болезнями; и редко возникают трудности с тем, чтобы убедить их отдать больного ребенка в лазарет для лечения. Напротив, желающих лечить своих детей больше, чем можно вместить. За неимением лучшего термина, то, что мы можем назвать нравственным недугом молодого человека, может с такой же готовностью бросить вызов ресурсам родителей, как и любой физический недуг; и есть много родителей, которые признают этот факт и были бы рады помощи; но вместо того, чтобы помочь им, мы довольствуемся тем, что ждем, пока преступнику станет хуже, а затем освобождаем родителя от всякого чувства ответственности и делаем его положение более болезненным, чем оно должно быть, помещая преступника в одно из наших учреждений. Мы можем надеяться, что наши действия принесут пользу, но эта надежда не основана на опыте.

Нет такого закона, который мешал бы обществу оказывать помощь нуждающимся среди своего населения, хотя для этого могут и не выделяться средства. Как бы ни обстояли дела в других местах, в Глазго нехватка денег не является причиной того, что дела не делаются. У нас есть большой фонд под названием "Общее благо корпорации". В последние годы он раздулся за счет прибыли от городских трамваев настолько, что бонус под названием снижение тарифов, составляющий около 40 000 фунтов стерлингов за один год, был разделен между плательщиками. Из этого же фонда устраиваются банкеты, оплачиваются приемы, вручаются медали магистратам и оплачиваются всевозможные расходы, на которые нет полномочий. Относительно небольшая сумма выделяется в помощь научным и благотворительным организациям, и около 500 фунтов стерлингов направляется на помощь освобожденным заключенным. Если можно получить деньги на оплату еды, напитков и сигар для тех, кто вполне в состоянии оплатить их самостоятельно, и это без какого-либо специального акта парламента, то, несомненно, их можно получить и на предотвращение ожесточения преступников в их преступлениях и на помощь тем, кто готов взять на себя труд направлять и обучать их правильному образу жизни. Несомненно, деньги найдутся, когда будет осознано, что для города не менее важно, чтобы люди не попадали в тюрьму и получали помощь, чем то, что выдающиеся и знатные горожане должны время от времени лечиться за счет средств корпорации.

Невозможно сказать, скольким людям можно было бы помочь таким образом, но, насколько можно судить, значительная часть тех, с кем приходится иметь дело, могла бы получить такую помощь при сравнительно небольших затратах. Однако независимо от того, велико или мало это число, следует четко понимать, что, если деньги есть, если им не помогают, то это происходит не из-за отсутствия власти или средств, а по какой-то другой причине. Есть много вещей, которые закон не предписывает корпорации; но есть и много других, достойных, которые он не запрещает делать тем, кто хочет; и если нашим чиновникам внушить, что они ничего не должны делать для помощи тем, кто нуждается в ней, пока не получат закон парламента, разрешающий им это делать, то не стоит удивляться, что темпы нашего прогресса замедлены. Безопасное правило - делать то, что нужно делать, пока не существует положительного запрета на это. Это, несомненно, доставит неприятности человеку, который следует такому курсу действий; но я не верю, что любой государственный чиновник, действующий по этому принципу, не получит общественной поддержки и поощрения, пока он стремится помочь людям помочь самим себе, как бы ни относились к его действиям люди, наделенные властью.

Мы слишком сильно связаны прецедентами. Правильные действия иногда сдерживаются тем, что предлагаемые вещи никогда не делались раньше. Конечно, это не причина для того, чтобы не делать этого сейчас; но в слишком многих случаях она заменяет собой причину.

Предложения по борьбе с закоренелыми преступниками вызывают больший интерес, чем все остальные, хотя никто не является закоренелым преступником изначально.

Предполагается, что - это опасный человек. Он - профессиональный грабитель, злодей произведения. Но привычные преступники - не все великие преступники. Есть те, кто живет воровством, став более или менее опытным в этом деле; но есть много преступников, которые, став беспечными и пьяными, или будучи физически или умственно немного ниже обычного стандарта своего класса, неспособны удержаться на работе, даже если они ее получают. Они скорее досаждают, чем представляют опасность для своих сограждан. Этой армией обездоленных должны заниматься органы по борьбе с безработицей. По отдельности их нетрудно контролировать и направлять, и было бы дешевле и выгоднее расселить их по стране, чем позволить им сбиваться в стаи в городах, не добиваясь успеха ни в честной, ни в нечестной работе и служа орудием и подставными лицами для более искусных мошенников.

Самые беспомощные среди них - старики и немощные, некоторые из них погрузились в воду лишь в конце жизни, и все они совершенно не в состоянии выбраться из трясины, в которую попали. Теперь они находятся в тюрьме, теперь - в богадельне. Когда им удастся избежать любого из этих учреждений, они живут в ночлежках или на улицах, где их страдания являются позором для нашей цивилизации. Они не интересны, они только отвратительны; и было предложено запереть их в богадельне, потому что они слишком часто выходят и выходят.

И все же с их точки зрения можно было бы чему-то научиться. Их отправляют в тюрьму, потому что они совершают мелкие правонарушения. Они совершенно не приспособлены к соблюдению правил этого учреждения, и пребывание в нем не улучшает их положение. В течение нескольких дней их не выпускают на улицу, но никто не утверждает, что это нельзя сделать более эффективно и с меньшими затратами. Если они предпочитают тюрьму богадельне, как иногда утверждают, то они не предпочитают тюрьму тому жалкому и бессистемному существованию, которое они влачат на свободе; и на самом деле, когда погода становится неожиданно суровой или их недуги усиливаются, они обращаются именно в приход, а не в полицию. Они надеются, что их отправят в больницу. Когда они достаточно выздоравливают, то снова выходят на улицу. Разве это не позволяет предположить, что с богадельней что-то не так? Можно ли предположить, что, испытав все горечи и лишения из-за своей бедности и нищеты, зная, что их ждет голод, грубое обращение и воздействие, они предпочитают терпеть все это, а не уповать на нежное милосердие, официально оказываемое им, и что они делают это из чистого пофигизма? Со своей стороны, я не верю, что они такие уж глупцы. Если они предпочитают добывать себе пропитание, зная о трудностях этого, а не жить в богадельне, то лишь потому, что, взвесив все преимущества и недостатки, они пришли к выводу, что все, что угодно, для них лучше, чем жизнь в этом славном учреждении. Для любого, кто там жил, нет никаких оснований удивляться, что они пришли к такому выводу.

В тюрьме у человека может быть слишком много личного пространства. В богадельне его нет вообще. Заключение, которых не объединяет ничего, кроме несчастья, бедности и нищеты, размещены вместе и живут барачной жизнью. Делается попытка классифицировать их, как будто можно отсортировать людей, не зная их темперамента и вкусов, по их послужному списку, который они предоставляют инспектору. По нашему собственному опыту, люди сами

себя сортируют. В любой церкви или клубе собираются люди одного возраста и одинаково хорошего характера. Все они могут быть вежливы друг с другом, если встречаются время от времени, но стоит полудюжине из них пожить вместе, не получая никакого облегчения от общения друг с другом, и через неделю начнется бунт.

В богадельне заключенные вынуждены терпеть друг друга на протяжении всего времени пребывания в ней. Некоторые из них бунтуют и покидают это место, хотя знают, что на улице им будет гораздо комфортнее. У них хотя бы есть возможность сменить дискомфорт. Конечно, деньги, потраченные на их преследование и содержание, принесли бы больше пользы, если бы их разместили в комфортабельных помещениях, где в течение нескольких оставшихся лет их паломничества они могли бы подышать свежим воздухом и пошевелиться. Сама их слабость делает их содержание менее трудным, и нет никакой пользы ни для них, ни для нас в том, чтобы делать его более тяжелым, чем это необходимо. Если нам возразят, что такое отношение к ним будет лучше, чем к "достойным беднякам", это лишь напомним нам о том, как постыдно мы пренебрегаем теми, кому даем это название. Заслуживающие внимания бедняки" - это бедняки, которые не жалуются; и пока они не жалуются, их заслугами можно пренебречь, даже когда они приводятся в качестве упрека тем, чье поведение вызвало наше осуждение.

ГЛАВА X

ЛУЧШИЙ ПУТЬ

Преступник, который стал безрассудным - если его не убить, он должен содержаться - неудача учреждения - помещение в интернат - в настоящее время их помещают в интернат после освобождения, но без надзора - опекуны могут быть найдены, когда их ищут - результат помещения детей в интернат - помещенные в интернат безумцы - безусловное освобождение не удалось - безусловное освобождение с соответствующим обеспечением не было опробовано - нет системы обращения с людьми, а только метод - нет необходимости в формировании привычного преступника - единственный принцип в педологии.

Если бы в наших судах первой инстанции проводились более тщательные расследования и больше внимания уделялось нуждам рассматриваемых дел; если бы о престарелых и неимущих заботились и предотвращали их правонарушения; если бы несовершеннолетние правонарушители освобождались либо под обещание хорошо себя вести, либо под обещание их друзей; если бы люди проходили испытательный срок на условиях, дающих им благоприятный шанс соблюдать законы, все равно нашлось бы немало тех, к кому такое обращение не могло бы быть применено.

Есть люди, которые не могут находиться на свободе. Они настолько безразличны к собственным интересам и интересам других людей, что, когда их не контролируют, они становятся опасными. Некоторые из них безумны, и ими должны заниматься органы опеки. Другие, потакавая своему нраву, находятся на пути к помешательству, но их психическая

неуравновешенность не настолько выражена, чтобы заставить специалистов по помешательству освидетельствовать их. Но это не причина, почему их нельзя признать. В настоящее время они более или менее безнаказанно досаждают окружающим, пока не достигнут идеального стандарта безумия, а в процессе получения диплома наносят визиты в тюрьму. Нет причин, по которым с ними нельзя было бы бороться с самого начала. Есть только прецедент, который заменяет разум.

Они не могут находиться на свободе без надзора, потому что не способны к самоконтролю; но многих из них можно приучить к этой привычке. В настоящее время им позволяют некоторое время побегать на свободе, а затем сурово умирят. В их жизни чередуются периоды буйства и подавления, и их природная неуравновешенность усиливается. Если бы они знали, что период буйства точно закончился - что им больше не позволят делать то, что им нравится, если это подразумевает вред для других, - они бы взялись за контроль над нравом, который грозит окончательно подчинить их себе.

Они хвастаются тем, что могут выдержать наши наказания и даже приглашают их; их можно было бы с такой же легкостью приучить к нашим наградам, если бы мы могли их предложить. Они могут быть жестокими, и иногда так и происходит, хотя жестокость уже не является общей чертой заключенных в тюрьме; но из этого не следует, что, какими бы плохими ни казались некоторые из них, они неисправимы. Их поведение и репутация затрудняют установление над ними опеки. Что же с ними делать? Если их освободить в любой момент, они станут угрозой для безопасности и комфорта горожан. Именно потому, что некоторые авторы признают это, они предлагают смертельную камеру в качестве подходящего места для них. Предлагать массовое убийство других людей, кроме как во имя войны, - это смело, и если бы существовала хоть какая-то опасность того, что это предложение будет принято, то вряд ли оно было бы сделано. Оно призвано шокировать нас, и ему не удастся этого сделать, потому что мы думаем, что знаем, что оно не выдержит обсуждения. На самом деле, в настоящее время мы разрушаем жизнь этих людей другим способом. Вместо того чтобы излечить их от дурных наклонностей, мы еще больше извращаем их и убиваем в них всякое чувство общественного духа так же эффективно, как если бы мы их задушили. Если бы их поместили в камеру со смертельным исходом, это был бы конец для них. А так мы вынуждены отделять уважаемых граждан, но не для того, чтобы сделать их лучше, а просто для того, чтобы наблюдать за ними, как они отмечают время, прежде чем начать новый период беспорядков.

Если их не убивать, их нужно держать. Мы уже прошли этап убийств. Пришло время перейти к более рациональному способу их содержания. Либо они должны когда-нибудь выйти на свободу, либо их нужно держать в тюрьме до самой смерти. В последнем случае нам не нужно беспокоиться о них, кроме как следить за тем, чтобы с ними не обращались жестоко и чтобы те, кто над ними надзирает, не развивали в той или иной степени качества, осуждаемые в заключенных; но если им придется выйти на свободу, мы должны позаботиться о том, чтобы они не оказались на свободе в состоянии, которое делает их менее способными соответствовать нашим законам, чем они были, когда мы взяли их в руки. В противном случае все, что мы получили от их заключения, - это привилегию содержать их за наш счет.

Поскольку все учреждения объединяет то, что чем дольше человек живет в них, тем меньше он приспособлен к жизни на воле, из этого следует, что чем меньше времени заключенный оторван от обычной жизни в обществе, тем меньше шансов, что у него выработаются привычки, которые будут бесполезны для него по возвращении. Система, когда людей закрывают в тюрьме на более или менее длительные сроки, а затем выпускают на свободу

без надзора и без обеспечения достойной жизни на воле, совершенно неоправданна и на практике потерпела полный крах.

Тюрьма должна быть лишь местом заключения, куда помещают правонарушителей до тех пор, пока не будет обеспечен надлежащий надзор за ними и средства к существованию в обществе. Если бы это было признано, существующие учреждения были бы преобразованы. Тех, кто своими действиями отказывается подчиняться законам общества и жить в нем без опасности для своих соседей, как и сейчас, будут сажать в тюрьму; но их будут выпускать только под обещание оставаться на испытательном сроке под надзором какого-то человека или людей, пока они не убедят не чиновника учреждения, а общественное мнение района, в котором они находятся, что ограничения, наложенные на их свободу, могут быть безопасно сняты. Тюрьма, в которую их поместят, будет не исправительным учреждением, где можно проводить всевозможные бесполезные эксперименты, а просто местом заключения, где каждый из них должен будет следить за собой, пока не решится принять большую степень свободы, подразумеваемую в жизни на свободе. Дверь камеры открывалась, чтобы выпустить его, когда он придет к такому выводу; но она не открывалась, чтобы выпустить его, как сейчас, поиграть с полицией в зайцев и гончих. Как в случае с молодым преступником, так и со стариком, единственная безопасность для граждан и единственный шанс на исправление преступника заключается в том, что его помещают на пансион под надлежащую опеку и попечительство в обществе. Правильный опекун для одного человека не будет правильным для другого. В настоящее время один и тот же набор опекунов - тюремные служащие - присматривают за всеми видами провинившихся людей.

Первое возражение, на которое наталкиваются подобные предложения, заключается в том, что это невозможно сделать. Есть много людей, которые используют это выражение, когда на самом деле они имеют в виду, что не могут этого сделать. В этом есть разница. Преступников не только можно высадить, но и всегда высаживали. Всякий раз, когда человек выходит из тюрьмы, ему приходится выходить на свободу. Я не предлагаю выпускать на волю еще больше преступников, чем сейчас. Более того, я вообще не предлагаю выпускать никого из них на свободу, а просто сделать для них, в их собственных интересах и интересах их соседей, то, что они делают для себя, к большому ущербу для всех нас. Если кто-то из них исправляется, то это происходит только одним способом: либо за ним наблюдают друзья, которых привела к нему религия, либо работодатель проявляет к нему интерес, либо товарищ по работе оказывает ему помощь, либо какая-то дружеская рука направляет его. Ни в коем случае мы не даем опекуну никакого контроля над ним; ни в коем случае мы не платим опекуну за потраченное время и работу. Я предлагаю передать полномочия и жалование, которые в настоящее время предоставляются официальным лицам в тюрьмах, неофициальным лицам вне тюрем; в разумной надежде, что деньги будут расходоваться лучше, и в полной уверенности, что результаты не будут хуже.

Где можно найти опекунов? Их можно найти во всех уголках страны, если поискать. Это нельзя сделать оптом. Я не предлагаю опустошить тюрьмы за один день. Я лишь указываю на цель, к которой следует стремиться, и призываю к эффективному вмешательству вместо нынешнего неэффективного. Говоря иначе, неужели нет случаев, в которых можно было бы применить эту процедуру? Их много; нет таких случаев, в которых она не могла бы быть принята, если бы за ней присматривали опекуны, но это требует времени. Было бы глупо, даже если бы это было возможно, ждать, пока вы сможете вылечить каждого преступника, прежде чем лечить любого. Разумнее сразу начать и лечить таким образом как можно больше людей. Речь не идет о том, чтобы найти столько-то тысяч человек, которые будут присматривать за столькими-то тысячами; речь идет лишь о том, чтобы найти одного

человека, который будет направлять и контролировать другого человека, а люди в округе будут критиками и судьями его успеха.

Когда-то в этой части Шотландии дети нищих и преступников, а также сироты бедняков в большом количестве воспитывались в богадельнях. Они приобретали общие черты характера, которые отличали их от посторонних детей. Когда они выходили из детского возраста и отправлялись в мир, чтобы работать и жить, многие из них тяготели обратно в приют или тюрьму. Кому-то пришло в голову, что этим детям нужны нормальные родители; и одного из них отдали на воспитание в семью здесь, другого - в семью там, что обошлось приходу дешевле, чем содержание их в богадельне. Тысячи детей в течение последнего поколения были отданы на пансион таким образом, к их огромной выгоде во всех отношениях; и их последующее поведение было таким же хорошим - они были такими же порядочными и законопослушными гражданами - как и дети любого другого класса в обществе. Это моральное и социальное преимущество было достигнуто с меньшими финансовыми затратами, чем при воспитании в детских учреждениях. Говорили, что воспитанники детских домов страдают от клейма нищих, но ребенок, живущий в пансионе, в равной степени является нищим, поскольку его содержат по тарифам. Дело в том, что клеймо, от которого страдал ребенок из богадельни, было не клеймом нищенства, а клеймом институционализма.

Когда общественное сознание всколыхнулось по поводу обращения с умалишенными, были возведены огромные здания и созданы роскошные условия для содержания умалишенных. В эти места отправляли на лечение тысячи людей. Со временем выяснилось, что во многих случаях их второе состояние было хуже первого. Их лучше размещали, лучше кормили, лучше одевали, за ними лучше ухаживали; они были защищены от жестокости злых людей и пренебрежения легкомысленных; но они приобретали дурные привычки друг от друга и заражали своими пороками некоторых из своих сопровождающих. То тут, то там находились подходящие опекуны то для одного, то для другого, чье безумие не было такого рода, чтобы в интересах общества было необходимо поместить их в учреждение; и теперь в Шотландии от пяти до шести тысяч человек находятся на пансионе. Никто не отрицает, что в некоторых случаях совершаются ошибки; но таких случаев немного, и в целом это принесло огромную пользу всем заинтересованным лицам.

Стало очевидно, что не только воспитанники учреждений приобретают особенности, которые отличают их от людей, живущих вне их, но и чиновники, живущие в этих местах, также склонны к эксцентричности, и есть предложения, направленные на предотвращение их проживания; идея заключается в том, что чем больше они будут соприкасаться с жизнью вне их, тем меньше они будут сужены в своих взглядах и привычках, и тем лучше они смогут выполнять свою работу таким образом, чтобы понравиться обществу, которому они служат.

Если можно найти людей, готовых за вознаграждение взять на себя опеку над сумасшедшими и выполнять свои обязанности к удовлетворению общества, то небезосновательно полагать, что на подходящих условиях можно найти опекунов для людей, которые преступили законы и от которых нельзя ожидать, что они воздержатся от преступлений, если вернуться в среду, которая способствовала их проступкам. Можно предположить, что преступник обладает большим чувством ответственности, чем безумный человек, и более способен рационально оценивать свое положение. В любом случае, никогда не следует забывать, что для общества есть только два пути, если только мы не готовы убить преступников или заточить их на всю жизнь. Они должны быть либо освобождены, как сейчас, без обеспечения их благосостояния и без гарантий их хорошего

поведения, даже если бы такие возможности были предоставлены; либо они должны быть освобождены при условии, что они останутся под определенным надзором и опекой.

Безусловное освобождение заканчивается катастрофой для всех заинтересованных сторон. Условное освобождение может принести хорошие результаты только в том случае, если условия будут разумными. Они должны предоставлять в каждом случае максимальную свободу, соответствующую общественной безопасности; и окончательными судьями должны быть сами люди. Преступник должен сам добиваться своего спасения и доказать, что он заслуживает снятия всех ограничений, прежде чем они будут сняты. Если от него просто требуют, чтобы он делал это в крайне искусственных условиях в стенах учреждения, он быстро научится обходить чиновников. По его поведению в учреждении нельзя судить о том, каким будет его поведение на улице в совершенно других условиях. Внутри у него нет иного выбора, кроме как подчиняться. Снаружи ему приходится думать и действовать самому, у него есть возможность приобрести новые интересы и усвоить привычки, которые, скорее всего, сохранятся, потому что они присущи его свободным согражданам.

Всевозможные системы были опробованы в работе с правонарушителями. Всегда признавалось, что необходимо удалить его из места, где он совершил преступление. Его перевозили в другие страны, чтобы он начал новую жизнь; но условия, в которых проводилась эта операция, были ужасающими. Его помещали вместе с другими преступниками и оставляли, почти не контролируя, чтобы он становился хуже или делал хуже другим. Его поместили в одиночную камеру, отрезав от любой компании, что привело к разрушению как его разума, так и тела. В настоящее время он отделен от своих товарищей, но у него нет возможности соприкоснуться со здоровой социальной жизнью. Одна система ломалась за другой. Все системы не смогли удовлетворительно справиться с ним.

Не может быть никакой системы, а только метод; и это метод, который использует врач в работе со своим пациентом. Убедившись, что человек, пришедший к нему за советом, страдает определенным заболеванием, он выясняет историю болезни, привычки и занятия, социальное положение пациента и на основе полученной информации продумывает лечение. Курс поведения, предписанный одному человеку, может оказаться совершенно неподходящим для другого, хотя оба страдают от одной и той же болезни; и мудрый врач знает, что он не может не учитывать мнение самого пациента о том, что следует делать. Точно так же обстоит дело и с преступником. Во многих случаях он лучше всех может сказать, что следует сделать для него; и если это не то, что принесет вред обществу, то нет никаких причин не считаться с его мнением, а есть все основания для того, чтобы считаться с ним. Эксперт может много знать о преступнике, но уже неоднократно было доказано, что он не знает, как его перевоспитать; ведь ему предоставлялись широкие возможности, и его предписания заканчивались неудачей. Чиновник склонен считать, что он и его методы должны быть выше критики. Его должность так долго превозносили, что он искренне верит в необходимость ее сохранения в интересах общества. Невозможно создать ни одного учреждения, которое не привело бы к формированию корыстных интересов в его сохранении; и все же о каждом учреждении следует судить по его результатам, а не по мнению тех, кто призван им управлять.

С улучшением социального положения людей, с повышением минимального уровня жизни, с отменой или даже смягчением проблемы нищеты вся картина вещей изменится. Есть все основания полагать, что изменения в этих направлениях произойдут, но пока многие падают на пути, а многие пользуются возможностью получить преимущество в ущерб своим соседям. В любых социальных условиях могут происходить правонарушения. Какие бы законы мы ни принимали, всегда найдутся нарушители. Человек может овладеть ревностью

или гневом и причинить вред своему ближнему, из зависти или жадности ограбить его, но привычку к этому он может приобрести только с нашего разрешения. Если в самом начале его контролировать и держать под контролем, он не приобретет эту привычку.

Наши нынешние методы не предотвращают рост числа привычных преступников, и они не предназначены для того, чтобы помочь исправиться тем, кто совершил ошибку. Большой недостаток всех наших систем заключается в том, что они не основаны на признании социальных условий, как они существуют. Большинство мужчин могут вести себя хорошо под надзором, и этот надзор во многих случаях может быть столь же эффективным за пределами учреждения, как и внутри него. Мужчины предпочитают большую, а не меньшую степень свободы. В настоящее время у них есть более чем один выбор. Они могут подчиниться нашим законам и выйти на свободу; или же они могут нарушать наши законы, зная, что если их поймают, то, заплатив денежный или временной штраф, они смогут вновь совершить свои проступки. Привычный преступник продолжает совершать преступления, потому что он предпочитает рисковать тюремным заключением и жить по-своему, а не мириться с рутинной и спокойной жизнью своего законопослушного соседа. Когда он поймет, что вопрос оплаты не стоит, а ему просто предлагают выбор: хорошее поведение за пределами тюрьмы или заключение в тюрьме, он начнет пересматривать свою позицию.

В педологии есть только один принцип, который заслуживает внимания: выяснить, почему человек поступает неправильно, и сделать так, чтобы он не совершал этого. Невозможно ничего выиграть, если предположить, что индивидуальные особенности можно игнорировать, и можно все потерять. Если мы хотим извлечь из него максимальную пользу, нам следует ограничить свободу преступника настолько, насколько это возможно в соответствии с благополучием общества, и расширять ее постепенно, по мере появления оснований для этого. Мы не можем навредить ему, не навредив себе, и мы должны стремиться к тому, чтобы сделать его лучше, а не хуже.

КОНЕЦ

Сноски:

[1] В Шотландии трудоспособные неимущие мужчины не имеют права на пособие по закону о бедных.

[2] *Правила для тюрем в Шотландии* 1854 года предписывают, что матрона "должна выяснить, насколько заключенные, которые содержатся в тюрьме в течение длительного времени, не разбираются в бытовых вопросах, таких как приготовление пищи, стирка и ремонт одежды, и проинструктировать их по этим вопросам. Она должна поощрять заключенных в свободное время приводить в порядок собственную одежду перед выходом из тюрьмы, а в некоторых случаях и шить себе новую. И, наконец, она должна узнать, каковы их перспективы после выхода из тюрьмы, и с помощью губернатора и капеллана сделать все возможное, чтобы найти для них подходящее место".

Это правило опущено в издании 1875 года и последующих; но оно значительно опережает все, что было заменено им.

[3] Однако рацион для осужденных более щедрый, чем для обычных заключенных. Осужденные-мужчины, чье поведение и работа были удовлетворительными, могут быть

освобождены по лицензии после отбытия трех четвертей срока наказания. Осужденные женщины в аналогичных обстоятельствах могут быть освобождены по лицензии после отбытия двух третей срока.